

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XXII Международной научно-практической конференции

г. Новосибирск, 31 марта, 26 апреля 2016 г.

Под общей редакцией С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК
2016

ББК 81.001.2+71.05
УДК 81'271+008
Я 41

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Шервашидзе В.В., профессор кафедры Русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (г. Москва), доктор филологических наук, профессор – *председатель*.

Чернов С.С., заведующий кафедрой Производственного менеджмента и экономики энергетики Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск), руководитель ЦРНС, кандидат экономических наук, доцент – *заместитель председателя*.

Шигуров В.В., заведующий кафедрой Русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия.

Радомысленский Е.В., заведующий кафедрой Театрального искусства Института современного искусства (г. Москва), профессор, заслуженный деятель искусств РФ.

Баглиева А.З., заведующий кафедрой Философии Дагестанского государственного педагогического университета (г. Махачкала), доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент.

Кузнецова Л.В., доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических наук Ростовского юридического института (г. Ростов-на-Дону), доктор филологических наук, доцент.

Строй Л.Р., первый заместитель директора Красноярского краевого научно-учебного центра кадров культуры (г. Красноярск), кандидат искусствоведения.

Иванюкова Т.А., доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), кандидат филологических наук.

Торопова Л.С., доцент кафедры «Иностранные языки» Дальневосточного государственного университета путей сообщений (г. Хабаровск), кандидат филологических наук.

Я 41   **Язык и культура:** сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. – 212 с.

ISBN 978-5-00068-526-6

В сборник вошли материалы секций: «История зарубежных литератур», «История языка и культурная память народа», «История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук», «Лексикология и фразеология», «Общие вопросы языкознания», «Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов мира», «Проблемы переводоведения», «Русская и зарубежная литература», «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», «Семиотика», «Сравнительное историческое языкознание», «Теория концептов», «Язык и ментальность».

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Сборник материалов МНПК зарегистрирован в РИНЦ и размещен на сайте Научной электронной библиотеки elibrary.ru по адресу: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=38354 (договор на размещение материалов конференции в РИНЦ № 475-08/2013 от 7.08.2013).

**ББК 81.001.2+71.05
УДК 81'271+008**

ISBN 978-5-00068-526-6

© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. История зарубежных литератур.....	6
<i>Нусратова Х.Ч.</i> Актуальность темы войны в детской литературе (на примере творчества литератора Сафара Барноева)	7
Секция 2. История языка и культурная память народа.....	13
<i>Киевец С.Е.</i> Скандинавские заимствования в английском языке в среднеанглийский период	14
Секция 3. История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук	19
<i>Арзуманян Л.С., Аракелян Л.А., Айрапетян А.А., Казарян М.Г., Тепеликян М.Г.</i> Особенности методики преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка	20
<i>Карпенко А.В.</i> Формирование вторичной языковой личности. Лингвокультурологический аспект (из опыта работы)	24
Секция 4. Лексикология и фразеология.....	33
<i>Захарчук Г.С.</i> Стилистически окрашенная лексика во французской прессе	34
Секция 5. Общие вопросы языкознания.....	41
<i>Краснова Т.В.</i> Кинодиалог и речь героев в литературном произведении.....	42
<i>Нужнова Е.Е.</i> Интертекстуальность в научной речи	49
<i>Ульянова Н.Н., Хлыстунова Ю.Ю.</i> К вопросу об основных лексических единицах пополнения сниженной лексики современного немецкого языка	54
Секция 6. Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов мира	60
<i>Абдрахимов Л.Г.</i> Взгляды различных ученых на грамматику китайского языка	61
<i>Djurayeva K.B.</i> Devon of Khusayn Baykara.....	64
Секция 7. Проблемы переводоведения.....	69
<i>Андреева Е.А., Лабзина Л.Н.</i> К вопросу о переводе авторских неологизмов в художественных произведениях	70

<i>Белоусова Н.А.</i> Проблемы перевода на уроках английского языка.....	74
<i>Коновалов В.С., Радченко Г.И.</i> Лексический повтор как средство гармонизации в стихотворениях Ф.Г. Лорки и их переводах на русский язык	79
<i>Николаев В.П.</i> О некоторых особенностях перевода внешнеэкономических контрактов	84
<i>Полонская А.Б., Локтионова К.В.</i> Способы достижения эквивалентности при переводе английской литературной стихотворной сказки на русский язык	90
<i>Сейдикенова А.С., Кемелбекова З.А.</i> Проблемы перевода медицинских терминов (медицина терминдерін аудару мәселелері) ...	96
<i>Трофимова-Коваленко Н.И.</i> Классификация лингвистических трансформаций и причины их употребления при переводе с английского на русский язык	102
<i>Шевченко О.Н.</i> Some techniques for effective interpretation	107
Секция 8. Русская и зарубежная литература	111
<i>Майорова Г.В.</i> Проблема терроризма в гиперреалистическом романе Ф. Бергедера «Windows in the world».....	112
Секция 9. Русский язык: конструкционные и лексико- семантические подходы.....	119
<i>Долгова А.М.</i> Ключевое слово текущего момента «патриот»: трансформация лексического значения как способ конструирования политической реальности	120
Секция 10. Семиотика	125
<i>Дёмин И.В.</i> Семиотический подход в историческом познании.....	126
<i>Кузина Н.В.</i> Вторичная семантизация в повествовательном тексте	131
Секция 11. Сравнительное историческое языкознание.....	153
<i>Лягушевич С.И.</i> Метафорическое образование терминов радиоэлектроники во французском и английском языках	154
Секция 12. Теория концептов	160
<i>Фесенко О.П.</i> Концепт «Родина» в русской и арабской лингвокультурах (на материале словарей)	161

Секция 13. Язык и ментальность	166
<i>Гракова Н.А., Ломтева Т.Н.</i> Море как фактор социализации и формирования картины мира англичан	167
<i>Есина Е.А.</i> Реализация оппозиции «свой – чужой» в медиатексте «Шоу “Уральские Пельмени”».....	170
<i>Ефимчик С.М., Крайнова А.С.</i> К вопросу об учете этнокультурных особенностей учащихся из стран ближнего зарубежья в процессе межкультурного образования в военном вузе.....	176
<i>Исакова А.В.</i> Сопоставительный анализ языковых личностей Барака Обамы и Си Цзиньпина на материале текстов их выступлений.....	181
<i>Сегал Н.А., Петрова А.О.</i> Метафорическая модель «политика – это шахматы» в текстах политических СМИ	186
<i>Сегал Н.А., Трембач И.В.</i> Особенности реализации образа любви в эпистолярных произведениях В.В. Маяковского.....	193
<i>Табакова З.П., Шипилова Ю.В.</i> Концепт дом в этнопоэтическом пространстве.....	199

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular element at the top left and bottom left.

Секция 1

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ВОЙНЫ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЛИТЕРАТОРА САФАРА БАРНОЕВА)

© Нусратова Х.Ч.¹

Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан, г. Бухара

В статье раскрыто развитие узбекской детской прозы на основе анализа произведений выдающегося узбекского деятеля С. Барноева на тему войны и мира.

Ключевые слова: узбекская детская литература, психология ребенка, военной темы, образ подростков, лирическая интерпретация, дидактика, цикл рассказов, детское повествование, литературный талант, сюжет.

В узбекской детской прозе был создан очень много рассказов о войне. Основа основ этих рассказов состоит в том, чтобы передать все ужасы войны, а также нанесенные травмы на душу детей от войны. В этих рассказах изображается не только тяжелые последствия войны но и духовно нравственные проблемы воспитания молодого поколения.

Критик детской литературы П. Шермухамедов тему войны разделяет на пять группы. Первая группа состоит из рассказов о жизни детей сирот потерявшие родителей во время войны. Вторая группа состоит из рассказов о детях непосредственно участвовавших в военных действиях и о подвигах детей на фронтах войны. Третья группа включает в себе рассказы о жизни и о подвигах детей трудовых в тылу страны. Четвертая группа состоит из рассказов, воспоминаний, этюдов и повестей на основе документальных данных взрослых людей. Пятая группа включает в себе рассказы военного и патриотического характера [4, 105].

По нашим данным процесс создания произведения военной темы делится на две взаимосвязанные группы: произведения военных лет и произведения послевоенного периода. Рассказы о войне С. Барноева относятся к второму периоду создания произведений о войне. Вместе с этим с точки зрения развития общественной мысли послевоенный период имеет свои принципы интерпретации и этапы развития. Оно тесно связано с отношением детей к вопросам последствия войны. Начиная с 1990-х годов прослеживается синтез идеи защиты независимости, мира и труда.

Пока продолжается жизнь на земле будет продолжение борьбы добра и зла, справедливости и беззакония. Отрицательным полюсом этой борьбы является терроризм в виде ваххабизма и фундаментализма.

---

¹ Старший преподаватель кафедры Методики начального и дошкольного образования.

В творчестве С. Барноева преобладает рассказы антивоенного характера. Его стихи на этой теме получили достойную оценку специалистов [5, 123]. Несмотря на это прослеживается отсутствие специальных трудов по творчеству данного автора [3, 10].

Хотя автор не участник военных действий но он является детьми войны. Глубокая рана в душе от ужасов войны оставил неизгладимый след в памяти ребенка того периода. Основа темы войны и ребенка состоит именно в этой травме души автора. Особая внимания к данной теме объясняет причину принципиального подхода автора. Номинант конкурса «Премия» сборник «Рассказы 1947 года» состоит из четырех рассказов о войне. В этих рассказах чувствуется безграничная ненависть автора к войне и к разжигателям войны в мире. Рассказы иногда эпизодически, иногда символически отражает объективную оценку автора путем художественного мастерства.

Своеобразна и подход автора к вопросам войны. Причину такого подхода сам автор объясняет так: « Я предпочитаю рассказать о жизни детей послевоенного периода. Яркий пример этого «Рассказы 1947 года». Потому что, я считаю себя представителем детей войны. Я до сих пор живу памятью безвестно пропавшего отца и проблемами детей того времени» [1, 330].

Отношения героев созданных автором к проблемам войны делятся на две взаимосвязанные направления:

1. Отношения детей войны и послевоенного периода. Примеры этого сборник «Рассказы 1947 года» и сборник стихотворений «Согинч» («Тоска»).
2. Отношения детей современности к войне. Примеры этого рассказы «Янги кунлар» («Новые дни»), «Кечаги кун» («Вчерашний день») и сборники стихов и поэм «Чироклар» («Светы»), «Дадамхакидакушик» («Песня о моем отце»), «Тоглардаман» («Я в горах»).

Творчество С. Барноева объединяет оба направления отношений к войне.

Исходя из этого можно охарактеризовать следующие черты сборника «Рассказы 1947 года»:

1. Критика войны – это общая платформа идей сборника.
2. Все герои сборника дети войны и послевоенных лет.

Отношения к войне синтезирует всю гамму душевных переживаний детей войны. Объединяющая линия сюжетов одна – это ненависть и тяжелая критика войны. Через этих мотивов переплетается сюжеты и возникают новые духовные силы против войны. Но уровень передаваемы чувство ненависти к войне в рассказах разные.

В рассказе «День возвращение солдата» все события излагается через «Я» героя. У друга этого ребенка, у Соли отец погиб на войне. Он попадает под надзор отчима и начинает работать на рынке – продавая куры и яиц на базаре. Одним эпизодом автор характеризует истинное лицо отчима этого ребенка. «Резко изменился жизнерадостный ребенок. Увидев, отчима он бежит домой» [1, 123]. Это оценка на отчима параллельно показывает измене-

ния на характере ребенка. Такой своеобразный метод изложения характеристики типично для С. Барноева.

Друзья Соли для поддержки прекратили поздоровиться с его отчимом. Но из-за детской шалости они изображая птичий голос смеялись над Соли. В это время сын тётушки Сарви по имени Курбан из войны вернулся. Его ноги были ампутированы. Друзья Соли начали помогать Курбану. После начала экзаменов в школе они забыли об инвалиде. Но только Соли помнил и помогал инвалиду. Благодарные Курбан и тётушка Сарви друзьям Соли наставляли, чтобы они не оставили Соли в одиночестве. Основная события рассказа в этом.

Прежде чем сказать об этом необходимо привести слова В.М. Акимова о книгах: «Что книга должна дать детям? Книга должна помогать росту мышления. Книга должна воспитывать добра в них. Детская книга должна учить к доброте, благородству и чести»[2]. С этой точки зрения рассказ призывает к протесту к войне и к дружбе между детьми войны. Это достигается путем мастерского рассказа о трудностях жизни инвалида Курбан и о трудностях жизни сироты Соли. Мастерство автора проявляется описанием благородство сироты через слова и поступками других героев. Сложный литературный манёр прослеживается в словах Курбана о сироте Соли. Хотя для Соли душевно трудно, но он сохранил доброту и благородство в своем детском сердце.

Барноев С. старается создать движения двумя линиями. Это поступки детей и участников войны. Дети у Курбана всегда спрашивали о войне. Это тяжело для Курбана и автор следующим образом характеризует состояние инвалида: « Сколько мы спросили Курбан все равно ничего не говорить и умоляет ничего не спросить о войне». Война для Курбана тяжелая воспоминания, болезненная точка в душе инвалида и дети понимают состояние этого героя. В некоторых произведениях встречается восхваление своих подвигов со стороны героев. У С. Барноева в противовес этому герои войны немногословны, скромны и истинно патриотичны. Инвалид Курбан, его мать Сарви и сирота Соли является такими скромными героями своего времени и они привлекает внимания читателей.

Самый трагический момент рассказа это когда мать Курбана залегла недугом. Автор через анализ душевных переживаний изображает состояние Курбана: «Курбан разглаживая волосы, лоб, руки, глаза матери тяжело плачет.

Мать говорить: – Остав меня. Я довольна что ты вернулся живым. У меня ничего ещё не осталось и благодарно судьбе своим.

В ответ Курбан говорить: – Куда я денусь мама».

Здесь автор через думы смертельно больной матери о своем сыне реалистично изображает картины истинного мира человечности в жизни.

Достоинны внимания и рассказы «Саракбиби», «Севинчлар» («Радости»), «Чироклар» («Светы») и «Насиба» («Доля»). Например герой рассказа 4-

5 летний Карим. У автора Карим самый любопытный и быстро начинает нравиться всем. Он не видел войну, но хочет знать многого. Когда паровоз с отцом начинает двигаться он начинает плакать и говорить: – Папенька куда вы уходите? Вы мне не показываете город? Почему обманули меня...? Младший возраст мешает понять происходящего и капризы ребенка кажется смешотворными. Откушенный хлеб солдата висит самым почетным месте в гостиной и этот эпизод повышает значимости и жизненности рассказа. Этот хлеб не только память о солдате но и поддерживающая сила для Карима – ребенка того солдата. В произведение рассказывается рост внутреннего мира Карима и читатель легко узнаёт черты характера и заслугу детей той эпохи.

Автор точно рисует мечты ребенка провожающего отца на фронт. У ребенка не видевши город, мечтающего о прогулке по городу проводы отца второстепенная мероприятия. Для ребенка его мечты первичны и это правда жизни того периода. Потому что дети того возраста не думает о проблемах жизни, а думает о своем мечте. Через этого автор достигает жизненности рассказа.

Картина проводы солдата также дается через видение мира ребенка. Одна только деталь в рассказе раскрывает все сущности характера ребенка, трагизма эпизода и национальные черты народа. И это деталь памятный хлеб откушенный солдатом. Пропажа этого хлеба жестоко разрушает мечты маленького ребенка по имени Карим. Потому что он долго ждал. Но после пропажи он узнает, что отец не вернется. Во сне он ищет того хлеба. Через этот деталь автор раскрывает все тяжести душевных мучений маленького ребенка. Это приводит к возникновению сопереживания к ребенку и ненависти к войне. Портрет героя этого рассказа можно рисовать таким образом: Карим ребенок верующий на откушенную отцом хлеба, простой, умный, трудолюбивый, послушный и близкий помощник матери. По отношению образа Карима образ его матери и бабушки не так эффективны. Образ Карима ярка и своеобразна.

Рассказ «Она» («Мать») также составлен через жизни и общении детей той эпохи. Для этих детей игра первична, они любят играть в разные игры. Они далеки от жизненных проблем. Ради своих игр они готовы обманут своих матерей. Но у ребенка по имени Дони от этого обмана мучается совесть. Несмотря на это он знает, что завтра он опять обманет свою маму.

Сама названия показывает что это рассказ о жизни матерей того периода. Сюжет рассказа построен на основе отношений детей и их матерей. В этом рассказе также прослеживается словоохотливости автора. Но важно то, что читатель легко узнает все неправильные поступки детей. Жизненность сюжета учить к уважению и доброго отношения к матери. В рассказе нет ни одно упоминание о войне. Но сиротство детей это сама проклятия автора на войну.

В рассказе «Байрам» («Праздник») изображается последствия тяжелые войны: нищета и трудности жизни. Это дается через мировоззрение малень-

кого ребенка. Правдивость, сопереживание к матери, стремление к доброте в образе Хамро показывает, что из этого ребенка выйдет хороший настоящий человек.

Реальные изображения последствия войны и духовного мира детей войны характерная черта рассказов автора. Искренность и народность этих рассказов достигается с применением примеров фольклора в виде наставлений и проклятий типа «кора козон коралигиникилади» (черный котел все ровно делает свои черные пакости), «хакдебосмонгакарабётганингбиланосмонданчалпакё-гилмайди» («если лежа спрашиваешь бога из неба не падает блины»), «бизни шу кунларгасолганларнингнасибасиузилсин» («кто виноват за эти наши дни пусть у них отрезается доля небесная») и т.д.

Иногда автор не обращает на название рассказа. Это видно в рассказах «Аскар кайтган кун» («День возвращение солдата») и «Она» («Мать»). Но в рассказе «Насиба» («Доля») смысл полностью совпадает с названием произведения.

В сборнике «Нилуфарнинголмалари» («Яблоки Нилуфара») включены три рассказа о войне. Из них в рассказах «Барфия» («Снегурочка») и «Буви-синингунг кули» («Правая рука бабушки») изображается последствия войны. С этой точки зрения особое место занимает второй рассказ. Там картина такая: В дом пришли гости. Нигина начала упорядочить обуви гостей. В это время она замечала, что у одной обуви не хватает второй пары. Причину этого объяснила бабушка. Но здесь отсутствия рассказа о помощнице бабушки сюжет не совпадает с названием произведения. Здесь преобладает рассказ о последствиях войны.

В рассказе не говорится о войне, но читатель догадывается об этом через образы героев эпизода. Такой подход С. Барноева и прослеживается в лирическом и эпическом творчестве автора. Например в «Кассам хакида баллада» (Баллада о клятве) из двух друзей у одного нет правая нога а у другого нет левой ноги. Несмотря на это они рады, что живыми вернулись из войны.

В заключение можно сказать, что герои рассказов С. Барноева простые, умные, иногда шаловливые. Но у них светится внутренний мир человечности. Взаимопомощь детей в рассказе «День возвращение солдата», вера, надежда и труд Карима в рассказе «Доля», самокритика и уважения к матери со стороны детей в рассказе «Мать», противостояние к обману в рассказе «Праздник» это качества героев рассказов С. Барноева. Из-за этого они близки к сердцу читателя.

Война уже в далеком прошлом. В произведениях о войне напоминает насколько трудно было сохранить мир и сколько жертв было отдано ради мира. Напоминается также героизм и бесстрашие нашего народа во время смертельной угрозы над миром. Основной целью этого воспитания патриотизма, сохранение мира. Не зная прошлого невозможно достойно оценить настоящего и будущего развития народа. Воспитания антивоенного подхода созда-

ёт почву для патриотизма и миролюбия. Из-за этого рассказы о войне всегда будут актуальны и интересны для читателя всех возрастов.

В эпоху разгула терроризма, фундаментализма и угрозы под разными религиозными масками рассказы С. Барноева вдвойне актуальны в деле борьбы против войны и фанатизма. С этой точки зрения рассказы автора всегда читаемые рассказы для молодого поколения.

В последние годы С. Барноев создает произведения не только для детей. Его работы для взрослых отличается солидностью, идейностью сюжетов и лаконичностью заключений. В каждом рассказе автора прослеживается разнообразие черты творчества мастера искусства литературы.

Список литературы:

1. Барноев С. Каримжон Карлсон. – Тошкент: “Ёш гвардия”, 1988. – 337 с.
2. Акимов В.М. Дети ждут чтение, а не чтение / проблемы перестройки в детской литературе // Детская литература. – 1989. – № 4.
3. Сафо Матжон. Тириклик суви. – Т.: “Ёш гвардия”, 1986. – С. 10.
4. Шермухаммедов П. Ижод дарди. – Тошкент: адабиёт ва санъат, 1973. – 158 с.
5. Ўзбек болалар адабиёти ва адабий жараён. – Тошкент: “Фан”, 1989. – 223 с.

Секция 2

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

СКАНДИНАВСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

© Кивец С.Е.¹

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, г. Томск

В статье проанализированы скандинавские заимствования в английском языке в среднеанглийский период сквозь призму торговых и культурных связей между Англией и скандинавскими странами. В результате проведенной работы определены основные сферы жизни общества, которые подверглись существенному влиянию со стороны Скандинавии.

Ключевые слова: среднеанглийский период, заимствования, английский язык, лексема, скандинавские страны.

Заимствование в английском языке – неотъемлемая часть исторического изменения словарного состава языка. Иностранные слова оказывали существенное влияние на формирование облика английского языка, который с 1066 г. по 1500 г. активно подвергался воздействию со стороны скандинавских стран. Об этом свидетельствуют торгово-экономические отношения и культурные связи между Англией и Данией, Швецией, Исландией, Норвегией и Финляндией. Процесс заимствования предотвратить было невозможно, поскольку интеграция стран способствовала процветанию государств и повышению благосостояния граждан.

Жители скандинавских стран с VIII века представляли существенную угрозу многим европейским государствам. Начав с близлежащей Англии, они распространили свои набеги на государство франков, охватив на северо-западе Нормандию [1, 275]. Викинги научились строить крепкие оборонительные сооружения, а также были знатоками в производстве различных видов оружия и доспехов. Кроме того, жители скандинавских стран были искусными мастерами и в кораблестроении. Датчане едва ли не первыми начали эпоху грабежей и колонизации, в том числе и Исландии [1, 356].

В первой половине XI в. Англия входила в состав обширной державы на берегах Северного моря, которая также включала Норвегию и Данию. В 1066 г. король Норвегии, добивавшейся независимости от Дании, вторгся в Англию. Однако английскому королю Гарольду удалось разгромить захватчиков в битве у Стамфорд-Бридж, и эта победа положила конец двухвековому периоду скандинавских вторжений в Англию [2, с. 161-162].

На протяжении всего среднеанглийского периода Англия стремилась развивать и укреплять торгово-экономические отношения со всеми сканди-

---

¹ Студент кафедры Мировой политики. Научный руководитель: Андреева Т.Л.

навскими странами. Так, например, в XIII в. Стокгольм стал важным торговым центром на Балтике. Из этого города вывозились медь, железо, масло, кожи и шкуры [3, 56]. В Дании проводились сконские ярмарки, которые представляли особенное место для товарообмена. Большим спросом на них пользовалась сельдь из пролива Эстерсунн. Более того, на сконских ярмарках встречались прусские и прибалтийские купцы с голландцами и англичанами. И здесь же осуществлялась торговля всевозможными товарами с датчанами. Вторая половина XIV в. была временем расцвета сконских ярмарок, однако интерес англичан и голландцев стал постепенно ослабевать [4, 95-96].

Стоит отметить, что Англия поддерживала особые отношения с Исландией, которая была незаменимым торговым партнером. На протяжении XV в. исландская вяленая рыба стала ходовым товаром и высоко ценилась в самых разных странах. До этого Исландия экспортировала шерстяные ткани, которые пользовались огромным спросом за рубежом. XV в. вошел в историю страны как «английский век», ведь именно тогда английские рыбаки начали вести промысел в богатых исландских водах [7, 72]. Англичане не остановились на достигнутом и продолжали составлять конкуренцию купцам из Норвегии. Жители Англии нанимали исландцев на службу и платили им. Англичане также основали несколько рыболовецких пунктов, крупнейший из которых находился на островах Вестманнаэйр к югу от Исландии. Немало исландцев, в свою очередь, эмигрировали непосредственно в Англию [7, 72-73].

Особые торговые отношения также связывали Англию и Норвегию. Норвежцы экспортировали преимущественно рыбопродукты, в частности сушеную и вяленую рыбу. Крупномасштабное рыболовство в Норвегии датируется началом XII в. Англичане были основными импортерами норвежской вяленой трески. Так, например, в первое десятилетие XIV в. из Норвегии в Англию вывозилось около 1500 тонн вяленой рыбы [8, 61].

Наиболее скромное влияние на Англию оказывала Финляндия, которая среди скандинавских стран дальше всех располагалась от Британских островов. Тем не менее, страна реализовывала себя в духовной и культурной сферах. Например, в среднеанглийский период при посредничестве финского духовенства в западной христианской цивилизации были сформированы общие традиции, образовавшие ядро культуры, присущей современному ЕС [6, 11-12].

Чтобы определить ключевые сферы общества, которые подверглись массовым заимствованиям, и установить происхождение иностранных слов, проведена работа со словарем «Dictionary of Etymology». Заимствованные слова были поделены на две группы: к первой группе относятся лексемы, которые пришли в английский язык только из Скандинавии, а второй ряд слов состоит из лексем, происхождение которых точно установить невозможно. В этой группе обязательным требованием является условие, что одним из возможных вариантов заимствования являются слова скандинавского происхождения.

В результате проведенного исследования, было обнаружено 275 слов, непосредственно пришедших в английский язык из скандинавских стран. Стоит отметить, что примерно 660 лексем, возможно, были заимствованы из стран Скандинавии. Цифры, приведенные выше, подтверждают еще раз, что Исландия, Норвегия, Швеция, Дания и Финляндия оказали существенное влияние на формирование облика английского языка. Основными сферами употребления скандинавских заимствований стали (в скобках указаны годы примерного заимствования слов):

- эмоции (anger – 1250; awe – 1200; sorrow (возм.) – 1150; smile (возм.) – 1303; fear (возм.) – 1280; hate (возм.) – 1175; sad (возм.) – 1200);
- человек (kid – 1200; lad – 1300; lass – 1300; sister – 1250; guest – 1200; swain – 1160; husband – 1200; fellow – 1250; friend (возм.) – 1175; neighbor (возм.) – 1117; witch (возм.) – 1250; child (возм.) – 1175); wife (возм.) – 1483; thief (возм.) – 1124; father (возм.) – 1175; king (возм.) – 1121; queen (возм.) – 1200; bride (возм.) – 1200);
- продукты питания (cake – 1200; egg – 1340; steak – 1440; flake – 1325; meat (возм.) – 1125; milk (возм.) – 1150; fish (возм.) – 1200; fluke (возм.) – 1400); yeast (возм.) – 1430); food (возм.) – 1200; honey (возм.) – 1200; milk (возм.) – 1150);
- природа (sky – 1200; creek – 1449; dawn – 1499; bark – 1378; mire – 1219; glade – 1400); snow (возм.) – 1200; sea (возм.) – 1150);
- одежда (skirt – 1325; scarf – 1276; wear – 1121);
- части тела (skull – 1200; skin – 1200; calf – 1325; leg – 1300; ear (возм.) – 1200; hair (возм.) – 1150; finger (возм.) – 1121); waist (возм.) – 1350-75; thumb (возм.) – 1137; tooth (возм.) – 1200; thigh (возм.) – 1200; sinew (возм.) – 1200; rib (возм.) – 1200; chin (возм.) – 1200; eye (возм.) – 1200; nose (возм.) – 1150);
- юриспруденция (bylaw – 1370; law – 1200; outlaw – 1300);
- животный мир (reindeer – 1400; flounder – 1304-05; snipe – 1300; wolf (возм.) – 1300; dove (возм.) – 1150; rat (возм.) – 1378; cow (возм.) – 1227; worm (возм.) – 1300); wasp (возм.) – 1373; titmouse (возм.) – 1325; swine (возм.) – 1325; sparrow (возм.) – 1200; shrimp (возм.) – 1327; colt (возм.) – 1382; crab (возм.) – 1200; fish (возм.) – 1200; hare (возм.) – 1200; heron (возм.) – 1353; lark (возм.) – 1225; mouse (возм.) – 1325);
- нация (irish – 1205; danish – 1387);
- домашний обиход (window – 1200; cottage – 1390; knife – 1300; bag – 1200; room (возм.) – 1200; door (возм.) – 1200); soap (возм.) – 1250; shoe (возм.) – 1200);
- болезнь (ill – 1150; sore (возм.) – 1175; wound (возм.) – 1300); sick (возм.) – 1175; singe (возм.) – 1340);

- растения (fir – 1300; shrub (возм.) – 1327; oak (возм.) – 1200; tree (возм.) – 1250); wheat (возм.) – 1200; rye (возм.) – 1325; dill (возм.) – 1373; grass (возм.) – 1150; leek (возм.) – 1300);
- жизнь (birth – 1250; die – 1300);
- драгоценные камни и полезные ископаемые (jade – 1390; stone (возм.) – 1200; ore (возм.) – 1200; coal (возм.) – 1200); silver (возм.) – 1121);
- дни недели (Wednesday – 1200; Sunday – 1250; week (возм.) – 1200);
- цвета (brown (возм.) – 1300; white (возм.) – 1325; red (возм.) – 1200); yellow (возм.) – 1380-85).

Основой данной классификации стало разграничение на 15 сфер употребления, которые были наиболее характерны для английского общества в тот период времени. Остальные лексемы остались за пределами раздела в связи с тем, что они либо не входили в данную тематическую группу, либо не являлись общеупотребительными лексемами.

Очевидно, что в среднеанглийский период словарный состав английского языка претерпел серьезные изменения. Торговые связи имели решающее значение для развития Англии в тот период. Государство начало тесно сотрудничать со скандинавскими странами, о чем свидетельствует приток новых заимствованных слов, который явился не только следствием развития торговли. В частности, культурные отношения Англии и Финляндии также способствовали изменению словарного состава языка. Скандинавским странам удалось обогатить английский язык, поскольку слова, заимствованные из Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции и Дании, уже имели обозначения предметов и явлений, существовавших и активно употреблявшихся в разговорной речи [5, 67-68]. Из приведенной выше классификации можно сделать вывод, что заимствованию со стороны скандинавских стран в большей степени подверглись следующие сферы жизнедеятельности общества: человек, продукты питания, животный и растительный мир, домашний обиход и части тела.

Следовательно, значительная часть заимствований характерных для английского языка в среднеанглийский период была скандинавского происхождения. Особую значимость для развития языка имели заимствования из Исландии, у которой были очень крепкие отношения с англичанами. В итоге, скандинавские слова ассимилировались, и сегодня отличить их от исконно английских лексем практически невозможно.

Список литературы:

1. Всеобщая история: в 6 т. / Л.С. Васильев. – М.: КДУ, 2013. – Т. 2: Восток и Запад в Средние века. – 538 с.
2. Кенигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Н.Я. Марголина. – М.: Весь мир, 2001. – 384 с.

3. История Швеции / Я. Мелин [и др.]. – М.: Весь Мир, 2002. – 400 с.
4. История Дании / С. Буск [и др.]. – М.: Весь мир, 2007. – 608 с.
5. Матвеева Е.А. История английского языка / Е.А. Матвеева. – М.: Тезаурус, 2006. – 102 с.
6. Мейнандер Х. История Финляндии. – М.: Весь Мир, 2016. – 256 с.
7. Хьяульмарссон Й.Р. История Исландии / Т.Н. Джаксон, И.Б. Зорько. – М.: Весь Мир, 2003. – 240 с.
8. История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен [и др.]. – М.: Весь Мир, 2003. – 528 с.
9. Barnhart Robert K. Dictionary of Etymology / Robert K. Barnhart. – New York: Harper Hollins Publishers, 1995. – 916 p.

Секция 3

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© Арзуманян Л.С.¹, Аракелян Л.А., Айрапетян А.А.,
Казарян М.Г., Тепеликян М.Г.

Ереванский государственный медицинский университет им. М. Гераци,
Республика Армения, г. Ереван

В данной статье рассматривается обучение студентов базовым и профессиональным терминам английского языка, делая акцент на межкультурные, психологические, лингвистические и экстралингвистические аспекты в методике. На наш взгляд, при успешном учебном процессе, учитывая особенности методики преподавания иностранному языку студентам очень важны, что способствует эффективной профессиональной коммуникации студентов.

Ключевые слова: особенности методики, языковые аспекты, коммуникативная подготовка, профессиональная лексика, мотивация, сравнительный анализ.

Новое время, новые условия, в которых мы живем, потребовали немедленного пересмотра конкретных методов и технологий преподавания иностранных языков. В современном мире происходящие экономические и социально-культурные изменения способствуют росту межкультурной коммуникации, расширению сотрудничества между представителями разных культур. Небывалый спрос на иностранные языки со стороны специалистов разных специальностей потребовал качественный профессиональный коммуникативный уровень иностранного языка. Огромное количество специалистов в различных областях науки, бизнеса, медицины, техники и так далее призвали немедленному обучению иностранному языку в функциональных целях для использования в разных сферах жизни общества в качестве получения информации, а также средства профессионального общения со специалистами из других стран. Следовательно, успех обучения иностранного языка во многом зависит от методики работы преподавателя, от его умения пользоваться современными методами в контексте решения конкретных образовательных задач. «Методика не наука о том, как надо, а искусство, убеждающее как быть ярким и рациональным» [1, с. 75].

Ереванский Государственный Медицинский Университет им. М. Гераци принимает не только студентов из Армении, но из других стран, Индии, Ирана, России, Украины и так далее. Наше высшее учебное заведение проводит прием студентов на такие факультеты как подготовительную (нулевой курс),

---

¹ Преподаватель английского языка кафедры Иностранных языков.

общая медицина, стоматологическая, фармацевтическая и военная медицина. На подготовительном курсе профессионально-ориентированное обучение введется не на родном языке студентов, а на английском языке. Данный курс преподавания английского языка и медицинских терминов рассчитан на два этапа: 1) базовый курс английского языка (предусматривается преподавание бытовой лексики) и 2) профессиональный (преподавание лексики, используемой в медицинской профессиональной сфере – медицинская лексика и терминология). Базовый курс включает такие тематики текстов и ситуаций общения как: моя семья, распорядок дня, питание, времена года, отдых, описание жилища, путешествие и т.д. В профессиональной тематике рассматриваются такие темы как: строение человеческого тела, больницы, у стоматолога, в аптеке, инфекционные заболевания, пищеварительная система, нервная система и т.д. Практика работы обучению иностранному языку студентам привело обратить наше внимание на вопросы как правильно и конструктивно выбирать методы в процессе успешного усвоения материала и коммуникативных навыков.

Вопрос, как обучать профессионально-ориентированному иностранному языку, стал актуален как никогда. Рассматривая методику преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка, необходимо осознавать, что профессиональный язык (специальный язык) – это вербальный язык, его характерной особенностью является достаточно развитая тенденция к привлечению в его состав авербальных средств, использующихся в функции номинации специального понятия и дефиниции (как дополнительный материал в виде рисунков, чертежей, схем и т.п.). Предоставление информации с помощью нелингвистических средств в таблицах, графиках, рисунках «высокоэкономно понятно специалисту, который знает символы и может принимать намерение данного сообщения» [2, с. 299]. Использование анатомического атласа с изображением разных органов, скелета человека и т.д. дает нам интегрированный толчок, чтобы распознать и освоить лексику. На наш взгляд, нужно учитывать следующие критерии, в сочетании с психолингвистическими и экстралингвистическими факторами в процессе формирования удачного обучения.

- создавать атмосферу, в которой студент чувствует себя комфортно и свободно, стимулируя и развивая у него желание, практически использовать иностранный язык;
- затрагивать индивидуальные качества студента в целом, вовлекая его эмоции, ощущения, учитывая творческие способности;
- активизировать студента, делая его главным действующим лицом в учебном процессе, активно взаимодействующим с другими участниками этого процесса;
- создавать ситуацию, где студенты работают над языком самостоятельно, обеспечивая дифференциацию и индивидуализацию учебного процесса;

- предусматривать различные формы работы во время обучения: индивидуальная и групповая.

В настоящее время обучение профессионально-ориентированным иностранным языкам как средством общения между профессионалами разных стран, включает популярный метод с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Вхождение в мир интернета и обучения разным дисциплинам не могло не отразиться на процессах обучения в средних и высших учебных заведениях. Современный человек довольно с раннего возраста становится пользователем компьютера и сети Интернета. В связи с этим происходит видоизменение традиционных форм обучения. Сетевая связь дает возможность обучающей среде обеспечить постоянный режим доступа к информации, как со стороны преподавателя, так и со стороны студента, что соответствует непрерывности образовательного процесса. Например, этот метод способствует фонетическому курсу, при обучении иностранному языку одной из важнейших задач является постановка правильного произношения. Без хорошо поставленного произношения невозможно ни правильное порождение речи на иностранном языке, ни ее адекватное восприятие. Как писал языковед-фонетист Л.Р. Зиндер, «звуковая сторона составляет необходимую часть языка; только она и делает возможным его развитие, передачу от поколения к поколению» [3, с. 11]. Многие профессионально-ориентированные тексты берутся из Интернета, чтобы быстро войти в живую лексику и улучшить коммуникативные навыки.

Современный преподаватель сталкивается с множественными современными методами изучению иностранному языку, и их число растет. В современном арсенале методов существует такой метод как, к примеру, «внушение». В последнее время мы все больше слышим об интенсивном методе. По нашему мнению, этот метод хорош в экстремальных ситуациях, но системы знаний он не дает. Тем более говорить о богатом словарном запасе не приходится.

На наш взгляд, классическая методика преподавания иностранного языка и коммуникативный метод играет немаловажную роль в обучении. При данном подходе внимание уделяется всем четырем компонентам: аудированию, чтению, письму и говорению. Процесс происходит планомерно и дает стабильные фундаментальные знания. Данная методика преподавания позволяет создавать не только грамотную, но и письменную речь. Коммуникативная методика способствует практике общения и тренировки восприятия иностранной речи на слух. Применение этого в процессе обучения в более короткие сроки помогает преодолеть языковой барьер. Имея даже небольшой словарный запас, студенты могут пробовать свои силы в процессе общения на иностранном языке буквально с первых занятий. Эта методика изучения английского языка дает неплохие результаты именно потому, что она направлена на создание языковой среды. Весьма результативными ока-

зались методы работы с текстами профессионального характера с использованием методом story-telling. Подобный метод работы с текстами помогает студенту развить навык поиска главной, основной идеи читаемого текста, понимание его общего смысла, а так же способствует развитию умения кратко изложить содержание, тем самым, развивая его коммуникативные навыки. Используя в работе принципы коммуникативного метода общения и интенсивной методики, мы вводили студентов в более непринужденную обстановку, способствовали их раскрепощению, не боязни собственных ошибок, умению работать в коллективе. На первом подобном уроке взяли уже идущую тему. Обучающие при первом столкновении с изученной лексикой, знакомыми фразами, стали вести себя свободнее. Студенты очень внимательно слушали профессионально-ориентированный текст, затем через наводящие вопросы уточняли уровень понимания текста. Разнообразие видов упражнений привлекло внимание к лексике, и тем самым, к содержанию текста, но в более детальной форме. При этом уровень усвоения материала повышает мотивацию, сохранения и развития у студентов интерес к иностранному языку. Создание специально разработанные системы упражнений, выполняя которые студенты ощущали бы результат своей деятельности, вовлечение эмоциональной сферы в процесс обучения, характером педагогических воздействий в частности наличием стимулов и подкреплений, использованием на уроках аудиовизуальных средств, использованием личностной индивидуализации, разработкой системы внеклассных занятий, эти подходы усиливают мотивационную сторону изучения языка.

А также нужно отметить, что применение проблемных заданий обеспечивает максимальный интерес к изучению иностранного языка. В обучении иностранным языкам проблемная ситуация выступает как форма учебно-речевой ситуации, при которой усвоение иностранного языка происходит в процессе продуктивной мыслительно-речевой деятельности, т.е. проблемная ситуация активизирует, интенсифицирует и развивает навыки студентов в учебном процессе.

Итак, развитие профессиональных коммуникативных способностей это основная, целенаправленная, но очень нелегкая задача, стоящая перед любым преподавателем, который обучает профессионально-ориентированному иностранному языку. Для решения этой комплексной проблеме, необходимо, с одной стороны освоить новейшие методики и направления в учебе, а также не игнорировать и отказываться от всех старых, проверенных временем методик. Следует также подчеркнуть, что любой вид учебного материала не является законченным, а имеет доработки для интерактивного процесса воспроизведения речи. Сочетание старого и нового, энтузиазм и творчество может привести к качественному уровню изучения профессионально-ориентированного иностранного языка в межкультурном профессиональном общении.

Список литературы:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2010. – С. 448.
2. Горелова А.В. Социокультурный компонент общения в развитии коммуникативных стратегий. Пути и методы усовершенствования процесса преподавания иностранных языков в вузе. – Самара, 2006. – С. 305.
3. Зиндлер Л.Р. Общая фонетика. Учебное пособие. – 2-е изд. – М., 2007. – С. 11 [3].
4. Ильин Е.П. Мотивация и Мотивы. – СПб., 2002. – С. 75 [1].
5. Крупченко А.К. Профессиональная компетенция преподавателя иностранного языка для специальных целей. – М., 2005. – С. 299-306 [2].
6. Kieran Donaghy. How can film help you teach or learn English? Article. 2014.
7. Mather J.Ch. International Medical Communication in English. – USA, 1992.

ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

© Карпенко А.В.¹

Институт иностранной филологии (структурное подразделение)
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь

Статья посвящена одному из наиболее важных аспектов лингводидактики – анализу взаимодействия языка и культуры в коммуникативных ситуациях в устном и письменном дискурсе в процессе формирования вторичной языковой личности при обучении французскому как второму иностранному языку в неязыковом вузе. Автор статьи анализирует проблему методов обучения и роль лингвокультурологии и лингвокультурных коммуникативных компетенций, рассматривая важные в семиотическом плане элементы культуры лингвистическими методами и, подчеркивая их первостепенную роль в формировании четырех видов речевой деятельности.

Ключевые слова: язык и культура, лингводидактика, лингвокультурология, лингвокультурные компетенции, межкультурная коммуникация.

«L'humanité, comme le langage, n'existe qu'au pluriel».

Paul Ricœur.

В одной из своих многочисленных полемик с ученым сообществом Поль Рикер подчеркнул, что человечество как язык – существует лишь во множе-

---

¹ Доцент кафедры Иностранных языков № 3, кандидат философских наук, доцент.

стве. Сегодня это высказывание как никогда актуально. Процесс овладения окружающим миром, предусматривает, в том числе, и активное изучение иностранных языков. И как показывает жизнь – одного языка для реализации планов покорения мира вокруг нас явно недостаточно. Поставленная цель возвышенна и благородна: язык, являясь незаменимым средством общения, и, жидясь на социальных, познавательных, развивающих функциях, способствует расширению кругозора и открывает необозримые просторы для взаимодействия языков и культур и постижения многообразного поликультурного и многоязычного мирового сообщества.

Иностранный язык в системе современного российского высшего образования занимает особое место и превращается в реально востребованную категорию, как в практическом, так и в интеллектуальном плане, обеспечивая профессиональную конкурентоспособность, успешность в налаживании деловых связей и в реализации научных интересов в эпоху интернационализации рынка труда по всему миру.

Этот факт ведет к возрастанию мотивации в изучении не только одного, но двух-трех иностранных языков, что является одной из составляющих успеха в будущей профессии, престижной работе и связях с зарубежными коллегами. Потребность в расширении контактов ведет к изучению французского как второго, немецкого, испанского и других языков. Успех экономического развития нашего общества во многом зависит от компетентных выпускников экономических и технических специальностей, свободно владеющих вторым иностранным языком.

В практическом плане, огромное значение имеет знание студентом первого иностранного языка, в основном, английского. И чем выше уровень этих знаний, т.е. там, где уже сформированы основы иноязычной компетенции, тем выше степень успешного переноса знаний, умений навыков на второй иностранный язык. Изучение иностранных языков развивает логическое мышление, и, следовательно, умение сравнивать, сопоставлять и противопоставлять, делать выводы и, как результат успешно преодолевать проблемы классификации, систематизации, обобщения.

Решение проблем построения курса второго иностранного языка в языковом вузе относится к одной из актуальнейших задач современной лингводидактики. Дело в том, что только с недавнего времени изучение второго иностранного языка ввели в разряд «по выбору студента». Конечно, учитывая направленность вуза на обучение профессии, очень сложно найти место для более глубокого изучения второго иностранного языка. Введение в сетку часов факультатива по второму иностранному языку (36 / 34 часа в неделю, один-два года) не дает возможности полного погружения в язык. Преподаватель вынужден с первых же занятий совмещать вводно-коррективный курс с тематикой, заложенной в программу, обучая одновременно и чтению, и говорению, и письму, и аудированию. Это сравнительно небольшое коли-

чество часов нужно использовать наиболее эффективно. Такая цель реальна, при условии применения элементов лингвокультурологического подхода для реализации коммуникативных компетенций и, как результат, повышения эффективности обучения второму иностранному языку в неязыковом вузе.

Студенты в ходе овладения вторым иностранным языком на начальном этапе испытывают значительные трудности на различных этапах порождения высказываний на иностранном языке. Им присущ медленный темп речи, паузы, оговорки, исправления, повторы. Важно отметить, что преподавать один иностранный язык в разрыве от другого – самый непродуктивный способ обучения нескольким иностранным языкам. Овладение первым, назовем его базовым иностранным языком, является опорой для изучения остальных языков, овладение вторым языком становится еще более сильной опорой при изучении третьего языка и т.д. Здесь мы говорим о взаимовлиянии одного языка на другой на этапе совершенствования в овладении несколькими языками.

Актуальность статьи состоит в потребности анализа взаимодействия языка и культуры в коммуникативных ситуациях в устном и письменном дискурсе при формировании вторичной языковой личности в процессе обучения французскому как второму иностранному языку в неязыковом вузе.

Целью статьи является изучение лингвокультурных коммуникативных компетенций в процессе формирования вторичной языковой личности при обучении французскому как второму иностранному языку.

В последнее время закономерно возрастает интерес исследователей к проблемам лингвокультурологии, межкультурных коммуникаций и коммуникативного поведения, а также к другим аспектам диады «язык и культура». «... Язык не существует вне культуры. Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной» [7, с. 15].

Именно потому, что язык является составной частью культуры, вопросы, связанные с культурно-обусловленными законами языкового общения, входят в сферу лингвокультурологии. Мы считаем, что лингвокультурология является частью лингвистики, изучающей язык сквозь призму культуры, она исследует важные в семиотическом плане элементы культуры лингвистическими методами, и не только.

В концептуальном плане содержание термина «лингвокультурология» базируется в основном на «проблемах описания культуры и языка в процессе его функционирования» [2, с. 37].

В лингвокультурологическом подходе акцент делается на отражение в языке репрезентативного среза конкретных культурных единиц данного иноязычного дискурса национальных культурных феноменов.

Лингвокультурная компетенция студента формируется в процессе обучения на основе коммуникативного подхода, решающего задачу формирования коммуникативной компетенции как цели обучения, развивая приемы в четырех видах речевой деятельности, объединяющих язык и общение. Это – методика изучения языка, предлагающая обучать общению через общение. Это – умение и способность правильно и уместно использовать язык в разнообразных ситуациях общения.

Лингвокультурная компетенция включает несколько компонентов, в том числе, семиотический и лингвистический. В учебном процессе лингвокультурная компетенция проявляется в формах письменной (в меньшей степени, из-за нехватки времени, заложенного в учебных планах) и в основном, устной коммуникации, на которую делается основной упор в аудиторной работе. Структура лингвокультурной компетенции включает межкультурную компетентность – знание общих лингвокультурных норм, правил и традиций другой лингвокультурной общности. В процессе обучения, развития и роста личности их содержание и соотношение могут меняться. Межкультурная коммуникация имеет прикладной, характер, т.к. включает изучение межкультурных коммуникативных компетенций и находится в тесной связи с преподаванием иностранных языков. В этом состоит отличие между межкультурной коммуникацией и лингвокультурологией, которая изучает не только межкультурную, но и интракультурную компетентность и является теоретической дисциплиной.

Анализ исследований указывает на то, что проблема методов обучения языкам привлекает внимание многих известных ученых и педагогов-практиков (М.Ф. Стронин, К.Д. Ушинский, И.М. Мельник, А.О. Топоров, Н.П. Аникеева). В целом, в современной теории обучения иностранному языку самым распространенным подходом является коммуникативный подход. А в сочетании с лингвокультурологическим подходом коммуникативная компетенция усиливается, и такой подход становится одной из важнейших составляющих в изучении второго иностранного языка в вузе при формировании вторичной языковой личности.

Цель коммуникативного подхода – качественное овладение речевыми навыками. Основной задачей коммуникации является передача и прием информации, а необходимым условием является адекватное понимание этой информации. Сегодня коммуникативный подход в обучении иностранным языкам пронизывает все аспекты методики обучения, вне зависимости от содержания обучения, целей и задач, методов и средств обучения. Воспитание и развитие также основывается на теории коммуникации.

Коммуникативная компетенция обучаемого подразумевает владение культурно-обусловленными нормами вербального и невербального общения, включающими лингвистическую компетентность, предусматривающую владение вторым иностранным языком в нескольких его социальных вариантах: устном, письменном официальном и разговорном варианте.

Ученые лингводидактики полагают, что в результате любого языкового образования, появляется сформированная языковая личность (термин, введенный в лингводидактику Ю.Н. Карауловым) [4]. Соответственно, при изучении иностранных языков, так называемая «вторичная языковая личность», по И.И. Халеевой, которая предложила лингводидактическое толкование понятия «вторичная языковая личность» [8]. Ученые определяют вторичную языковую личность как сумму умений обучаемого к иноязычному общению на межкультурном уровне. Сумма умений и навыков складывается из овладения обучающимся «языковой картиной мира» изучаемого языка и концептуальной картиной мира, помогающей понять новую для него социальную действительность [3, с. 46]. У них следует сформировать а) лингвистическую компетенцию; б) языковую; в) коммуникативную; г) культурологическую [1, с. 278].

Лингводидактики предлагают трехуровневую модель Ю.Н. Караулова по формированию вторичной языковой личности. Итак, на вербально-семантическом уровне формируются первичные знания о системе языка, осуществляется установка на восприятие и понимание в языках и культурах. Этот этап – начало формирования коммуникативной компетенции. Преподаватель предлагает работу с информационно наполненными, четко структурированными, описательными и повествовательными текстами, используя упражнения на подстановку, подбирая учебный материал, состоящий из лексических единиц, речевых образцов, грамматических структур, тематических блоков, дающих представление о социокультурных знаниях страны изучаемого второго иностранного языка.

В основном, на этом этапе мы предлагаем тематику, связанную с описанием человека, его характера, его окружения, местом работы и / или учебы, его привычек и предпочтений, рутины: *Qui êtes-vous? Que faites-vous? Où allez-vous? Que voulez-vous? Combien en voulez-vous? Comment sont-ils? Qui choisir et que choisir?*

По предложенным описаниям студенты определяют личность, затем детально описывают ее, опираясь на предложенную лексику, используя также речевые образцы и лексические единицы из «*Petites annonces*». Большой интерес у студентов вызывает изучение знаков зодиака, как базы для описания внутреннего мира человека. Обязательным, на наш взгляд, является работа над аутентичными объявлениями о поиске работы «*Recherche et Offres d'emploi*», где мы закрепляем не только и не столько различные специальности, но и форму, и язык объявлений, речевые образцы, свойственные данному типу объявлений, их лингвокультурную наполненность. Студенты погружаются в мир ситуативных диалогов, закрепляя лексику по предложенной тематике. На этом этапе идет закрепление не только лексики, но и базовой грамматики: спряжение глаголов, род и число существительных и прилагательных, место прилагательных и наречий. Также предлагается отра-

ботка различных типов вопросов. Например, по тематике «Que faites-vous?» они образуют вопросы типа «Où habitez-vous? Où est-ce-que vous habitez? Vous habitez où?» и отвечают на них, работая в парах, а затем в ситуациях ролевых игр.

В лингвокультурологическом плане интерес вызывает рубрика «Portraits». Студентам предлагается ряд небольших текстов, содержащих сведения о стране и жителях, их предпочтениях, о политических партиях, о масс медиа, о культурной жизни страны и т.д. Как пример, предлагается текст о мадам Леонар: «Madame Léonard enseigne la sociologie à l'Université de Montpellier. Elle vote P.S. et elle est syndiquée. Elle croit à la démocratie. Elle passé ses vacances en Lozère où elle fait de la poterie. Elle lit «Le Monde» et «Le Nouvel Observateur». Elle prépare un doctorat d'État. Elle va souvent au ciné-club avec son mari. Ils sont écologistes et font du sport tous les dimanches». Первая часть работы над текстами «Portraits» ограничена прослушиванием, обработкой чтения. Затем студенты переходят к вопросно-ответной работе. Преподаватель делает лишь необходимые лексические и лингвокультурологические комментарии. Вторая часть работы – это объяснения сути анкеты «Sur le Bonheur des citoyens». Как только преподаватель заканчивает все комментарии, студенты объединяются в небольшие группы для устной отработки вопросов. Третий этап – это креативная работа. Обучаемые находят героя вне аудитории для описания и, опираясь на вопросы анкеты, создают настоящий портрет, более сложный и объемный, чем предложенные преподавателем.

Студентам предстоит переработать представленный материал: сформулировать основную идею текста; выделить микро темы и найти наиболее яркие суждения о них; раскрыть основные и второстепенные факты; научиться перечислять факты и определять хронологию событий; пересказать текст. Также предлагаются упражнения на подстановку, которые способствуют приобретению навыков структурирования на основе опорных элементов (речевых образцов и лексических единиц), а также умению использовать речевой материал в различном лексическом окружении. Например, в рубрике «Savez-vous interroger sur le lieu»? мы предлагаем словосочетания типа «au bureau des renseignements» и студенты задают вопросы к обстоятельству места.

Для продуцирования нового содержания на основе заданного используются упражнения на повторение с использованием предложенных выражений, изменение форм слов и даже синтаксических конструкций. На этом уровне также считаем необходимым обучать речеобразующим, а также контактообразующим формулам, соединяющим отдельные части высказывания в единое целое, передающим отношение к предмету обсуждения, – формулам вежливости, согласия / несогласия, выражения собственного мнения, просьбы, привлечения внимания, соединяющим отдельные части высказывания в единое целое и т.д. Например, «Ni oui, ni non». Студентам предлага-

ется задание, где интервьюер задает ряд вопросов, на которые нельзя отвечать никак, кроме как «да» или «нет».

Oui; évidemment; sans doute; je suis de votre avis; en effet; exactement; absolument.

Non: Je ne suis pas; je ne crois pas; je n'ai pas d'envie à ce sujet; rien n'est moins certain, sûr.

Или, например, вводим ряд лексических единиц и речевых образцов предлагающих начать разговор по телефону или в общественном месте: «Entrer en contact par téléphone ou dans un lieu public»: Salut! Tchao! Au revoir. Au revoir, Madame. Bonjour, Messieurs-Dames. Allô, Air France? Allô, ici Monsieur Beau de l'Institut Pasteur, pourrais-je parler à Monsieur Mercier? Ah! Te voilà enfin! Vous avez l'heure, s'il vous plaît? Excusez-moi, je suis désolé.

Предлагаются фразы, содержащие элементы выражения собственного мнения: Sans doute. Je suis de votre avis. C'est évident. C'est sûr. C'est certain. Je suis d'accord. En effet ... Il n'y a pas de doute. Exactement. Bien sûr. Absolument. Exact. Affirmatif. Je ne sais pas pourquoi. Je n'ai pas d'avis à ce sujet. Je ne conteste pas. Здесь также уместно проведение презентаций, имитации, подстановки, а также разработка сценариев ролевых игр, ситуативных диалогов в рамках изучаемых тем.

Следующий, лингво-когнитивный уровень формирует навыки анализа различий в языках и культурах. Осуществляется переход к грамматической организации высказывания и лексическому наполнению синтаксической структуры предложения в соответствии с целью высказывания. Здесь мы говорим о более высоком уровне владения языком и соответственно, предлагаем обучающимся аутентичные тексты на иностранном языке, страноведческого и культурологического характера. Работа с текстами предусматривает чтение, вопросно-ответные виды работы, пересказ и обсуждение, даже рассуждение, а также доклады-презентации на французском языке с элементами сравнения культур.

Работая с «Interview sur le bonheur des citoyens» преподаватель предлагает несколько раз прослушать интервью, определить тематику вопросов, определить их лингвокультурологическую составляющую. Студенты выделяют ряд тем, связанных с политическими партиями Франции, демократией по-французски, различными теориями, историческими персонажами, французскими масс медиа, отношением к спорту, искусству и т.д. Предлагаемые тексты – это монологи и диалоги, в том числе, профессиональной тематики, различные интервью, беседы, рассуждения на различные темы с элементами дискуссии. Они также дают возможность составлять высказывания, связанные с профессиональной тематикой. Тексты-рассуждения направлены на формирование умений и навыков говорения при обсуждении содержания текста. Например, сформулировать определение понятия, выражение согласия / несогласия, своего суждения, составление диалогов, ин-

тервью, формулирующих ту или иную точку зрения. Подобного рода коммуникативные упражнения на основе лингвокультурологических текстов с монологической организацией – самый эффективный способ формирования у студентов устойчивых языковых навыков французского языка как на вербально-семантическом, так и на лингво-когнитивном уровне. Мы предлагаем студентам критические статьи, например, о театре. Статья «Marie Tudor de Victor Hugo» дает представление о театральной жизни Франции, несет критический разбор пьесы, поставленной в разные эпохи различными режиссерами. Здесь студентам предлагаются задания на расширение лингвокультурных компетенций: от пересказа содержания драмы, до критической оценки поступков героев, своего собственного суждения, или описания исторических событий и героев. На лингво-когнитивном уровне обязательны упражнения на развитие навыков и умений аргументации, синтеза, умозаключения на базе как монологической, так и диалогической речи. Постепенное доведение речевой деятельности до автоматизма происходит только при поэтапном усложнении предлагаемых заданий. Так, переход к обучению пересказу текста происходит после выполнения набора определенных языковых и речевых упражнений. Использование электронных, видео-аудио средств, прослушивание разножанровых телевизионных передач (новости, репортажи, художественные фильмы) – эффективное средство расширения языковой лингвокультурной компетенции.

Именно так происходит формирование вторичной языковой личности, на основе лингвокультурной коммуникативной компетенции в процессе обучения французскому как второму иностранному языку в неязыковом вузе.

Список литературы:

1. Беспалова Ю.В. Создание оптимальной информационной среды при формировании вторичной языковой личности / Ю.В. Беспалова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – № 2, Т. 24 (63), Ч. 1. – С. 278.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н.Д. Гальскова. – М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000. – С. 46.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
5. Карпенко А.В. Интенсивные методики и оптимизация учебного процесса (из опыта работы) / А.В. Карпенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2002. – Т. 15 (54), № 2. – С. 290-295.

6. Карпенко А.В., Ермоленко О.В. Коммуникативная компетенция и проблемы тестирования // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2014. – № 272. – С. 162-165.

7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Слово, 2000. – С. 15.

8. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика) / И.И. Халеева. – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.

Секция 4

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

© Захарчук Г.С.¹

Таврическая академия

Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь

Сегодня средства массовой информации выполняют очень важную роль в жизни современного человека. Они являются мощной силой влияния на сознание людей, средством оперативного донесения информации в разные уголки мира, наиболее быстрым и действенным методом влияния на эмоции человека. СМИ часто именуют четвертой властью: их воздействие на убеждения и поведение общества достаточно бесспорно, особенно в этапы так называемых инверсионных модификаций общества или во время проведения массовых внутриполитических акций.

Нынешняя публицистика, наиболее полно реализовывающая себя на страницах газет, является основным письменным источником, воспроизводящим общеязыковые тенденции, в основании которых находятся всевозможные политические, экономические и социальные процессы. Именно газетный слог, отличаясь как лексическим многообразием, так и применением выразительных средств, позволяет определить не только изменения, происходящие в языке на всех уровнях, но и перемены, происходящие в общественно-политических и социально-экономических гранях жизни.

Выбор и актуальность данной темы заключается в том, что французские СМИ не только воспроизводят изменения, протекающие в современном французском письменно-литературном языке, но и оказывают существенное влияние на его формирование. Анализ языка французских письменных СМИ позволяет выявить стремление развития французского языка и предопределить роль письменной публицистики в организации речевой практики носителей французского языка.

Французская пресса отличается присутствием множества различных языковых средств – от сугубо книжных до характерных разговорных элементов, своеобразным соединением экспрессии и «шаблона», соединением неологизмов и клише, предпочтением компрессированных конструкций, наличием некоторых похожих правил структурной организации текста, а также вариативность используемых языковых средств в зависимости от установки на те или иные социальные слои, на теоретического читателя, от информационной тематики, от подбора материала для вводного абзаца (*chapeau*) и его формулировки, от выделения тех или иных аспектов описываемой ситуации.

Ключевые слова: французский язык, французская пресса, французские СМИ, публицистика, средства выразительности, языковые средства, тропы, стилистически окрашенная лексика.

---

¹ Студент 6-го курса магистратуры кафедры Языка, литературы и социолингвистики.

Французскому газетному тексту присущ очень низкий уровень «сопричастности автора», то есть эксплицитно изъясляемого взгляда автора к изображаемым событиям, фактам и т.п., отказ от тех или иных оценочных суждений и от комментариев. Журналистом всего лишь освещаются факты. Верстка состоит из «attaque» (начало статьи) и «chute» (конец статьи) и может представляться в одном из четырех планов: plan chronologique, plan démonstrative, «spécifique», и plan «pyramide inversée» (хронологический, демонстративный, специфичный и «перевернутая пирамида»).

Для французской прессы характерно такое смысловое соотношение между вступительными абзацами и другой частью заметки, при котором каждый абзац выступает кратким предисловием, а остальная часть заметки – более подробное представление сообщаемой информации. При этом начало статьи (attaque) должно сильно заинтересовать читателя, а окончание статьи (chute) – произвести впечатление на читателя, заставить его задуматься, и этим оно разнится от ввода [1].

Рассмотрим наиболее часто употребляемые средства выразительности во французских газетных текстах:

Метафора

Метафора является одним из наиболее насыщенных способов реализации воздействующей функции публицистических текстов в связи с имплицитностью и эмоциональной насыщенностью этого тропа.

Метафора помогает передаче содержания быть более наглядной, вызывая у читателя конкретно-чувственное мнение о фактах и явлениях общественно-политической жизни.

Рассмотрим примеры использования метафоры во французских СМИ:

«*Twitter: baromètre de l'humeur*» (Figaro, 30 avril 2013).

«*Jouanno «très réservée» sur le possible parachutage de l'homme d'affaires Charles Beigbeder dans cette partie de Paris pour les législatives de juin*» (Figaro, 11 janvier 2012).

«*Il ... a fourni la désormais célèbre THG, un stéroïde longtemps indécélable, à de nombreuses stars du sport*» (Le Monde, 15 décembre 2005).

«*Le rapport Pébereau place l'envolée de la dette au coeur du débat politique*» (Le Monde, 15 décembre 2005).

«*Gérard Mulliez vit mon enquête comme si j'avais cassé un carreau et pénétré au coeur de son intimité...*» (Le Monde, 8 juillet 2006).

Изучая использование метафорических формирований в политическом дискурсе, исследователи Ван Дейк, Арутюнова, В.З. Демьянков и другие отмечают, что употребление политиком различных метафорических конструкций подтверждает образ политического мышления и может применяться в прогнозировании процессов принятия решений [5].

Эвфемизм

Эвфемизмы используются в речевых или печатных текстах для замены слов, признанных грубыми или «непристойными», например, бранно-ругательных и нецензурных слов. Иногда в качестве эвфемизмов используются «нелитературные» слова с меньшей отрицательной «нагрузкой», чем брань – просторечные, жаргонные, авторские. Использование эвфемизмов значительно смягчает негативную «нагрузку» на текст бранных или неуместных слов, хотя в большинстве случаев по эвфемизму либо по смыслу текста можно установить, какое слово он заменяет [2].

Примеры переоценки негативных (или неуместных) высказываний в прессе:

– смягчение:

*Il avait dû renoncer à commenter l'Euro 2012 pour des raisons de santé. Thierry Roland, voix de légende du football à la télévision, **a disparu** à l'âge de 74 ans, a annoncé samedi matin la direction de la chaîne M 6, mandatée par la famille (Le Figaro, 15 juillet 2012).*

*Leurs noms s'ajoutent à la liste macabre de ceux qui **sont déjà tombés**, caméras et appareils photo au poing», a déclaré l'organisation. Les autorités syriennes imposent de sévères restrictions aux médias, une mesure qui a poussé les «citoyens-journalistes» à assurer la couverture des violences (Le Monde, 19 juillet 2012)* (Приведенные примеры иллюстрируют смягчение упоминания о смерти).

– улучшение:

***Les pays en voie de développement** sont les plus directement mis en danger par le déficit prévisible en eau douce à l'aube du XXIe siècle (Le Figaro, 03 mart 1999).*

– нейтрализация:

*Toutes les parties à œuvrer pour résoudre **leurs divergences** de façon pacifique (Le Monde, 19 novembre 2011).*

*La fin **de la malnutrition**, clé du développement durable (Le Figaro 01 juillet 2012).*

Метонимия

Метонимия особо широко распространена во французской прессе. Не секрет, что Франция зачастую называется в прессе шестиугольником (hexagone) [3]. Обозначения должностных лиц с помощью метонимий практически утратили живую образность:

Le Palais Bourbon – Национальное собрание.

L'Elysée – Президент Республики.

Le Luxembourg – Сенат.

Le Matignon – Премьер-министр.

В статьях французской прессы очень часто используются метонимические переименования:

Le conseil d'Etat rendra demain sa décision sur la demande de la CFTC (Le Figaro, 02 mai 2005).

Victoire du CSKA Moscou en Coupe de l'UEFA (Le Monde, 19 mai 2005) («CSKA» так же является аббревиатурой).

Le foulard divise toujours la société turque (Le Figaro, 23 mai 2005).

Rome veut un vrai siège européen aux Nations Unies (Le Figaro, 13 mai 2005).

Частотность употребления метонимического переименования в газетной публицистике и в, частности, в заголовках публицистических статей имеет свои причины. Эта разновидность способов метонимизации связана с редукцией, а, следовательно, с экономией языкового выражения, что очень важно для динамики газетного заголовка: метонимизация, обязанная своим появлением в этих случаях свертыванию семантически прогнозируемых лексических компонентов синтагм, способствует языковой экономии. Семантически плотная информация, синтаксически развернутая до уровня многословного словосочетания, «упаковывается» номинатором, т.е. именуется одной лексемой [4].

Europe: l'Espagne ouvre le bal (Le Monde, 19 mai 2005).

La guerre avec Universal bat toujours son plein (Le Figaro, 13 mai 2005).

Пример стертой метонимии, который несет элемент экспрессивности:

McDonald's tend la main aux agriculteurs (Le Figaro, 13 mai 2005).

Pékin relève les taxes à l'export sur 74 produits textiles (Le Monde, 19 mai 2005).

В формальном выражении метонимизация происходит в сочетании с принципом языковой экономии, что вполне объяснимо для динамики публицистического стиля, тем более заголовков статей, целью которых для того или иного издания является привлечение внимания человека как с коммуникативной, так и с коммерческой точки зрения.

Фразеологические единицы

В современной французской прессе фразеологизмам уделяется особое внимание. Придавая текстам определенную стилистическую окраску, фразеологизмы являются показателем экспрессивности, оценочности сообщения. Поэтому необходимо четко их интерпретировать, чтобы передать общность и лингвистическую специфику оригинала.

Примеры наиболее часто используемых выражений во французских СМИ:

«*Il était non seulement tout oeil, mais aussi tout bouche*» (Le Figaro, le 12 mai 2012).

Используется фразеологизм «*être tout oeil/tout yeux / tout oreille*» (рус. «во все глаза / во все уши»).

Особенно часто фразеологизмы используются в заголовках газетных статей и служат для того, чтобы привлечь внимание:

«*«C'est, au minimum, une relation de vrai respect», confirme Andrew Exxum, un ancien officier, aujourd'hui analyste au Centre for New American Security» (Le Figaro, 09 mai 2011).*

«*De quoi ajouter de l'eau au moulin de ceux qui assurent que Wauquiez n'aurait jamais lancé un sujet aussi sensible sans un feu vert au plus haut niveau» (Le Figaro от 12 mai 2011).*

«*Contrairement aux idées reçues, mendier est un travail de forçat: quand on fait la manche dans le métro, en se déplaçant, il faut forcer sur la voix pour se faire entendre» (Le Figaro от 12 mai 2011).*

«*Menotté, DSK fait face à la justice américaine» (Le Monde от 16 mai 2011).*

«*Visite historique d'Elizabeth II en Irlande sur fond de tension» (Le Monde от 17 mai 2011).*

«*Attac: «le FMI met le monde à terre»» (Le Figaro от 17 mai 2011).*

Очень часто в одном предложении встречаются две фразеологических единицы, одна из которых может быть стилистически-нейтральной, например, d'égal à égal – «на равных началах», а другая стилистически окрашенной – face aux géants de l'économie mondiale – «лицом к великанам мировой экономики»:

– Avec ce jugement, les 2500 adhérents d'Impala ... se sont retrouvés d'égal à égal face aux géants de l'économie mondiale (Le Monde, 24 juillet 2006).

Ирония

Ирония занимает в аналитических жанрах газетно-публицистического стиля важное место:

«*La proportion semblait parfait pour réaliser la synthèse du capital et du travail» (Статья говорит о том, что в списках кандидатов был очень незначительный процент представителей рабочего класса) (Le Figaro от 17 mai 2012).*

«*Les patrons de l'industrie pharmaceutique avaient conscience d'oeuvrer pour la santé des français et de tout la population du monde, sans exceptions. C'est ce qu'on appelle un bel exemple d'amour filial» (Le Figaro от 28 mai 2012).*

В данном отрывке ирония основана на игре слов: filiale (сущ) – филиал, и filial,-е (прил.) – сыновий, дочерний.

«*Un Grand restaurant connu pour la qualité de la carte et sa proximité de la Bourse» (Le Figaro от 16 mars 2012).*

Литота

Своеобразной литотой можно назвать следующий заголовок:

«*L'intervention policière n'est pas une bonne méthode» (Le Figaro от 21 août 2015).*

Здесь автор крайне невозмутимо отзывается о вмешательстве полиции, мягко и осторожно называя их действия «не самым лучшим методом».

Оксюморон

Оксюморонами нередко бывают заголовки статей:

«*L'eloquent silence*» (*Le Figaro* 16 janvier 2012)

«*Diable d'ange. Le Diable en personne, ou ange déchu, renvoyant le spectateur à ses propres vices et angoisses, tout en faisant pleuvoir de l'écran un arsenal d'armes à vous couper le souffle*» (*Le Figaro* 10 novembre 2012)

Образное сравнение

Образное сравнение основывается на уподоблении одного объекта другому, оно употребляется для подчеркивания, выделения, наглядного изображения какого-либо признака:

«*La France errer comme un canard sans tête, sans cap et sans cadre*» (*Le Figaro* 2 décembre 2012).

Во французских газетах видна тенденция к использованию иноязычной лексики (англицизмов) и лексических единиц, не зафиксированных во французских словарях, активно используются сокращения и аббревиации, а так же лексические и морфологические средства выразительности. Это свидетельствует о стремлении не только к более краткому, экономному выражению мыслей, но и к повышению экспрессивности текстов французской прессы.

Язык французской газеты – постоянно изменяющаяся и развивающаяся система, которая требует от журналистов постоянной творческой работы. Наконец, специфика отбора лингвистических средств на газетной полосе во многом обуславливается расчетом на массовую, нейтральную в языковом отношении читательскую аудиторию.

Таким образом, исследовав лексику газет «*Le Monde*» и «*Figaro*», нам удалось выяснить, что экспрессивность в газетных текстах призвана воздействовать на адресата с целью формирования общественного мнения. Она достигается за счет широкого использования языковых средств всех уровней и их взаимодействия.

Список литературы:

1. Зененко Н.В. Лексико-грамматические особенности рекламного текста (на материале прессы пиренейского варианта испанского языка // Сборник научных статей «Известия Тульского государственного университета». Серия: Проблемы языкознания. Выпуск № 6. – Тула, 2004.
2. Эвфемизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/912741>.
3. Мазурина Е.Н. Лексико-стилистический анализ иноязычного публицистического текста на примере газет *The Guardian* и *Le Figaro* [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: <http://mognovse.ru/fl-leksiko-stilisticheskij-analiz-inoyazichnogo-publicistiche-stranica-1.html>.

4. Кручинкина Н.Д. Механизм структурирования информации в поликодовом тексте телерекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://5-bal.ru/kultura/48992/index.html?page=5>.

5. Агафонова О.И. Метафорическая модель «Politics is animal world» в политическом дискурсе (на материале американских и британских интернет-сми) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/239201/metaforicheskaya-model._-«politics-is-animal-world».

6. Le Figaro [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lefigaro.fr.

7. Le Monde [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lemonde.fr.

Секция 5

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КИНОДИАЛОГ И РЕЧЬ ГЕРОЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

© Краснова Т.В.

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

В данной статье рассматриваются кинодиалог как вербальная часть кинотекста и речь героев литературного произведения в сравнении. На основе сравнительного анализа формы, роли, функций делается вывод об общих и отличительных чертах данных типов текста. Также в статье дается обзор методов филологического анализа текста и делается вывод о возможности их применения по отношению к кинодиалогу как сравнительно мало исследуемому языковому феномену.

Ключевые слова: кинодиалог, кинотекст, прямая речь, речь героев художественного произведения, филологический анализ текста.

В последние 20-25 лет в лингвистике замечается увеличение интереса к кино как именно к лингвистическому феномену. Появилось немало работ, в которых кинофильм признается разновидностью креолизированного текста – кинотекстом (Т.А. Винникова, М.А. Ефремова, Е.Б. Иванова, Ю.М. Лотман, Т.А. Разливинская, Г.Г. Слышкин, Ю.Г. Цивьян), медиатекстом (А.В. Федоров) или кинодискурсом (работы Т.В. Духовной, С.С. Зайченко, А.Н. Зарецкой, Е.А. Колодиной, И.М. Лавриненко, М.А. Самковой, Е.В. Сухой), а его вербальная сторона – кинодиалогом (В.Е. Горшкова, Е.А. Колодина, И.П. Муха). Однако вопрос о методах лингвистического анализа кинодиалога в этих работах практически не рассматривается. В данной статье мы сравним кинодиалог с его литературным аналогом – речью персонажей художественной литературы и рассмотрим вопрос о применимости методов изучения последней для анализа кинодиалога.

Горшкова В.Е. определяет кинодиалог как самостоятельный текстовый феномен, особый тип текста, обладающий как общими, так и специфическими текстовыми категориями, понимаемый как вербальный компонент фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается его аудиовизуальным рядом; особый тип квазиспонтанного разговорного текста, подвергшийся определенной стилизации в соответствии с художественным замыслом режиссера и ориентированностью на особый кинематографический код, что находит свое выражение в доминировании диалогической формы речи персонажей фильма как первичной, естественной формы общения. Как отмечает автор далее, кинодиалог сопоставим с драматическим диалогом своей направленностью на художественно-эстетическое воздействие и определенный прагматический эффект. С другой стороны, кинодиалог обладает меньшей самодостаточностью и, как следствие, большей имплицитностью, компенсируемой множественностью каналов передачи информации [Горшкова, 2006: 304].

Как видно из приведенного выше определения термин «кинодиалог» является достаточно условным и включает в себя не только собственно диалоги между персонажами фильма, но и монологи, полилоги, а также иногда внутреннюю речь героя, зачитанную за кадром актером. В этом смысле можно говорить о корреляции терминов «кинодиалог» и «речь героев в литературном произведении», которая также включает в себя диалог, монолог, полилог, прямую и несобственно-прямую речь. Тем не менее, диалог в кино не является полностью эквивалентным диалогу (прямой речи, монологу) в художественной литературе. Рассмотрим подробнее черты сходства и различия между этими двумя понятиями.

Говоря о различиях между кинодиалогом и речью героев в литературном произведении, следует отметить прежде всего самый очевидный признак, бросающийся в глаза любому, кто занимается сравнением: кинодиалог в своем изначальном виде предстает в виде устного текста, речь героев в литературе – в виде письменного. Это различие, хотя и является чисто формальным (содержание, смысл у кинодиалога и литературной речи может быть идентичным), является определяющим и автоматически влечет за собой остальные, производные от него различия. К таким второстепенным, «производным» отличиям можно отнести, например, роль, которую играет речь персонажа в раскрытии его образа.

Как отмечает Л.Я. Гинзбург, речь персонажей в литературном произведении играет особую роль: «Все остальное, что сообщается о персонаже, не может быть дано непосредственно; оно передается читателю в переводе на язык слов. Только строя речь человека, писатель пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда предмету изображения (слово, изображенное словом). Прямая речь персонажей обладает поэтому возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [Гинзбург, 1979: 150].

Прямая речь героев в кинофильме не обладает такой уникальностью в плане непосредственной передачи зрителю информации о персонаже. На экране нет необходимости переводить на язык слов действия персонажа, его внешность, иногда даже его мысли: все это зритель может увидеть сам (например, мысли героя хороший актер может передать одним выражением лица, не прибегая к словам «Мне стыдно / плохо / грустно» и т.п.).

Также производным от главного формального различия является степень самодостаточности прямой речи героев и способы «дополнения» образа. В кино диалог выступает всегда самостоятельно, без авторских характеристик типа «он смущенно сказал», зато дополняется аудиовизуальным рядом (который может состоять из множества элементов: внешности актера, выражения его лица, интонации, жестов, сопровождающей его музыки и т.д.). Обычно этот аудиовизуальный ряд соответствует содержанию речи героя и также работает на раскрытие нужного образа, но бывает, что содержание речи диссонирует с тем, как актер произносит эту речь или с тем, что зритель ви-

дит при этом на экране. Такие несоответствия чаще всего служат для создания комического эффекта, как, например, в фильме «12 стульев» (1976), где слова Остапа Бендера «Новая партия старушек?» сопровождаются кадрами с упитанными лицами братьев Альхена. Возникающий диссонанс также может нивелировать смысл произнесенного (в фильме «Д'Артаньян и три мушкетера» (1979) кардинал Ришелье в разговоре с королем кланяется ему и говорит: «Недаром вас называют справедливым, Ваше Величество», но при этом смотрит на короля так иронично, с чуть заметной усмешкой, что этим ясно дает понять зрителю всю ложность своих же слов и, кроме того, раскрывает весь характер своих взаимоотношений с королем).

В художественной литературе характер речи персонажей может не упоминаться совсем, и тогда читателю приходится домысливать самому, как, с какой интонацией читать ту или иную фразу, либо речь героя может сопровождаться вводными авторскими ремарками типа «он вскрикнул / прохрипел / проямлил / прорычал» и т.п. В литературе, так же как и в кино, смысл сказанного может меняться (иногда даже на противоположный), но менять этот смысл будет уже не аудиовизуальный ряд, а слова автора.

Тем не менее, прямая речь героев в литературном и кинематографическом произведении имеет больше общих черт, чем различий.

Во-первых, и кинодиалог, и речь героев художественного литературного произведения соотносятся с устной речью (даже если в литературе эта речь и представлена в письменной форме), являются ее более или менее художественной стилизацией.

Во-вторых, слова Л.Я. Гинзбург о прямой речи литературного персонажа как об «особенно достоверном свидетельстве» психологического состояния героя по отношению к киногерою являются, пожалуй, еще более справедливыми. Дело в том, что авторское повествование в художественном тексте всегда имеет большую силу, больший авторитет, большую однозначность, чем невербальные средства (аудиозвуковой ряд) в кино. Если автор в повести пишет, например, что герою «стало страшно», читатель вынужден принять это как непреложную истину. В фильме же далеко не каждый актер сумеет выразить страх так, чтобы все без исключения зрители поняли состояние героя однозначно как страх. На разных киносайтах можно найти массу примеров того, как зрители «читают» выражение лица у одного и того же актера в одном и том же фильме совершенно по-разному. «All visual images are polysemous; their meaning must be *anchored* by resort to verbal signs...» («Все визуальные образы полисемичны; их значение должно быть раскрыто с помощью вербальных знаков») [Kosloff, 2000: 35]. Прямая же речь, как правило, минимизирует такие разночтения (если киногерой прямо говорит: «Мне страшно», чаще всего это означает именно то, что ему страшно; бывает, что герой и лжет, но подобная ложь опять же является красноречивым средством его характеристики).

В-третьих, функции кинодиалога и прямой речи в литературном произведении во многом схожи. В размышлениях о литературном диалоге Л.Я. Гинзбург выделяет такие его функции, как дополнение изображения характера или миропонимания персонажа, или высказывание его устами своего, авторского мнения, или изображение среды и нравов, или подталкивание развития событий [Гинзбург, 1979: 165].

Козлофф С. у кинодиалога выделяет две группы функций: общие, фундаментальные, существенные для процесса коммуникации вообще, и частные, связанные с эстетическим воздействием, идеологическим убеждением и коммерческой привлекательностью. К первой группе относятся функции 1) уточнения (временной и пространственной фиксации) событий фильма и персонажей; 2) выявления причинно-следственных связей; 3) развития повествуемых событий; 4) раскрытия образов героев; 5) соблюдения принципа реалистичности; 6) контролирования зрительских оценок и эмоций. Ко второй группе автор относит функции 7) использования языковых ресурсов; 8) тематического послания/авторского комментария / аллегории; 9) возможности для актеров-«звезд» проявить свое мастерство [Kosloff, 2000: 33-34].

Если сравнить эти функции с функциями литературного диалога, можно увидеть, что специфичными для кинематографического диалога являются только функция уточнения (временной и пространственной фиксации) событий фильма и персонажей (в литературном произведении место и время действия передаются, как правило, авторскими репликами) и предоставление возможности актерам-«звездам» проявить свое мастерство. Все остальные функции кинодиалога в большей или меньшей степени соотносятся с функциями прямой речи в художественном произведении.

В-четвертых, в основе кинодиалога лежит диалог из литературного источника – киносценария. Статус киносценария как «слуги двух господ» – литературы и кино – не всегда определялся искусствоведами одинаково, однако в настоящее время положение о принадлежности сценарного жанра к литературе не вызывает сомнений и является, по выражению Г.М. Фрумкина, «аксиомой». Хотя при этом и признается, что сценарий является во многом особым жанром литературы, имеющим свои особенности, сочетающим в себе как литературные черты (тема, идея, сюжет и фабула, язык, стиль, образная система), так и экранные (описание того, что предстоит снимать и показывать зрителю) [Фрумкин, 2005: 28].

Как видно, общих черт между кинодиалогом и прямой речью в художественной литературе больше, чем различий. В связи с этим закономерно возникает вопрос о возможности использования методов анализа литературного диалога как разновидности художественного текста – методов давно разработанных и успешно применяемых на практике – по отношению к диалогу в кино как разновидности сравнительно мало изученного кинодискурса. Для ответа на этот вопрос рассмотрим сами эти методы подробнее.

Наиболее полно методология анализа текста разработана Н.С. Болотновой и включает в себя общенаучные, общелингвистические и частные методы [Болотнова, 2009].

К общенаучным методам анализа текста относятся наблюдение, количественный анализ, моделирование, эксперимент, сравнительно-сопоставительный метод.

Наблюдение применительно к литературному произведению подразумевает «рассмотрение текста «под лингвистическим микроскопом»..., выявление необходимых для исследования явлений, факторов, признаков» [Болотнова, 2009: 414]. Очевидно, что лингвистический анализ устного диалога в кино также требует его предварительного рассмотрения / прослушивания и выявления особенностей. Кроме того, наблюдение кинодиалога на экране необходимо для выявления вышеупомянутых несоответствий между смыслом/формой сказанного и визуальным рядом.

Количественный анализ текста предполагает подсчет каких-либо интересующих исследователя элементов текста. Безусловно, подсчитывать элементы и делать на этом основании какие-либо выводы можно и опираясь на диалог в кинофильме.

Метод моделирования основан на построении на основе текста некоей модели: интонационно-синтаксической, ритмической, логико-смысловой, математической, модели ассоциативно-смысловых полей ключевых слов. Первые две модели используются, как правило, для анализа стихотворных текстов и оказываются таким образом малопригодными при работе с «классическим» кинодиалогом. Что касается логико-смыслового моделирования или моделирования текстовых ассоциативно-смысловых полей, то такие модели могут быть построены и на основе кинодиалога. Например, опираясь на лексико-стилистические особенности кинодиалога можно построить модель концепта «семейные отношения» с использованием ассоциативно-смысловых полей «взаимоотношения мужа и жены», «взаимоотношения родителей и детей» и т.д.).

Метод эксперимента, широко используемый во многих отраслях науки, также может быть использован при исследовании кинодиалога. Так, в монографии «Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа)» Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова приводят результаты эксперимента по восприятию разными категориями зрителей популярных советских кинотекстов (составной частью которых является кинодиалог) и на основе полученных данных делают выводы лингвокультурологического характера.

Общелингвистические методы объединяют в себе трансформационный, структурный, семиотический методы, а также дистрибутивный, контекстологический, компонентный, композиционный, концептуальный виды анализы. Из данной категории методов самыми важными, самыми «подходящими» для исследования кинодиалога представляются контекстологический и концептуальный виды анализа.

Контекстологический анализ, как видно из самого его названия, предполагает изучения аспектов текста в контексте. Контекст в современной лингвистике определяется как «совокупность явлений, связанных с текстом художественного произведения, но в то же время внеположенных ему» [Есин, 2000: 153]. Контекст играет большую роль при анализе не только литературного диалога, но и любого кинодиалога, т.к. часто особенности речи героев (или еще шире – смысл всего высказывания или даже идея фильма) могут быть объяснены только с помощью контекста – социального, исторического, культурологического и др. Например, также как и в книге И. Ильфа и Е. Петрова, в упоминавшейся ранее экранизации «12 стульев» слова Остапа Бендера «Почем опиум для народа?» можно до конца осмыслить, только будучи знакомым с контекстом – с оригиналом фразы «Религия – опиум для народа», с антирелигиозными настроениями в СССР 20-х гг. и т.д.

Концептуальный анализ текста подразумевает прежде всего выявление в тексте концептов. Между тем конкретная процедура этого выявления может пониматься по-разному. Болотнова Н.С., например, полагает, что «выявление концепта (концептуальный анализ) возможно на основе моделирования *текстовых ассоциативно-смысловых полей*, организованных концептуально и стимулированными лексическими структурами разных типов» [Болотнова, 2009: 466]. Попова и Стернин, размышляя о выявлении национальной специфики концептов, указывают на необходимость изучения способов объективации концептов в тексте, количества и набора лексем, фразеосочетаний, репрезентирующих концепт [Попова, Стернин, 2000: 23]. Опять же очевидно, что и моделирование ассоциативно-смысловых полей, и изучение путей репрезентации концептов можно производить и на материале кинодиалога. К примеру, вычленив и описывая различные способы репрезентации концепта «родина» в речи героев военных фильмов разных стран, можно определить, что подразумевают под «родиной» представители различных этносов, какие из составляющих данного концепта актуализируются в речи чаще, какие реже и т.д.

Остальные из общелингвистических методов – трансформационный, структурный, семиотический методы, а также дистрибутивный, компонентный, композиционный виды анализа – маловероятно, что найдут широкое применение при исследовании кинодиалога, тем не менее. какие-то элементы данных методов также могут быть использованы в зависимости от поставленных задач.

Частными называют методы, актуальные для анализа текстов определенного типа, используемых в отдельных областях филологического знания: интертекстуальный анализ, семантико-стилистический метод, метод «слово-образ», сопоставительно-стилистический метод, метод, близкий к эксперименту, биографический и мотивный методы. Из этой группы методов все могут быть использованы при лингвистическом анализе кинодиалога.

Интертекстуальный анализ – выявление аллюзий, ссылок, цитат и т.д. – применительно к кинодиалогу позволяет лучше понять концептуальный смысл всего произведения (в данном случае кинотекста): например, использование известных по старым советским фильмам выражений («Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», «За Родину, за Сталина!») или песен («Песня о тревожной молодости») в современном российском кино (к/ф «Александр. Невская битва», «Мы из будущего», «Территория») показывает желание авторов примирить прошлое с настоящим, протянуть ниточку, которая связывала бы поколения людей, несмотря на все изменения в обществе.

Семантико-стилистический и сопоставительно-стилистический методы, а также метод «слово-образ» схожи между собой, т.к. основаны на стилистическом анализе языковых единиц. Так же как и в литературном произведении, эти методы применительно к кинодиалогу позволяют выявить стилистические особенности речи персонажей, что служит более полному раскрытию образа. Сопоставление диалога в фильмах разных стран позволяет, кроме того, говорить о сходстве / различии в картинах мира данных народов.

Суть метода, близкого к эксперименту, заключается в сопоставлении оригинала произведения с его черновиком (в случае с кинодиалогом – со сценарием или его черновиками). Такой метод показывает творческие искания автора, помогает глубже постичь авторский замысел.

Мотивный анализ во многом опирается на интертекстуальный и контекстологический методы, т.к. в его основе – выявление мотивов в произведениях одного автора, в рамках отдельных направлений и т.д. Данный метод также может применяться при анализе кинотекста и кинодиалога (например, можно исследовать мотив родины в военных фильмах, мотив свободного выбора в голливудском кино и т.д.).

Наконец, биографический метод и в литературе, и в кино предполагает изучение биографии писателя / режиссера как основополагающего момента в творчестве. Например, обращение к теме вьетнамской войны в творчестве американского режиссера Оливера Стоуна во многом объясняется участием режиссера в этой войне, а также его политическими и социальными взглядами.

Как видно, большая часть методов филологического анализа литературного текста применима и по отношению к кинодиалогу как составной части кинотекста / кинодискурса.

Итак, подводя итог вышеприведенному сравнению кинодиалога и речи героев в художественной литературе, можно сделать следующие выводы относительно их общих и отличительных черт:

1. И кинодиалог, и прямая речь героев художественного литературного произведения представляют собой прямое, без посредников выражение содержания мыслей, рассуждений, мнений персонажей.

2. Большинство функций, выполняемых кинодиалогом и прямой речью в литературе, схожи или идентичны. Это функции раскрытия образа, выяв-

ления причинно-следственных связей, соблюдения принципа реалистичности и др.

3. Основное различие между этими понятиями содержится в форме презентации: для кинодиалога это устная форма, для речи героев в литературе – письменная.

4. Методы филологического анализа литературной прямой речи во многом также подходят и для анализа устной речи кинодиалога.

Список литературы:

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 223 с.
3. Горшкова В.Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: на материале современного французского кино [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2006. – 367 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-osnovy-protsessoorientirovannogo-podkhoda-k-perevodu-kinodialoga-na-materiale> (дата обращения: 15.03.2016).
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 30 с.
6. Фрумкин Г.М. Введение в сценарное мастерство. – М.: Академический проект; Альфа Матер, 2005. – 144 с.
7. Kosloff S. Overhearing film dialogue. – University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 2000. – 328 p.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В НАУЧНОЙ РЕЧИ

© Нужнова Е.Е.¹

Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог

В данной статье рассматриваются понятия интертекстуальность и интертекст, функции интертекста: экспрессивная, апеллятивная, фатическая, поэтическая, референтивная. Особое внимание уделяется диалогичности научной речи и цитации.

Ключевые слова: интертекстуальность, функции интертекста, диалогичность, цитация, научная речь.

---

¹ Доцент кафедры Гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук, доцент.

Понятие интертекстуальности было введено для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [11].

Создание текста невозможно без опоры на уже существующие тексты: текст – это своеобразная монада, отражающая в себе все тексты в пределе данной смысловой области [3]. Развивая идеи М.М. Бахтина, Ю. Кристева, ученица Р. Барта, в 1967 году предложила понятие интертекстуальности: это – текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее.

Интересен тот факт, что Ю. Кристева сформулировала свою концепцию на основе переосмысления работы М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). Здесь автор, описывая диалектику существования литературы, отметил, что кроме данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он вступает в диалог, точнее глобальный полилог культуры. Поэтому принято считать, что в основе теории интертекстуальности лежит концепция диалогизма М.М. Бахтина, из которой следует, что «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте» [2].

Следует также привести определение Р. Барта, поясняющее суть понятия интертекстуальности. Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат [5].

С одной стороны, может показаться, что стирается понятие текста как индивидуально неповторимой структуры (Р. Барт), но, с другой стороны, выбор цитат, использование их в определенной последовательности и сопровождающие их комментарии дают информацию об авторе текста. Таким образом, возникновение интертекста опосредовано представлением автора о первоисточнике.

Можно сказать, что всякий текст создается в виде “цитатной мозаики”, прямых или косвенных ссылок на ранее воспринятые чужие тексты. Так обеспечивается связность и цельность в текстовой цепи. Иными словами, каждый научный текст включается в систему отношений с другими текстами [1] и представляет собой фрагмент научного пространства, составляющую всеобщей информационной базы или системы, непосредственно связанную с другими элементами этой системы.

Интересен тот факт, что каждая научная концепция появляется на пересечении “своего” и “чужого” и поэтому имеет двухстороннюю направленность.

С одной стороны, она опирается на традиции, или контекст старого знания, с другой стороны, представляет собой новое знание. Последнее интерпретируется, занимает определенное место в общем фонде знания и обеспечивает преемственность в науке [1].

Для прагмалингвистического исследования особый интерес представляют функции интертекста, выделяемые по аналогии с классической моделью функций языка Р. Якобсона. Экспрессивная функция проявляется, когда автор с помощью интертекстуальных ссылок дает информацию о своих культурно-семиотических ориентирах, а также прагматических установках: работы и авторы могут быть престижными, модными и т.д. Элементом самовыражения автора является и выбор цитат.

Апеллятивная функция интертекста состоит в том, что отсылки к определенным текстам могут быть ориентированы на конкретного адресата, на такого читателя, который может опознать эту ссылку, оценить и понять интенцию отправителя речи. Часто в случае межтекстового взаимодействия апеллятивную и фатическую функции трудно разграничить. Они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений «свой / чужой». Способность адресата научного текста адекватно распознать интертекстуальную ссылку позволяет установить общность как минимум семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже идеологических позиций и эстетических пристрастий автора и получателя.

Интертекст может выполнять и поэтическую функцию, которая состоит в концентрации внимания на сообщении ради него самого. Задача читающего – опознать ссылки и цитаты, при этом иногда выявляются такие интертекстуальные отношения, о которых автор текста даже не думал (в таких случаях говорят о "неконтролируемом подтексте", "интертекстуальности на уровне бессознательного" и т.п.). Еще одна функция интертекста – референтивная, так как отсылка к другому тексту активизирует информацию, которая содержится в этом «внешнем» тексте. Интертекст выполняет и метатекстовую функцию. Читатель, опознавший фрагмент текста как ссылку на другой текст, может либо продолжить чтение, либо обратиться к тексту-источнику для лучшего понимания этого фрагмента [11].

Еще одну классификацию функций интертекстуальных связей предлагает Е.В. Михайлова, выделяя референциальную, оценочную, этикетную и декоративную функции в научном дискурсе. Для прагмалингвистического исследования важны апеллятивная разновидность референциальной функции, которая заключается в том, чтобы опереться на авторитетное мнение как отправной момент для проведения собственного исследования и формулировки своих выводов; оценочная функция, состоящая в выражении отношения автора к заимствуемому тексту; этикетная функция, реализуемая как выражение уважения к научному сообществу, как признак соответствия определенной группе текстов и как своего рода парольный признак; декора-

тивная функция, заключающаяся в украшении научного текста цитатой или ссылкой, направленная на смягчение стиля, выражения индивидуально-авторского начала в статье [8].

Следует иметь в виду, что именно межтекстовые, интертекстуальные связи обеспечивают диалог автора с культурой и каждый раз трансформируются в результате взаимодействия и взаимовлияния. Согласно О. Ронену, «более поздние тексты, впитывая в себя фрагменты и структурные элементы текстов более ранних, подвергают их «синхронизации и семантическому преломлению», но не отвергают при этом и первоначальный смысл претекстов» [11]. Иными словами, интертекстуальность дает новым авторам возможность сопоставить типологически сходные явления (произведения, жанры, направления) как вариации на сходные темы, выявить ценность той литературной традиции, из которой они возникают и которую имеют целью обновить [4]. Это относится и к научной речи.

Научная проблема в какой-либо отрасли знания обычно рассматривается с разных сторон представителями различных направлений. Поэтому мы можем говорить о диалогичности научной речи в широком смысле. Так, например, в научных работах мы находим точки зрения различных ученых, предшественников и современников автора. Чаще всего выводы и мнения приводятся для сравнения со своими результатами, подтверждения своих суждений, противопоставления своей позиции. В научных исследованиях диалог идет не только между автором текста и другими учеными, но и между автором и читателем. Специфика научного общения заключается в том, что адресат в данном случае – не просто читатель, слушатель, наблюдатель, но и партнер, равный по статусу отправителю речи. Следует отметить, что во время обсуждения научной проблемы исчезает разница статусов коммуникантов, которая проявляется в других коммуникативных ситуациях с теми же участниками.

Многие исследователи, говоря об интертекстуальности, различают читательскую и авторскую стороны. Для автора интертекстуальность – это способ обогащения собственного текста, утверждения творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Для читателя интертекстуальность определяется как способ более основательного и глубокого понимания текста за счёт выявления связей с другими текстами [9].

Конкретным примером реализации диалогичности в научном тексте являются цитаты и ссылки, а также прямые обращения к читателю, включение его в ход исследования и совместное решение научных вопросов. В результате отправитель речи ожидает ответную реакцию адресата. По М.М. Бахтину, ответная реакция, понимание – уже диалогично.

Цитация представляет собой творческую деятельность по обработке текстовой информации. Самый распространенный вид цитат в научном тексте – это целостное высказывание, которое передает законченную мысль.

Это обусловлено тем, что для автора информация, содержание цитаты, важнее, чем форма. Поэтому в научной речи часто используется и другое средство передачи чужой речи – изложение идеи с указанием автора.

Надо иметь в виду, что цитата в другом контексте приобретает новый смысл. Любое воспроизведение – это неизбежное изменение смысла [7], так как цели, восприятие, понимание, приоритеты, манера изложения материала у автора и цитирующего не могут быть полностью идентичными. Цитирующий обычно комментирует цитату, выявляет собственный смысл, акцентируя внимание на конкретных аспектах и устраняя нерелевантную для его исследования информацию. Таким образом, информация при цитировании подвергается компрессии и реконструкции в соответствии с индивидуальной когнитивной системой субъекта и времени [6].

Сам факт выбора цитаты означает, что она включена в систему сознания цитирующего и в систему текста. Поэтому мы можем говорить, что цитаты всегда несут информацию об авторе, его тезаурусе, литературных вкусах, научных интересах, коммуникативных намерениях в данном тексте [7].

Основная задача цитат в научном тексте – диалогизирующая. Обычно в научной речи два участника: автор цитаты и цитирующий. В данном случае цитаты используются для обоснования актуальности проблемы, сравнения и выявления нового в предлагаемых исследованиях, для подтверждения своих суждений или противопоставления своей позиции. Цитата также свидетельствует о надежности научного знания, о его включенности в единое научное информационное пространство. Следует отметить полифункциональность цитат в научном тексте. Они помогают четко разграничить “свое” и “чужое”, несут определенный смысл, указывают на преемственность знания, принадлежность к научной школе.

Интересное замечание о новом и старом знании находим в электронной энциклопедии «Кругосвет». Если удастся придумать что-то новое, то для самого утверждения новизны необходимо сопоставить новое содержание с тем, что уже было сказано. Если же претензии на новизну нет, то использование для выражения некоторого содержания уже имеющейся формы становится престижным указанием на знакомство автора текста с культурно-семиотическим наследием, с “сокровищами семиосферы” [11].

Подведем итог. В статье были рассмотрены особенности интертекста, которые будут полезны в прагмалингвистическом исследовании научной речи для характеристики авторов текстов.

Список литературы:

1. Баженова Е.А., Котюрова М.П. Жанры научной речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0113900.pdf.
2. Бахтин М.М. К методологии литературоведения. Литературно-критические исследования. – М., 1975.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
4. Жолковский Л.К. Чужое как свое // Жолковский Л.К. Блуждающие сны и другие работы. – М., 1994.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
7. Кузьмина Н.А. Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 1999.
8. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
9. Подходы к изучению интертекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fixed.ru/prikling/intertekst/podhody_rz1.html.
10. Черняева А.С. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguists.narod.ru/chernyaeva.zip>.
11. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ПОПОЛНЕНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

© Ульянова Н.Н.¹, Хлыстунова Ю.Ю.²

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина, г. Бийск

Статья посвящена исследованию и анализу сниженных лексических единиц современного немецкого языка, содержащих лексемы экспрессивно-маркированного регистра. В ходе исследования выявлено процентное соотношение употребления исследованных лексем. Обращение к проблеме нормы в статье позволило объективировать анализируемый слой лексики через процесс соотнесения с такой исторически сложившейся категорией (норма), характеризующейся устоявшимися правилами употребления языка.

Ключевые слова: сленг, сниженная лексика, немецкий современный язык, словообразование, инвективы.

---

¹ Доцент кафедры Германских языков, кандидат филологических наук.

² Доцент кафедры Германских языков, кандидат филологических наук, доцент.

В настоящее время все чаще лингвисты занимаются проблемами, стоящими на стыке нескольких наук (социология, психология, семиотика и другие): сравнение компьютерных процессов и возможностей человеческого мозга, оптимизация процессов межличностной коммуникации, прагматика инвективного общения, проблемы лингвистического прогнозирования в иноязычном пространстве, менталитет и языковое сознание и многие другие. Возросший интерес к данным вопросам объясняется, с одной стороны, недостаточной изученностью этих областей, а с другой стороны, новым взглядом на имеющиеся лингвистические сущности.

В центре изучения прагмалингвистики находится человек с его материальными и духовными ценностями, с его материальной и духовной деятельностью. Исследование языка в единстве его структуры и коммуникативной функции предполагает выявление и анализ тех языковых средств, которые реализуют эффект словесной коммуникации.

При антропоцентрическом подходе роль играет не текст «как последовательность тех или иных дискретных элементов» [Сусов, 1987: 12], а дискурс, рассматриваемый как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136-137].

Сниженная лексика в исследовании определяется как лексика, находящаяся за рамками нормы употребления. Данная лексика характеризуется: 1) отсутствием четких границ между лексемами внутри сниженного стиля, 2) эмоциональностью, конкретностью, экономичностью, 3) ненормативностью, которая проявляется в процессе общения, в конкретной ситуации, в дискурсе. Сниженная лексика представлена разговорной лексикой, жаргонами, сленгом, инвективами, вульгаризмами и обценной лексикой.

Функционально-семантический подход к исследованию лексических единиц сниженного стиля лежит в основе работ таких ученых как В.Д. Девкин, В. Флейшер, Т. Шиппан и др. Исследование сниженной лексики потребовало рассмотрения проблемы языковой нормы. В этом плане особую значимость приобретают работы Р.Р. Каспранского, А.В. Коковой, В.А. Жеребкова и др. Вопросы прагматической ценности сниженной лексики рассматриваются в дискурсивных условиях (Н.Д. Арутюнова, Ю.А. Левицкий, Ю.Е. Прохоров, Т. ван Дейк и др.).

В данной статье речь идет о сниженной лексике, которая не перестает быть камнем преткновения многих лингвистов. Сниженная лексика в представленной работе понимается как некоторый языковой пласт языка, находящийся за пределами литературной нормы. Однако границы, несмотря на то, что они определены, каждый носитель языка в силу каких-то социальных, интеллектуальных, психологических, событийных и других факторов определяет для себя сам. Поэтому лексические единицы данного уровня активно используются не только в устной, но и в письменной речи.

Социальные изменения, связанные с изменениями в структуре общества, привели к определенному расшатыванию традиционных литературных

норм, что находит отражение не только в увеличении количества речевых ошибок, но и в существенном изменении словарного состава языка (Sollen wir 'ne Pizza bestellen, oder wollen wir menschen? [Kerkhoff, 2014: 90]).

На фоне растущего негативизма в обществе, стремления к освобождению от привычных норм развивается и укрепляется тенденция к отчуждению от «формализованного» общества и его установок, в том числе и языковых, лексических, формируется социализированное антагонистическое сознание – быть не как все, что находит свое отражение, прежде всего, в языке наиболее восприимчивой к новым веяниям культуры социальной группы – в языке молодежи, являющемся объектом данного исследования. Одной из особенностей сниженной лексики является широкое использование молодежного сленга, которому и посвящена данная работа. Без знания разговорно-окрашенной лексики, по мнению В.Д. Девкина, при изучении иностранного языка обойтись невозможно. Эта лексика составляет достаточно весомую, совершенно неотъемлемую часть лексикона [Девкин, 1994: 5]. Знакомство с разговорной лексикой нужно, чтобы понимать обиходную речь, чтобы овладеть важной частью лингвострановедения, чтобы уметь расшифровать подтекст, остроты, ассоциативный план высказываний.

Изучению сленга в немецком языке посвящали свои работы такие исследователи, как Э.М. Береговская, Г. Эманн, А.В. Минаков, В.Д. Девкин, В.А. Хомяков.

Вслед за Германом Эманом «сленг» в данной статье понимается как язык определенной социальной группы, в данном случае это язык молодежи [Ehmann, 2005: 5].

Цель данной статьи выявить наиболее частотные лексические единицы сниженного уровня.

В процессе работы анализу подвергался фактический материал из произведения Sven Regener «Herr Lehmann», а также из фильма на немецком языке «The Rock». В ходе исследования было выявлено 53 высказывания, содержащих данную лексику, что составляет 17, 2 % всей сниженной лексики рассмотренного материала.

Из представленных источников были выбраны лексические единицы, содержащие следующие лексемы: *Scheiße*, *Arsch*, *Mist* и производные этих слов.

Результаты проделанной работы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Лексические единицы	Scheiße	Arsch	Mist
%	58,4 %	26,4 %	15 %

Данная таблица демонстрирует, что лексическая единица «*Scheiße*» используется наиболее часто по сравнению с другими.

1. Das ist mir *scheißegal* [2].
2. Also mir ist das *scheißegal* [Ehmann, 2005: 49].

3. «Karl *besscheißt* dich nicht, Erwin», sagte Herr Lehmann [Ehmann, 2005: 180].

4. Sie sehen *beschießen* aus [2].

5. «*Scheißblöde* Kuh», sagte Herr Lehmann und wandte sich dann wieder an den Hund [Ehmann, 2005: 14].

6. So eine *Scheiße*! [2]

7. «Da bin ich doch der letzte, der schlafende Hund weckt», kalauerte er drauflos, «schlafe, mein Hundchen, schlaf ein und so, ich weiß, wie es ist, wenn man müde ist, ich kenne das, ich hab's nämlich auch nicht leicht, ich bin auch müde, du armer kleiner *Scheißer*, bist noch viel müder...» [Ehmann, 2005: 11].

8. Wo ist der *Scheißkerl*? [2].

9. «*Scheiße!*» schrie er aus vollem Halse über den leeren Platz. «Nimm doch einer den *Scheißhund* hier weg! Nimm doch einer den verdammten *Scheißhund* hier weg, Himmel, Arsch und zwirn noch mal!» [Ehmann, 2005: 14].

10. «... was sagst du dann, du *Klugscheißer*?» [Ehmann, 2005: 47].

Представленные контексты демонстрируют, что лексическая единица «*Scheiße*» может употребляться со всеми лексическими единицами для усиления своего негативного отношения к объекту или предмету.

В текстах 1 и 2 существительное «*Scheiße*» примыкает к наречию «*egal*» в результате чего образуется новое наречие с явно отрицательной коннотацией. Мне не просто все равно. Мне наплевать, начхать.

В третьем примере представлена вербализация существительного «*Scheiße*» с добавлением префикса *be*. Глагол «*bescheißen*» означает оставить кого-либо в дураках, облапошить кого-либо.

Следующий пример демонстрирует продолжение вербализации, от глагольной леммы образуется причастие I посредством изменения корневого гласного *bescheißen* – *beschießen*. Данная лексическая единица служит для обозначения внешнего и даже в какой-то мере, внутреннего состояния героев: Вы выглядите хреново, паршиво, погано.

Процессы адвербиализации и словосложения представлены в 5 примере. Для этого случая характерно усиление значения смысловой части данного слова, но с негативным оттенком: *scheißblöde* – очень тупая.

Тексты 6, 7, 8, 9, 10 – это употребление самой лексической единицы (6, 7, 9) или совместно с другими существительными (8, 9, 10), в результате чего все составные части представленных сложных слов литературного языка приобретают резко отрицательную коннотацию: *Scheißhund* – это не просто собака, а поганая, паршивая; *Scheißkerl* – это не молодой человек, парень, а стервец, прохиндей; *Klugscheißer* – это умник, всезнайка, но с явно выраженной отрицательной окраской.

11. Ich bin nicht hier, um mich in den *Arsch* ficken zu lassen [2].

12. Er hat uns *verarscht* [2].

13. Hör auf mich zu *verarschen*, das ist Ernst [Ehmann, 2005: 218].

14. Hast du das kapiert, du *Arschloch* [Ehmann, 2005: 99].
15. Das ist ein totales *Arschloch* [Ehmann, 2005: 136].
16. Und jetzt hau ab, du *Arschmade* [Ehmann, 2005: 101].
17. Du *Riesenarschloch*! – schrie Herr Lehmann noch in das Zischen der Bustrir hinein [Ehmann, 2005: 151].
18. Um diese Zeit ist es *arschkalt* [Ehmann, 2005: 12].

Лексическая единица «*Arsch*» также как и «*Scheiße*» употребляется самостоятельно (1), образует прилагательные (18), вербализуется (12, 13) и образует сложные слова (14, 15, 16, 17). Примеры 14 и 15 демонстрируют различное прагматическое воздействие. Лексическая единица «*Arschloch*» в контексте 15 описывает неприятную ситуацию, а в 14 носит уже инвективный бранный характер.

В следующем примере (17) первый компонент «*riesen*» – обозначает большой размер, или иными словами увеличивает влияние определяющего слова «*Arschloch*», которое само по себе принадлежит к пласту бранной лексики. Автор не просто употребляет «*Arschloch*», прибавляя «*riesen*», он снижает до максимума семантику данной лексической единицы, тем самым увеличивая воздействие на читателя.

Что касается лексической единицы «*Mist*», то она употребляется реже, чем представленные ранее, и ее словообразовательные возможности ограничены. Данное слово употребляется в большинстве случаев только как отдельная самостоятельная единица:

19. So eine *Mist* [2].
20. «Das ist alles *Mist*», sagte er [Ehmann, 2005: 186].
21. Machen wir keinen *Mist*, sonst sterben wir alle [2].

Лексическая единица «*Mist*» обозначает определенную неприятную ситуацию и в определенных контекстах может быть заменена на «*Scheisse*». Однако ситуация в значении «*Mist*» не настолько плоха и из нее можно найти выход, поэтому сниженность данной лексемы находится немного выше, чем у представленных ранее.

Характерной особенностью немецкого языка являются сложные слова, которые создаются по правилам и без. Лексические единицы сниженного уровня не являются исключением. Наиболее частотные лексемы – это «*Scheiße*» и «*Arsch*», содержащие компонент осуждения, оскорбления, унижения, неприязни. Благодаря чему нейтральные слова, спаиваясь с представленными единицами, приобретают оттенок сниженности. Вследствие этого они выпадают за рамки языка и воспринимаются как ненормативная лексика.

Список литературы:

1. Девкин В.Д. Специфика словаря разговорной лексики. Немецко-русский словарь разговорной лексики [Текст]: монография / В.Д. Девкин; Высшая школа. – М., 1994. – 456 с. – Библиогр.: С. 5-65.

2. Скала [Видеозапись] / Реж. Майкл Бэй; в ролях: Ш. Коннери, Д. Симпсона, Э. Харрис; Hollywood Pictures. – Фильм вышел на экраны в 1996 г.
3. Hermann Ehmann. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache [Текст]: Wörterbuch / H. Ehmann. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2005. – 180 S.
4. Jugendsprache [Текст] / T. Kerkhoff. – München: Langenscheidt GmbH & Co. KG, 2014. – 155 S.
5. Sven Regener. Herr Lehmann [Текст]: роман. – München: Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003. – 278 S.

Секция 6

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НАРОДОВ МИРА

ВЗГЛЯДЫ РАЗЛИЧНЫХ УЧЕНЫХ НА ГРАММАТИКУ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

© Абдрахимов Л.Г.¹

Военный университет Министерства обороны, г. Москва

Предметом исследования является грамматика китайского языка, объектом исследования служат основные грамматические категории, представленные в трудах лингвистов. Автор подробно рассматривает теоретический фундамент грамматики китайского языка: этапы формирования различительных морфологических форм, специфики грамматических категорий. Особое внимание автор уделяет анализу глагольных категорий в русском и китайском языках, которые приводят к появлению ошибок: традиционность морфологизации оказывается сильнее.

Ключевые слова: функциональная грамматика, структура, грамматическая категория, китайский язык, лингвистические факторы, грамматические ошибки, служебные иероглифы, перевод.

В грамматической структуре каждого языка заложены аспекты этнического опыта и культуры. Данный лингвистический фактор отражен в существовании традиционных грамматических категорий в языке. Смысловое содержание, которое закодировано в лексических единицах языка, семантических группах и морфологических особенностях, отражает окружающий мир, специфику его восприятия каждым человеком и общества в целом через модификацию языкового сознания носителей лингвокультуры. Языковая картина мира не служит точным отражением действительности, а только формирует субъективность его восприятия. У разных языковых личностей эти представления отличаются в соответствии с культурой и нравственными ценностями, соответственно закрепленные в языке. Каждое поколение носителей языка наследует историю языка, что обуславливает традиционность грамматических категорий [1, с. 9]. При исследовании грамматики двух языков – русского и китайского языков нами было определено, что в русском языке наблюдается высокая степень морфологизации: морфологическое оформление лексического материала является доминирующим способом выражения грамматического значения. Данный лингвистический фактор не характерен для китайского языка. Слова в китайском языке в большинстве случаев не имеют внешних морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи. Поэтому при изучении китайского языка при определении принадлежности слов к части речи в основном приходится руководствоваться иными критериями, например, способностью слова выступать в роли того или иного члена предложения, со-

---

¹ Преподаватель кафедры Дальневосточных языков.

единицей его со словами других разрядов и с теми или иными формальными показателями [2, с. 10].

На этапе начального изучения китайского языка грамматические категории русского языка приводят к появлению большого количества ошибок. Постепенно в процессе обучения формируются необходимые навыки различительных морфологических форм, и на продвинутом этапе ошибки, связанные с выражением тех или иных категорий, незначительны. Это касается категорий рода, числа, падежа у существительных. Существительные в китайском языке не различаются по родам, не изменяются по числам и падежам. Несмотря на то, что в китайском языке отсутствует склонение существительных, у представителей русского языка на уровне психологии уже сформированы категории рода, числа, падежа имен существительных. Данный лингвистический и психологический фактор приводит к появлению грамматических ошибок и неправильному переводу слов и целых предложений. В целом это часто приводит к искажению информации... [3, с. 53]. Другие морфологические признаки самостоятельных частей речи: степень сравнения у прилагательных и наречий, условное и повелительное наклонение у глагола, считаем «нечастотными». Поэтому форма их выражения вызывает трудности у студентов при обучении китайскому языку, при переводе текста или при конструировании предложений. Особую сложность представляют глаголы в китайской грамматике. В китайском языке существует два вида глаголов – статические и динамические. Статические глаголы указывают на состояние человека или природы, динамические указывают на конкретное действие. В зависимости от того, какой глагол употребляется в речи, меняется само предложение. В китайском языке глаголы не спрягаются, то есть, не изменяются по лицам и числам. Для разных лиц и времен используется всегда одна форма глагола. Так же, как и в русском языке, глаголы имеют три времени. Прошедшее время глагола выражается с использованием наречия «вчера», например, 昨天我吃鸡 [zuótiān wǒ chī jī] переводится: «*Вчера я есть цыпленка*», правильным вариантом является предложение «*Вчера я ел цыплёнка*». Вторым способом для выражения категории прошедшего времени служат частицы 过 [guò] или 了 [le] – они ставятся после глагола и указывают на действие, которое уже совершилось. 我儿子给我打过三次电话 – *Мой сын мне звонил три раза*. Кроме частицы 了 [le] используется суффикс 了 – он не используется с глаголами, обозначающими состояние – 是, 有, 想, 在. В том случае, если в предложении имеется несколько глаголов, то суффикс 了 относится только к последнему глаголу. Например, 他去商店买了一双冰鞋. – *Я пошел в магазин купить пару коньков*. Следовательно, модальная частица ставится в конце предложения, а суффикс – после глагола. Третьим способом выражения глагола прошедшего времени служит конструкция 是...的. 我是来看他的. – *Я пришёл повидать его* [4, с. 79]. Будущее время в китайском языке реализуется без дополнительных суффиксов или частиц, достаточно

указать наречие 明天 (завтра) или без наречия на основе контекста. 明天我买蛋糕 *Завтра я куплю торт*. Кроме этого используются и другие способы выражения будущего времени в китайском языке: 1) использование служебного наречия 将. В зависимости от диалекта и региона Китая данное наречие используется только в письменной или в устной речи. 2) Использование специальных глаголов – 要 и 会. Эти глаголы имеют свои особенности: 要 обозначает «планировать что-либо» – 他要学习 *Она будет учиться*. 会想我吗? *Ты будешь по мне скучать?* 3) Использование конструкций: 要。。。了, 快要。。。了, 就要。。。, 乐, обозначающие действия, которые должны произойти. Например, 快要下雨了 – *Скоро пойдет дождь*. Настоящее время в китайском языке осуществляется употреблением глаголов без дополнительных суффиксов, частиц. Существует в языке и особая форма выражения настоящего времени глагола – конструкция 在 ... 呢: 他在看电视呢 *Он (сейчас) смотрит телевизор*. Спорным вопросом в китайской грамматике служит понятие «видо-временные формы глагола». Тань Аошун заменяет традиционное понятие вид в китайском языке на термин «аспект». По мнению исследователя, категория аспекта позволяет не разграничивать видовые и временные показатели, а рассматривать их в качестве аспектуально-темпоральных показателей [5, с. 227].

При изучении особенностей изменения глаголов в китайском языке студенты с трудом усваивают лингвистическую особенность: все наклонения глаголов выражаются с использованием служебных иероглифов. Например, повелительное наклонение глагола «*кушай*» выражено через глагол инфинитив «*кушать + повелительное служебное слово*». В китайском языке часто вместо глаголов употребляются глагольные связки, которые состоят из нескольких иероглифов и выражают возможность или невозможность, необходимость совершения действий или направление действия. Лингвистические особенности грамматики русского языка приводят к устойчивым переводческим ошибкам при работе с текстами на китайском языке. При этом они осознают речевую ситуацию, знают правила, закрепленные в китайской грамматике, однако традиционность морфологизации оказывается сильнее [6, с. 237].

Следовательно, в функциональной грамматике проблемы возникают в ходе осуществления программы речевого действия: преобразование смыслового содержания в форму изучаемого (чужого) языка. На начальном этапе изучения языка между содержанием и его формальным воплощением в коде каждого языка стоит родной язык в форме внутреннего программирования. Данное «опосредствующее звено» приводит к трудностям усвоения лексического материала и грамматических категорий. На формирование знаний грамматики китайского языка влияют следующие факторы:

1) наличие или отсутствие в языках лексико-грамматические разрядов, например, для имен существительных в русском языке категория числа является обязательной, в китайском языке данная категория наблюдается только у существительных, которые обозначают лицо;

2) в китайском языке одна грамматическая категория определяет поведение других: категория одушевленности влияет на категорию числа;

3) функционирование грамматической категории в речевых ситуациях и в тексте могут быть различными: факультативность грамматического оформления в китайском языке велика [7, с. 97].

Список литературы

1. Бондаренко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983. – 208 с.
2. Задоев Т.П., Хуан Шаин. Основы китайского языка. – М.: Наука, 1993. – 272 с.
3. Курдюмов В.А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. – М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2009. – 576 с.
4. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: учебное пособие для студентов. – М.: Просвещение, 2004. – 317 с.
5. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики китайского языка: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 896 с.
6. Бахударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М., 1985. – 237 с.
7. Щичко В.Ф. Китайский язык. Полный курс перевода: учеб. / В.Ф. Щичко, Г.Ю. Яковлев. – М.: Восточная книга, 2012. – 368 с.

DEVON OF KHUSAYN BAYKARA

© Djurayeva K.B.¹

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

In present article attempt to open some sides of the person, an originality of poetry of poet-governor Khusayn Baykara – Khusayniy, the outstanding political figure, the active representative of the cultural, educational and literary environment of the end of XV and the beginnings of XVI century is undertaken. On the example of particular compositions of the poet creating both on Turkic, and on Persian languages, being based on hand-written and printing editions of the "Divana" made by the author and "Treatise Khusayn Baykara" the subjects, system of images, artistry of products of the contemporary and the close friend of the great poet Alisher Navoi, which creativity are investigated long years was exposed to not deserved criticism.

Keywords: the manuscript, calligrapher, divan, treatise, a gazelle, love, the enemy (contender).

---

¹ Teacher of «Uzbek language and methodology» department.

Khusayn Baykara – the poet, left to descendant powerful creative heritage. His creative treasure consists from made by the author himself "Divan" and and "Risolai Khusayn Baykara" ("Treatise of Khusayn Baykara"). The collection of poems-divans of the poet have been some times copied during his life by the well-known calligraphers of that time, including Sultan Ali Meshhedi, Sultan Muhammadi Handonom, these rare copies have been remained and up to now. The divan includes in itself such poetic genres, as a gazelle, mukhammas, ruboi, quadruple, fard, kit'a. Gazelles are collected in sequence and according to the Arabian alphabet.

Written in 1485 "Risolai Khusayn Baykara" on the one hand is sung the founder of both worlds – Allah. Last prophet is exalted – Muhammad. The main thing, affirms, that the person created as the highest essence is obliged to thank the Creator that, he gave him life, created all conditions, created as the most respected of all essences, and should accomplish all farz and sunnat.

On the other hand, Khusayn Baykara is proud of that knowingly spends the life given by Allah, honours, and cares of the world and well-being in the country. Famous A.Abdugofurov marked¹, that he in a short fragment reflects his activity: building of mosques and madrasas, hotels; did not suppose as former kings of oppression, robbery, crushed not obeying robbers. The words stated by him help us to present more completely the image of Khusayn Baykara.

Khusayn Baykara in the treatise said that during the kings ruling lived many great people, pointed, that the most knowing and noble among them, pearl rivers of noble qualities and a sun light of wisdom² was mavlyana Abdurrahman Djami. The author sings the personality, greatness of Djami as the scientist and the poet having written gazelles, poems. After he described, the huge creative prowess in the world of Turkish of his close friend Alisher Navoi. Especially glorifies the great genius, comparing his "Khamsa" with Nizami and Hosrav Dehlaviy. Khusayn Baykara asserts that divans and Alisher Navoi's poems is there is not equal not only in Turkic, but also in the Arabian, Persian world. The treatise is small, however very valuable a source in studying the personality Khusayn Baykara, Abdurrahman Djami and Alisher Navoi.

Khusayn wrote gazelles, muhammas, fard, kit'a, ruboi and quadruple, basically, in Uzbek language. Some gazelles, meeting in various anthologies, proofs, the fragments resulted in Vosifi in it "Badoi ul-vakoe", say that the poet created as well on the Persian. He wrote in popular kinds of gazelle – to five, six, seven, eight bytes (couplets). As researchers mark, all of them are subject of gazelle, not a parokanda (it is literally, written in disorder).

The leading themes of gazelles of the poet is the traditional theme of love. Thumbing through printing and hand-written copies of divan of the poet, we see, that in it, basically, are collected gazelles on love themes. Practically in all gazelles references of the lyrical hero to his lover about fidelity, fidelity and patience, the description of her beauty sound, is originally thin sudden fine feelings.

In all the gazelles of Khusayn, on the one hand, highly artly sings the beauty, grace, carelessness of a beloved, a grief and suffering which it causes to the lyric hero, from another hand, simply, and simultaneously, musically and warmly describes various psychological conditions, sufferings enamoured, his hope of favour of beloved, also a pain from not honesty of the contender. The poet pays special attention to consecutive perfection of thought in the art description. As a result, each gazelle appears as a short, distinct statement concrete soul conditions of beloved. If the gazelle begins with the description of a face of beloved, it comes to an end with expression of that month is ashamed before it. Or a gazelle beginning the description of symmetry of a body of beloved it comes to an end singing its superiority over all: sarv, shamshod, ar-ar and du. Therefore the majority of gazelles Khusayn are gazelles with the concrete maintenance, a plot.

As the thought in a concrete gazelle begins with exact intention, and comes to an end with the provided logic point, in them is not observed differences of thoughts, and integrity is traced. Also are rare in its verses inherent in creativity of great creators of a word of attempt to spend through love themes socially-philosophical, political, too secret, secular, epic thought.

Penetrating into a gazelle of the poet, we see as from a name of beloved the image-portrait of a beloved is laconically described. In such poems the maintenance develops from couplets to couplets, proceeds and finds integrity, completeness. In the course of this or that description the reader has a perfect representation about certain feeling, extreme experience, a subject or the phenomenon, the certain condition in the of the person personality is accurately shown.

Beloved eyes break off soul of the hero, at the same time of her lip gives a life:

Айласам лаъли равонбахишинга жонимни фидо,

Ханжари мужгон била жонимни айларсан фиғор.

Very often eyes of beloved are compared to the sorcerer, the cheat, artful, magician, eyelashes – the arrow, a dagger, a needle, a spear, thus reach a various sort of artistry. And if an arrow – beloved eyes tear apart soul enamoured, but nectar from his lips gives a life.

One of original features of gazelles of the poet consists that the author in each couplet compares an image of beloved to any vital phenomenon or subjects, and the fine art fragment is created. As a result, the description developing from couplet to couplet, forms logic sequence. For example, in the first byte of a gazelle «Сабзаи хаттинг саводи лаъли хандон устина» again appeared on beloved lips the black filament-sabzai of huts is compared with to falling of shade Khizra on animals In the second skull-cap of kurayshi (Arabs of a tribe kurash put on green cap) on a head of the beauty dressed in green chapan, reminds hoarfrost on “сарви хиромон”(a tree growing directly). The arrow which has pierced broken smothering enamoured, letting off with eyes beloved, is similar to a bird on ruins. In the fourth couplet the description is more beautiful and it is pleasant, attractive: Each black stain left a grief of love on a shower of the beloved, reminds crotch when the beloved as the book papers dismisses her hair. The black

birthmark over vivifying, scarlet as if petals of roses lips is compared to a fly, which can suddenly sit down in transparent field.

Here the lyrical hero makes serious deviation, states thought on life, its delusiveness. Beauty, riches and glory that is not eternal. Even those who exploited on "a Universe dust", will appear under this dust. For this reason the person should esteem, if has met true people, not to give soul to not true, should aspire to live in pleasure. So, all elements of artistry in a gazelle, all words and expressions are directed on an appeal by a joyful, happy life, to substantially and adequately to live the life given by the Allah. This gazelle of Khusayn is one proof to that he is the singer of a true life, beauty.

It is well-known, that Khusayn Baykara after long wandering and struggle has occupied a throne of Khurasan. Being especially vigilant, brave, enterprising, because of against struggle with him forces, some false assistants, after silly sons he has lived all life with sleepless soul, not losing vigilance. According the statements of orientalist, a principal cause of refusal Khusayn Baykara to release Alisher Navoi to hadj the probability of occurrence during this period not quiet conditions in a certain corner of the country, revolt infamy people, that is care of interests of the people. Testifies to it and that fact, that last time Navoi has refused the fulfilment to hadj according the desire of court Herat.

Fear for anxieties in country, at first sight strong, always quiet Khurasan always tormented soul of shah Khusayn Baykara, he stayed in constant care. Similar sincere conditions it should be reflected in his gazelle giving to some of them public, philosophical essence.

Thus, Khusayniy has once again managed to prove the originality to poems in the Persian language. Most likely, gazelles of Khusayniy on Persian also were known in due time. Sufi Muhammad has created the kaside-ode "Noziktar" imitating the well-known poem of the poet "Nozik". In lexicon of both compositions there are many similar words and expressions. It is necessary to note also, poems of Khusayniy, written on Persian are various on subjects, and are made from ideologically-art point of view.

So, in gazelle of Khusayniy, devoted to singing allegorical love, in the description of various experiences of lyric hero the complaint to the contemporaries, not loyal friends is especially traced. These poems are original and in using of traditional art means, in particular, art poetic receptions, images of love-adventure composition. The poet masterful uses as in the description of a sincere condition of the lyrical hero, its internal experiences, a grief and sufferings, sometimes complaints, and in the description of beauty of a beloved, creation of its portrait various receptions of art of a word. Especially is usual comparisons, exaggerations in compositions of Khusayniy.

The literature:

1. Abdugafurov A. *Freedom and kindness.*: Publishing house of literature and art named after G. Gulom, 1979. – P. 58-61.

2. King and poet. Khusayn Baykara. Risola. Divan. Prepared for publishing A.Erkinov. –Т., 1995. – P. 20.
3. Jalilov B., Eshonova Z. Sulton Khusayn Boykaro. – Andizhon State University, 1997. – P. 24.
4. Devon of Khusayn Baykara. – Kabul: Publishing house of az “Tabi kitob”, 1968. – P. 38,78.
5. Institute of oriental studies of Republic of Uzbekistan. The manuscript. № 1117. – P. 91.

Секция 7

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

© Андреева Е.А.¹, Лабзина Л.Н.¹

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары

В статье представлена общая схема действий переводчика при встрече с авторскими неологизмами; описаны приёмы их перевода; установлено, что выбор того или иного приёма перевода авторских неологизмов, встретившихся в художественном произведении, в значительной мере зависит от ясности их внутреннего устройства, понятности и относительной однозначности их компонентов.

Ключевые слова: авторский неологизм, художественное произведение, приём перевода, внутренняя форма, выбор.

Авторские (индивидуально-авторские) неологизмы – это новые слова, созданные и введённые в употребление конкретным человеком (например, писателем, общественным деятелем и т.д.).

В зависимости от того, являются ли авторские неологизмы прямыми наименованиями понятий или они представляют собой экспрессивное обозначение понятия, которое уже имеет своё название, их можно подразделить на номинативные и стилистические соответственно.

С точки зрения переводящего языка авторские неологизмы относятся к категории безэквивалентной лексики, т.е. являются лексическими единицами, не имеющими регулярных (словарных) соответствий. Это не означает, однако, что их передача средствами переводящего языка невозможна или менее точна, чем передача тех единиц, которые имеют регулярные соответствия.

Как указывает В.Н. Комиссаров, в условиях переводческого акта переводчик сознательно или бессознательно исходит из ряда лежащих в основе переводческой стратегии принципиальных установок. Одна из них предполагает, что в процессе перевода понимание оригинала всегда предшествует его переводу не только в качестве двух последовательных этапов, но и как обязательное условие осуществления переводческого процесса. Другими словами, переводчик может перевести только то, что он понял [2, с. 195].

Следовательно, и в процессе перевода авторских неологизмов можно также выделить два основных естественных этапа: 1) осмысление значения неологизма; 2) передача неологизма средствами переводящего языка.

Согласно В.Н. Крупнову, при встрече с неологизмом переводчику следует уяснить его значение на основе контекста и анализа структуры этого неологизма [3, с. 136].

---

¹ Старший преподаватель кафедры Романо-германской филологии и переводоведения.

Очень важным при определении значения авторского неологизма оказывается широкий контекст (т.е. совокупность лексических единиц, окружающих данную единицу в пределах, превышающих предложение, эту единицу содержащее), поскольку он может содержать рассредоточенные элементы, разъясняющие или характеризующие понятие, обозначенное неологизмом. Возможность понимания значения неологизма на основе узкого контекста (т.е. контекста в пределах содержащего данную единицу словосочетания или предложения) зависит от характера слов, составляющих окружение неологизма. Как в широком, так и в узком контекстах могут присутствовать определительные слова, словосочетания, предложения, сводящие проблему осмысления неологизма к нулю.

Каждый из указанных видов контекста (и каждый конкретный контекст вообще) может по-разному влиять на понимание значения нового слова; стоит также отметить, что в большинстве случаев контекст помогает определить элементарное значение неологизма, как-то: «предмет», «процесс», «состояние», «одушевлённое существо» и т.д.

Точнее понять значение неологизма можно, проанализировав его структуру. Для этого необходимо хорошо знать имеющиеся в языке модели и способы словообразования.

Когда значение неологизма определено, переводчик может перейти непосредственно к передаче данной безэквивалентной единицы на переводящий язык, создавая для неё окказиональное соответствие.

Здесь следует отметить, что с точки зрения установления соответствий одни авторские неологизмы можно считать собственно безэквивалентными, другие же можно назвать условно безэквивалентными.

Номинативные авторские неологизмы относятся к числу собственно безэквивалентных неологизмов: с появлением качественно новых понятий появляются и новые слова – обозначения этих новых понятий. Естественно, что своё наименование новое понятие получает на основе средств языка создателя этого понятия, и его обозначения в других языках отсутствуют. Для перевода таких неологизмов окказиональные соответствия могут устанавливаться с помощью таких переводческих приёмов, как:

1) транскрипция / транслитерация (приёмы перевода лексической единицы оригинала путём воссоздания её формы с помощью букв переводящего языка; при транскрипции воспроизводится звуковая форма слова-оригинала, при транслитерации – его графическая форма);

2) калькирование (приём перевода лексической единицы оригинала путём замены её составных частей – морфем или слов – их соответствиями в переводящем языке; калькирование может быть использовано в комбинации с транскрипцией / транслитерацией);

3) описательный перевод (перифрастический, дескриптивный, экспликативный, экспликация) – приём, при котором лексическая единица исходного

языка заменяется объясняющим её значение словосочетанием на переводящем языке.

К условно безэквивалентным неологизмам можно отнести стилистические неологизмы. Создающиеся как яркое экспрессивное наименование уже известных понятий, такие неологизмы имеют нейтральные синонимы, которые вполне могут обнаруживать соответствия в других языках. Эту особенность следует учитывать при переводе подобных неологизмов. Так, после уяснения значения неологизма осуществляется ассоциирование этого неологизма с его нейтральным синонимом. Далее для этого нейтрального синонима в переводящем языке находится его соответствие, которое и употребляется в тексте перевода. Если переводящий язык располагает более экспрессивным синонимом найденного нейтрального соответствия, то при переводе также возможна замена найденного нейтрального соответствия на этот выразительный синоним. Выбор между нейтральным соответствием и его ярким вариантом определяется самим контекстом, в котором употреблён неологизм, типом переводимого текста и требованиями к текстам этого типа в принимающей культуре и т.п.

Другими словами, перевод условно безэквивалентного неологизма осуществляется путём подыскания для этого неологизма ближайшей по значению единицы переводящего языка, так создаётся соответствие-аналог.

Ещё одним приёмом передачи авторских неологизмов, в особенности применимым при переводе художественной литературы, является создание переводчиком собственного неологизма. В этом случае переводчик создаёт соответствие, исходя из общего значения авторского неологизма, не копируя его внутреннюю форму. Иначе говоря, происходит отказ от признака или образа, заложенного в слове автором, и в создаваемое соответствие закладывается другой признак или образ, имеющий в известных пределах то же значение, что и оригинальный [1, с. 129].

Таким образом, для перевода авторских неологизмов применяются такие приёмы, как: транскрипция / транслитерация, калькирование, описательный перевод, подбор аналога; для передачи специфических неологизмов, встречающихся в художественных произведениях, помимо этих приёмов возможно создание переводческого неологизма.

Безусловно, применение того или иного приёма для передачи авторского неологизма, встретившегося в художественном тексте, зависит от компетентности и творческих способностей самого переводчика, однако, можно предположить, что на выбор конкретного приёма может влиять внутренняя форма авторского неологизма.

Для проверки этого предположения авторами статьи был проведён анализ авторских неологизмов в сопоставлении с их переводами. Материалом для исследования послужили 5 первых романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере, из которых было взято 86 неологизмов (первоначально было отобрано 100 единиц, по 20 единиц из каждой книги, однако 14 единиц были исклю-

чены из дальнейшего рассмотрения, т.к. по результатам проверки на предмет их действительной принадлежности к разряду авторских неологизмов оказалось, что они не являются словами, придуманными Дж.К. Роулинг; добор не проводился).

Согласно проведённому анализу, наиболее часто для передачи неологизмов использовались: калькирование, в том числе и частичное калькирование с элементами транскрипции и транслитерации (37 единиц), переводческие неологизмы (28 единиц) и транскрипция / транслитерация (16 единиц).

Данные приёмы перевода демонстрируют достаточно высокую частотность употребления по сравнению с остальными приёмами: описательным переводом и аналогом, которые представлены в данном исследовании 4 единицами и 1 единицей соответственно.

Преимущественное использование калькирования, переводческого неологизма и транскрипции / транслитерации можно объяснить тем, что при передаче неологизмов Дж.К. Роулинг средствами русского языка возникала необходимость добиться максимальной оригинальной сжатости, а максимальная краткость достигается как раз при транскрибировании (транслитерировании), и это одно из его преимуществ; обеспечивается она также и калькированием, и переводческим неологизмом. С этим и следует связывать слабое использование описательного перевода, при помощи которого не всегда можно добиться желательной лаконичности при передаче авторского неологизма. К тому же, использование описательного перевода может оказаться избыточным, если текст уже содержит конструкции, разъясняющие смысл авторского неологизма.

Крайне слабое использование аналогов, можно сказать, естественно: для элементов вымышленных миров – абсолютно новых, неизвестных предметов и устройств, явлений и процессов, не существующих представителей флоры и фауны и др. – подобрать элементы реальной действительности, понятный схожие с ними, фактически невозможно.

Несмотря на то, что калькирование получило наибольшее применение при переводе данных авторских неологизмов, это совсем не означает, что данный приём является постоянно главенствующим при переводе неологизмов в художественных произведениях: вполне вероятно, что при каком-либо другом составе выборки частотность употребления каждого из имеющихся приёмов перевода авторских неологизмов была бы представлена по-другому.

При дальнейшей интерпретации результатов становится вполне очевидно, что на выбор того или иного приёма передачи художественных авторских неологизмов на другой язык значительное влияние оказывает структура самого авторского неологизма: ясность его внутреннего устройства, понятность и относительная однозначность его компонентов – другими словами, степень мотивированности авторского неологизма.

Так, можно утверждать, что калькирование используется в тех случаях, когда структура и её составляющие наиболее прозрачны; чем менее ясна

этимология авторского неологизма, тем выше вероятность, что он будет транскрибирован (транслитерирован).

Однако необходимость передать исходную смысловую нагрузку неологизма, так или иначе ощущаемую реципиентом оригинала, часто утрачиваемую при формальной буквенно-звуковой передаче, заставляет переводчика отказываться от использования в переводе транскрипций и транслитераций и создавать собственные неологизмы в качестве эквивалентов исходных новообразований.

В заключение следует подчеркнуть необходимость углублённого изучения явления авторского неологизма в художественных произведениях с лингвистической и переводоведческой точек зрения в связи с увеличением числа обращений писателей к индивидуальному словотворчеству, а поскольку XXI век по праву считается веком высоких технологий, и возникновение новых понятий способствует появлению новых слов для их обозначения, то и в области литературы, являющейся отражением этапов развития общества, можно ожидать появления ещё большего числа произведений, в которых на основе реальных представлений создаётся логически несовместимая с ними картина мира, и, следовательно, содержащих значительное количество словесных авторских новообразований.

Список литературы:

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 251 с.
3. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу / В.Н. Крупнов. – М.: Междунар. отношения. 1976. – 192 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© Белоусова Н.А.¹

Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА», г. Москва

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы перевода
с английского языка на русский и с русского языка на английский, ко-

---

¹ Преподаватель английского языка кафедры Иностранных языков и профессиональной коммуникации.

торые часто возникают при обучении переводу в школе, ВУЗе. Мы говорим, что такое перевод, какие есть возможности для перевода языковых реалий, инфинитива и инфинитивных конструкций, страдательного залога.

Ключевые слова: перевод, языковые реалии, инфинитив, лексика, инфинитивные конструкции, страдательный залог, обучение.

Одна из важных задач преподавателя английского языка – обучение учащихся переводу научных статей, договоров, соглашений, художественных произведений, технических документов. Необходимо объяснить учащимся роль перевода с английского языка (и на английский) в обмене знаниями, мыслями и чувствами между народами и их культурами.

Перевод представляет собой один из древнейших видов человеческой деятельности. Без перевода трудно представить известные исторические события, такие как появление огромных империй, распространение религиозных и социальных учений, обмен знаниями. У каждого народа, каждой нации, культуры есть свои особенности, в том числе и в языке. Разумеется, каждый язык имеет такие лексические единицы, которые свойственны только ему. Поэтому правильный перевод очень важен в межкультурной коммуникации.

Под словом "перевод", как одним из видов сложной языковой деятельности человека, обычно подразумевается либо сам процесс перевода, либо результат деятельности переводчика – устный или письменный текст, высказывание. Так как процесс перевода протекает в двуязычной ситуации, когда в процессе общения участвуют два языка, т.е. межъязыковой ситуации, то можно определить перевод как процесс межъязыкового преобразования или трансформации устного или письменного текста, предъявленного на одном языке, в текст (устный или письменный) на другом языке [1].

Язык является существующей коммуникативной системой общества, а речь – это функционирование языка в процессе коммуникации для передачи информации, то перевод суть передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка.

Также перевод определяется как передача мыслей (чувств, эмоций), высказанных на одном языке, средствами другого языка, или как замена текста на одном языке эквивалентным текстом на другом языке.

Перевод рассматривается как процесс коммуникации в двуязычной ситуации, т.е. такой ситуации, когда коммуникативная деятельность протекает в кодах двух разных знаковых систем. При осуществлении коммуникации в двуязычной ситуации, переводчик одновременно кодирует и декодирует обрабатываемую им информацию в кодах двух разных знаковых систем. Процесс перевода можно считать сложным видом психолингвистической деятельности в условиях двуязычной ситуации.

При обучении учащихся переводу мы должны помнить, что перевод – это процесс адекватной, полноценной передачи мыслей, высказанных на

одном языке, средствами другого языка. Также это правильная, точная и полная передача особенностей и содержания текста и его языковой формы с учетом всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики, в сочетании с абсолютной правильностью языка, на который делается перевод.

Какие трудности возникают у учащихся при осуществлении письменного и устного перевода на занятиях по английскому языку?

Нами были определены следующие проблемы перевода в процессе обучения английскому языку.

1. Перевод языковых реалий.

Реалии представляют собой слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры и истории одного народа, и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе. Реалии являются одним из классов безэквивалентной лексики.

Для них характерна гибкость: не теряя своего статуса, реалии могут одновременно относиться к нескольким лексическим категориям.

Основным критерием отличия реалии от других классов лексических единиц является её национальная и (или) временная окраска [«Трудности перевода реалий с английского языка на русский на материале перевода романа Агаты Кристи "N or M" В.Д. Горбунова»].

По структуре реалии представляют собой отдельные слова и словосочетания, семантически равные словам, чаще всего по своей грамматической форме реалии являются существительными либо отыменными прилагательными.

В современной лингвистике представлены классификации реалий по временному, семантическому, грамматическому, местному признакам.

Реформатский А.А. [3] объединяет реалии по предметно-языковому принципу в следующие группы:

- 1) имена собственные;
- 2) монеты;
- 3) должности и обозначения лиц;
- 4) детали костюма и украшения;
- 5) кушанья и напитки;
- 6) обращения и титулы при именах.

Классификация реалий по предметным областям представлена у Б.И. Репина [4]. Предлагаем ее рассмотреть.

Бытовые реалии: жильё, одежда, украшения, пища; напитки, родственные отношения; обычаи, игры, песни; названия музыкальных инструментов.

Этнографические реалии: названия родов и племён.

Мифологические реалии: а) злые духи; б) клич.

Религиозные реалии.

Ономастика.

Основными приемами передачи реалий в языке перевода являются транскрипция и / или транслитерация; перевод.

Перевод языковых реалий происходит следующими способами: неологизмом (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм); заменой реалии; приблизительным переводом (аналогичный перевод, описательный перевод, объяснительный перевод); контекстным переводом.

2. Перевод инфинитива и инфинитивных конструкций.

При переводе в первую очередь необходимо определить функцию инфинитива в предложении. Несоответствия в грамматической системе английского и русского, а также невозможность точной передачи значения какой-либо грамматической формы обычно компенсируются за счет других грамматических, словарных средств, т.е. при помощи различных лексических и грамматических трансформаций. Предлагаем посмотреть, как построить перевод инфинитива в различных конструкциях:

Инфинитив как подлежащее употребляется с частицей *to*. Этот инфинитив очень часто используется в официальной речи, переводить его следует как неопределенную форму глагола или существительное, например:

To read is a great pleasure. – Читать (чтение) – великое удовольствие.

Инфинитив как часть составного глагольного сказуемого переводят неличной формой глагола или личной формой глагола, а также существительным. Этот инфинитив может выступать как часть глагольного сказуемого:

She began to translate the article. – Она начала переводить статью.

Инфинитив может быть в сочетании с модальными глаголами:

She must translate this article this week. – Она должна перевести эту статью на этой неделе.

3. Инфинитив также может выступать как часть составного именного сказуемого. Переводить следует неопределенной формой глагола или существительным, например:

The duty of every student is to master at least one foreign language. – Долг каждого студента – овладеть, по крайней мере, одним иностранным языком.

4. Инфинитив, выступающий как определение, переводят определительным придаточным предложением, сказуемое которого имеет оттенок долженствования (возможности, желания) или будущего времени.

Here is the student to complete this work. – Вот студент, который закончит эту работу (должен закончить).

Инфинитив как обстоятельство переводят с помощью русского инфинитива или существительного, реже – с помощью глагола и деепричастия.

You must work much in order to master a foreign language. – Вы должны много работать, чтобы овладеть иностранным языком.

Инфинитив как дополнение переводят с помощью неопределенной формы глагола.

I asked her to help me. – Я попросил ее помочь мне.

Таким образом, между инфинитивными конструкциями и средствами их перевода имеются определенные закономерности. Во-первых, это общие закономерности, например, важная необходимость избегать дословной точности. При выборе отдельной единицы в переводе нужно исходить из того, какую функцию он выполняет в контексте, но не из того, насколько он соответствует элементу оригинала напрямую. Во-вторых, это закономерности конкретного и частного порядка – такие, как однозначность в раскрытии термина, конкретные формы использования специфических элементов конструкций инфинитива при передаче их на русский язык, а также использование устойчивых сочетаний, фразеологизмов.

5. Перевод страдательного залога.

Предложения с глаголом-сказуемым в страдательном залоге (пассивной форме) иногда имеют значительные трудности при переводе на русский язык.

Во-первых, в английском языке форма страдательного залога образуется не только от переходных глаголов, но и от глаголов, требующих косвенное или предложное дополнения. Например, от глаголов *to call upon* призывать кого-л., *to deal with* иметь дело с, обращаться с, *to enter into* вступать (в соглашение и т. П).

Во-вторых, английскому переходному глаголу в русском языке часто может соответствовать непереходный глагол, требующий предложное или косвенное дополнения. Например, *to affect* воздействовать на, *to follow* следовать за, *to join* присоединяться к, *to treat* обращаться с, *to resist* сопротивляться и др.

В-третьих, в английском языке в страдательном залоге иногда употребляются фразеологические сочетания, например, *to pay attention to*, *to take notice of* и др. Эти сочетания невозможно перевести на русский язык соответствующими глаголами, не заменив страдательный залог действительным.

Поэтому часто при переводе на русский язык приходится: вместо страдательного залога употреблять действительный; личные предложения переводить неопределенно-личными; заменять один глагол другим, а иногда вместо личной формы глагола употреблять в русском тексте форму неличную или вообще передавать эту пассивную форму лексически.

Если в английском предложении отсутствует субъект действия глагола (дополнение с предлогом *by*), оно обычно переводится неопределенно-личным предложением.

В русском языке страдательный залог не так часто употребляется, как в английском, и даже в тех случаях, когда английскому глаголу в пассивной форме соответствует русский переходный глагол, страдательный залог часто заменяется действительным залогом по стилистическим соображениям, или для того, чтобы в русском языке передать смысловое или логическое ударение английского предложения.

Мы рассмотрели некоторые проблемы перевода, которые возникают при обучении английскому языку.

Переводы с английского языка на русский и наоборот занимают много времени в жизни каждого школьника, студента, научного работника. Трудности в процессе перевода являются актуальной и важной проблемой, требующей изучения и внимания.

Мы считаем, что необходимо обучать школьников и студентов основам перевода с английского языка на русский и с русского языка на английский, поскольку это способствует расширению их словарного запаса, закрепляет знание грамматики, учит их работать со словарем и различными справочными материалами, делает процесс обучения интересным и увлекательным, увеличивает их поликультурные знания.

Список литературы:

1. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е издание, переработанное. – М.: Флинта: Наука 2003.
2. Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Т.И. Гуськова, Г.М. Зиборова. – 3-е изд.; испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2000.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – 1996.
4. Репин Б.И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении // Сб. Теоретические и практические вопросы преподавания иностр. яз. – М., 1970.
5. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф.Г. ЛОРКИ И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© Коновалов В.С.¹, Радченко Г.И.²

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В данной статье раскрываются особенности поэзии Ф. Лорки, использование повторов как средство выражения собственного поэтического стиля. Выделяются разные приемы выразительности речи автора, а также примеры переводов на русский язык. Также, описывается роль повторов как способа формирования индивидуальной ритмики поэта. Стоит обратить особое внимание на способы отечественных перево-

---

¹ Студент.

² Доцент кафедры Межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук.

дчиков переместиться в настроение Лорки для более полного и красочного изображения мыслей автора в момент создания стихотворений.

Ключевые слова: лексический повтор, синтаксическая единица, фо-нема, лексема, языковая структура, стилистический прием.

Известный русский, советский переводчик, один из основателей советской школы поэтического перевода, Михаил Леонидович Лозинский отмечал, что, «переводя иноязычные стихи на свой язык, переводчик также должен учитывать все их элементы во всей их сложной и живой связи, и его задача – найти в плане своего родного языка такую же сложную и живую связь, которая по возможности точно отразила бы подлинник, обладала бы тем же эмоциональным эффектом. Таким образом, переводчик должен как бы перевоплотиться в автора, принимая его манеру и язык, интонации и ритм, сохраняя при этом верность своему языку, и в чем-то и своей поэтической индивидуальности. Необходимо помнить, что перевод выдающегося литературного произведения сам должен являться таковым».

В поэзии используются разнообразные приемы усиления выразительности речи. Поэты стремятся к достижению звукового подобия лексики, отбирая слова, в которых повторяются одни и те же или похожие звуки, или же, целые созвучия.

Мы в своем исследовании рассмотрим одно из наиболее ярких средств выражения экспрессивности в поэтической речи – лексический повтор.

Не вызывает сомнения то факт, что повтор как средство наделенное яркой экспрессией, также представляет собой цементирующий элемент поэтического текста, участвует в формировании межфразовых связей, служит средством выражения таких центральных текстовых категорий как связность и целостность.

Проблема повтора привлекает внимание очень многих исследователей, число работ, посвященных повтору, непрерывно растет. Большой интерес представляет задача разграничения повтора – выразительного средства и стилистического приема, с одной стороны, и повтора – типа выдвигания, обеспечивающего структурную связанность целого текста и устанавливающего иерархию его элементов, – с другой. Надо отметить, что проблема повтора, как композиционного феномена в значительной степени разработана в трудах таких исследователей, как Гаврилова, Гальперин, Диброва, Иванчикова, Чаплыгина и других в других многочисленных работах по данной проблематике.

Мы в своем исследовании остановимся на роли лексического повтора как средства формирования мелодики и ритмики испанского поэтического текста, и связанных с ним вопросов перевода на русский язык испанских стихов на примере перевода произведений известного испанского поэта Ф.Г. Лорки.

Розенталь Д.Э. предлагает такое определение: «Повтор – это упорядоченное повторение слова, словосочетания и даже большей синтаксической единицы (предложения или его части). Упорядоченность выражается в том,

что повторяющиеся единицы стоят в определенной позиции, то есть на определенном месте в предложении, его части, сложном синтаксическом целом, тексте».

Жирмунский В.М. рассматривает повтор как фигуру речи, которая представляет собой повторение фонем, лексем, морфем, словоформ и синтаксических конструкций в небольшом отрезке текста, где они расположены достаточно близко, чтобы можно было их заметить. В художественной речи повтор активизирует внимание читателя и реализует эстетическую функцию. При использовании данной конструкции в тексте образуется своеобразная система знаков – ключевых слов и фраз. Повтор особенно важен в поэтических текстах, так как играет ритмообразующую роль. Благодаря повтору создается «впечатление эмоционального нагнетания, лирического сгущения переживаний».

«Ритм, – отмечает А.В. Федоров, – как закономерное чередование синтаксических единиц, и связанные с ним параллелизмы и повторения менее всего могут рассматриваться в качестве орнаментального средства, служащего целям некой отвлеченной формальной выразительности, а они органически спаяны – во всяком идейно значительном произведении с его смысловыми и эмоциональными основами.

Арнольд И.В. указывает: «Главную опору при обнаружении внутренней связности текста читатель получает от повторяющихся в тексте значений, составляющих его тематическую сетку. Повторение значений выражается в повторе сем, слов или тем и образов. Лексическая связность текста образуется наличием общих компонентов в составе денотативных или коннотативных значений слов или общей референтной отнесенности. Связи лексического типа могут быть синонимическими, антонимическими, гипогиперонимическими или создаваться общностью эмоциональных, оценочных или стилистических коннотаций»[2].

Таким образом, повтор представляет собой универсальное стилистическое явление. Повтор метрический – ударение, стопа, такт, строка, вступая в связи с языковыми структурами и ассиметрично преобразуясь в них, переходит в языковой уровень стиха, точнее ритмический, то есть представляет собой компромисс между метром и словом, результат их ассиметричного сочетания, дополняющий период, играющий большую роль в создании ритмики стихотворного текста.

«Пограничные стиховые повторы (словесные повторы в начале строки и рифмы), – указывает Н.О. Гучинская, – подчеркивают и выделяют метрический отрезок, строку, внутренние повторы, прежде всего, лексические и Синтаксические, выделяют слова и словесные группы на самой строке, подчеркивают их выразительность и, таким образом, продолжают ритмические сдвиги, происходящие из ассиметричного сочетания метра со словом» [3].

Таким образом, находясь на острие ритмического отрезка, повтор выступает как лексическая проекция ритма, его словесная материализация.

Проникает он во все языковые уровни текста – фонетический, лексический и синтаксический.

Мы в своем исследовании, как я уже отмечала выше, говорили о том, что лексический повтор, является основным повторяющимся слоем стиха, ибо в нем концентрируется смысл стихотворной речи, им создается ритмико-интонационное и семантическое единство периода. Лексические повторы изначально не несут в себе никакой специальной семантики. А тем более стилистической нагрузки, но, попадая в метрические отрезки, будучи выразителями их метрического содержания, то есть подчеркивая ритмические группы, выступая в начале строки или расчленяя внутреннюю структуру строки, они приобретают художественно-смысловую или стилистическую роль в тексте.

Посмотрим, как передаются повторы на русский язык при переводах поэтических форм речи, имеющих в подлиннике.

Возьмем для примера стихотворение Ф.Г.Лорки «Clamor»:

В пожухлом венке из лилий Por camino va

Смерть la muerte, coronada, устало бредет de azabares marchitos

И поет, И поет, – canta y canta Щиплет свою гитару, una cancion

Белую, словно лед, en su vihuela blanca и поет, и поет. Y canta y canta y canta.

Мы находим повторение слов «и поёт, и поёт» представляющее собой сочетание союза «и» и глагола в третьем лице, единственном числе «поёт». Таким образом, данное повторение слов мы можем рассматривать как контактный лексический повтор глагола, а применительно к поэтическому тексту это ещё и горизонтальный повтор по своей структуре.

В подлиннике мы находим контактный лексический повтор глагола «canta» и вертикальный фонетический повтор, причем здесь мы наблюдаем такое явление, что строка заканчивается, а следующая начинается с фактически близким по значению и звучанию словом, то есть здесь мы имеем композиционный стык. Употребление этого стихотворного приема даёт возможность Ф.Г. Лорке с необыкновенной силой подчеркнуть динамизм происходящих событий. Впечатление зловещего духа смерти, усиливается за счет использования повторяющегося сочинительного союза, сопровождающего лексический повтор, который служит созданию градации.

На наш взгляд, и в переводе П. Грушко наиболее правильно передано ритмико-синтаксическое значение повтора, используемого в нем. В таком случае, возникает вопрос: Чем вызвано однократное повторение глагола «поёт» в переводе, во второй строке в переводе в то время как в подлиннике он употреблен трижды?

По своей долготе испанский глагол «canta» соответствует русскому «поет» даже по количеству звуков – их 5. Следовательно, длина и звучание слова не явились причинами градационного ряда сокращения.

Здесь, на наш взгляд, мы встречаемся с явлением влияния фонетического повтора на лексический.

В испанском варианте стихотворения, во второй строке мы находим: «Santa y santa una canción», то есть лексический и словообразовательный повтор, а если рассмотреть это явление с точки зрения более низшего уровня языкового уровня – фонетического, то здесь, как мы уже отмечали, мы находим и фонетический повтор. Фонетический повтор не представляет сам собой самостоятельного явления в стихотворении, а осуществляется в повторе словесном или лексическом. Как явление более высокого уровня языка, по сравнению с звуковым, лексический повтор обязательно включает в себя и повтор фонетический. Что же касается последнего, то он, естественно, может существовать и сам по себе вне лексически повторяющихся слов.

Таким образом, наличие тройного фонетического повтора в подлиннике обусловило тройное употребление лексического элемента «santa» во второй строке.

В русском переводе незначительное смысловое изменение, а именно, пропуск в первой строке существительного «песню» исключает фонетический повтор и, как результат, – двойной лексический повтор во второй части периода. Необходимо отметить, что сделанные переводчиком изменения структуры и семантики подлинника, сыграли лишь положительную роль в оформлении, общей ритмико-синтаксической структуры перевода, сблизив его с оригиналом.

Лексические повторы выполняют важную смысловую роль: находясь, как правило, под ударением, т.е. на скрещении двух линий – словесной и метрической и имея, таким образом, два ударения – словесное и метрическое, усиленные повторением одного и того же слова, они выделяют, усиливают тот смысл, который в них заложен.

Довольно часто мы встречаем у Ф.Г. Лорки стихотворения, когда лексический повтор выступает в качестве лексико-грамматического единоначатия (анафоры), или же представляет поэтическую фигуру языка, именуемую композиционным стыком и становится единственным средством объединения частей стихотворения. То есть в данном случае налицо особая синтаксическая и композиционная роль повтора имеющихся слов и словосочетаний.

Так, например, в стихотворении "Debussy":

По тихой глади накала Mi sombra va silenciosa плывет моя тень куда-то.
por el agua de la acequia Разлучены моей тенью Por mi sombra estan las ranas
Звезды и лягушата. privadas de las estrellas. А тень возвращает телу La sombra
га manda a mi cuerpo Текущий отсвет предметов reflejos de las cosas quietas. А
тень – как-будто огромный Mi sombra va como inmenso.

Комар, чей свет фиолетов. Cinife color violeta. Сверчки в камышах стрекочут – Cien grillos quieren dorar вода золотою стала. la luz de la canavera. И свет в душе моей брезжит. Una luz nace en mi pecho, как зыбкий отсвет накала. reflejada, de la acequia.

Перед нами в силу особенностей повтора – стилистическая фигура «кольцо строфы». Первое и последнее двустроичие в подлиннике заканчива-

ется словом «asequia», а в переводе первая строчка и последняя – словом «накала».

Кроме этого, в подлиннике мы наблюдаем вертикальный, дистантный лексический повтор существительного «sombra» выступающий в данном стихотворении в качестве анафоры.

Аналогичную структуру стихотворения мы наблюдаем и в переводе, где в качестве анафоры выступает лексический, дистантный, вертикальный повтор существительного «тень».

Данный повтор, как в подлиннике, так и в переводе служит одним из средств связности и целостности текста.

Таким образом, одной из характерных особенностей использования повторов у Ф.Г. Лорки является распространенная употребительность повторов, представляющих собой повторение различных частей речи: существительных, глаголов, местоимений, союзов. В поэтических текстах распространено повторение имён существительных, причем по количеству повторяющихся элементов, такие повторы могут быть от трёх и более единиц.

Использование лексических повторов говорит о желании автора актуализировать внимание читателя на лексике, и, в конечном счете, на содержании своего произведения.

Список литературы:

1. Арнольд И.В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования» *Стилистика художественной речи*. – Л., 1980. – С. 9.
2. Гучинская Н.О. *Стилистика стихотворной речи*. – Л., 1981. – С. 26.
3. Жирмунский В.М.. О ритмической прозе. *Русская литература*. – М., 1966. – С. 100.
4. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – Изд. 2-ое переработанное. – М.: Изд-во литературы на ин. яз., 1953. – С. 255.
5. Розенталь Д.Э. *Словарь-справочник лингвистических терминов: учеб. пособ.* – М., 1985.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНТРАКТОВ

© Николаев В.П.¹

Филиал Северо-Кавказского федерального университет в г. Пятигорске,
г. Пятигорск

В статье рассматриваются вопросы специфики инвариантности перевода текстов внешнеэкономических контрактов с точки зрения экви-

---

¹ Доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент.

валентности и адекватности. Автор подчеркивает значение аутентичности перевода официального документа, если он составлен на нескольких языках, и должен иметь одинаковую юридическую силу с оригиналом. Автор приходит к выводу, что в случае возникновения несовпадений или разночтений предпочтение отдается юридическим формулировкам языка инициатора внешнеэкономической сделки.

Ключевые слова: межъязыковая коммуникация, внешнеэкономический контракт, инвариант, эквивалентность, адекватность, аутентичность перевода.

Как известно, перевод – это не только средство обеспечить возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках, но и взаимодействие языков, что отражается в нормах построения на ИЯ (Исходный Язык – source language) и ПЯ (Переводящий Язык – target language) и нормах перевода, т.е. совокупности требований, предъявляемых к качеству перевода. Анализ любого перевода, выполненного на высоком уровне мастерства, показывает, что «основа установления равноценности языковых средств может быть только функциональная, а не формальная» [7, 9]. Следовательно, задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться получателем перевода в функциональном, структурном и содержательном отношении. Целью перевода как одного из видов речевой коммуникации является трансформация структуры речевого произведения, в результате которой при сохранении плана содержания возможно изменение плана выражения. И это вполне закономерно, т.к. достаточно сложно бывает выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы [9]. В соответствии с жанрово-стилистической классификацией перевод официально-деловых текстов относится к информативно-функциональному виду, отличающемуся строгой последовательностью, четкой связью между основной идеей и деталями, точностью и объективностью и вытекающими из этих особенностей ясностью и понятностью. Причем у такого рода текстов обнаруживается преимущественное пользование специфических лексико-грамматических средств: специальной лексики и клише, которые способствуют их информативной содержательности. В области лексики – это, прежде всего использование коммерческой, экономической и юридической терминологии, причем в качестве терминов как смыслоформирующих текстовых единиц могут использоваться как слова, употребляемые почти исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общеупотребительных слов. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации, и в этом случае необходимо говорить об эквивалентности тек-

стов – исходного ИЯ и конечного ПЯ. Текст перевода – это речевое произведение на ПЯ, и для него обязательны правила нормы и узуса этого языка. Однако эти правила неодинаковы для всех случаев функционирования языка [3, 31-37]. При переводе текстов с жесткой структурой, к которым относятся контракты, коммерческая корреспонденция и документация, часто смешиваются понятия эквивалентность и адекватность. Адекватность – это, прежде всего, такое соотношение ИЯ и ПЯ, при котором последовательно учитывается цель перевода, а эквивалентность, в отличие от адекватности, ориентирована на результат. Иначе говоря, при замене текста на ИЯ текстом на ПЯ должен сохраняться какой-то инвариант, причем мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника [1, 8-12]. Эквивалентность содержания оригинала и перевода выступает в качестве основы их коммуникативной равноценности, предполагаемое наличие которой делает данный текст переводом. Обычно различают три вида эквивалентности: формальную, смысловую и ситуационную. А если исходить из уровней эквивалентности, то они включают в себя конфигурации языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит процесс перевода, и включают синтаксический, компонентный, референциальный и прагматический типы инвариантов. Категория эквивалентности охватывает отношения как между отдельными знаками (клише и терминами), так и между целыми текстами и указывает на то, что эквивалентность текстов не подразумевает эквивалентности всех их сегментов, но при этом сохраняется определенный инвариант. В тоже время при адекватном переводе, когда текст перевода полностью репрезентирует текст оригинала, эквивалентность представляет собой случай адекватности, что присуще «аутентичному переводу официального документа, имеющего одинаковую юридическую силу с оригиналом» [5, 253]. Перевод официально-деловых материалов, включающих в себя тексты соглашений, контрактов, договоров требует знания характерных особенностей их построения и передачи. Международные коммерческие договоры часто составляются в двух или более языковых вариантах, которые могут не совпадать по каким-то вопросам. Иногда стороны прямо устанавливают, какой из текстов должен иметь преимущество. Если все тексты имеют одинаковую силу, то возникает вопрос, как быть с возможными расхождениями в текстах. В статье 4.7 Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) как раз и говорится о лингвистических расхождениях: «Если договор составлен на двух или более языках, и каждый из его текстов имеет одинаковую силу, то в случае расхождения между текстами предпочтение отдается толкованию в соответствии с вариантом текста договора, который был составлен первоначально» [7, 108]. Данная статья не устанавливает твердого и жесткого правила, она лишь указывает на то, что предпочтение должно отдаваться тому варианту на том языке, на котором договор был первоначально составлен,

или, если он был первоначально составлен сразу на нескольких языках, то одному из этих языков.

Как разновидность письменного договора контракт имеет определенную структуру и содержание, которые вырабатывались на протяжении длительного времени в ходе развития и совершенствования международной коммерческой практики, для обеспечения которой контракт и был создан. В результате внешнеторговый контракт приобрел в определенной степени стандартный, унифицированный вид, в котором он применяется и в настоящее время. Структура внешнеторгового контракта (как и любого другого письменного договора) представляет собой расположенные в определенной последовательности друг за другом и пронумерованные контрактные условия (положения), каждое из которых – самостоятельный (отдельный) раздел, регулирующий конкретный вопрос, связанный с исполнением внешнеторговой сделки [8; 10]. Так, одна из заключительных статей контракта называется: «Действие контракта», куда входит положение о языке контракта и переписке по контракту. Данному положению составители контрактов внешнеторговой купли-продажи обычно уделяют мало внимания. Между тем его неудачное оформление может породить трудноразрешимые споры между сторонами договорного правоотношения. Дело в том, что точный перевод юридических терминов с одного языка на другой представляет определенные трудности, и между правовыми текстами, написанными на разных языках, всегда будет наличествовать определенное несоответствие. Переводчику следует помнить, что если в деловых текстах речь идет о юридических понятиях, то, как правило, они фиксированы, во всех словарях воспроизводятся в неизменном виде, и этот факт следует учитывать при переводе, и, следовательно, надо не предлагать свои версии и толкования, а использовать уже существующие штампы. Иначе перевод утратит документальный характер и не будет представлять собой строгий перевод договора (контракта). Необходимо, кроме того, учесть, что перевод иностранного правового текста предполагает знание не только иностранного языка, но также иностранного законодательства, причем часто в полном объеме, начиная с его исторических основ [4, 9-10; 11, 148-149]. Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1980 г. была разработана Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, с целью унификации условий заключаемых сделок международной купли-продажи, а также в связи с созданием единообразного регулирования заключения и исполнения договоров, позволяющего устранить существенные расхождения в национальном законодательстве [2]. В тексте контракта следует в первую очередь оговорить, на каком языке или языках он составлен, на каком языке или языках будет вестись переписка между сторонами, т.е. Продавцом и Покупателем по вопросам исполнения контракта. Если стороны с самого начала не оговаривают, на каком языке будет вестись переписка, то по обычаю, сложивше-

муса в практике международной торговли, языком переписки становится тот язык, на котором сделано предложение заключить сделку. То есть, если вы получили от иностранного физического лица оферту, написанную на английском языке, то именно на этом языке вы, соблюдая этикет международных коммерческих соглашений, должны ответить.

Обычно внешнеторговый контракт составляется как на языке Продавца, так и на языке Покупателя. При этом в нем специально оговаривается, что оба текста имеют одинаковую силу. Так, в заключительной статье Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров это дано в следующей формулировке:

«Article 101

DONE at Vienna, this day of eleventh day of April, one thousand nine hundred and eighty, in a single original, of which the Arabic, Chinese, English, French, Russian and Spanish texts are equally authentic.

Статья 101

СОВЕРШЕНО в Вене одиннадцатого апреля тысяча девятьсот восьмидесятого года в единственном экземпляре, тексты которого на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными».

В общем виде вся положение о языке контракта может выглядеть следующим образом:

«Настоящий контракт составлен на _____ языках».

«Вся переписка по поводу настоящего контракта ведется на _____ языках».

«В случае возникновения разночтений или каких-либо несовпадений в смысловом содержании терминов преимуществом обладает текст настоящего контракта, написанный на _____ языке».

При необходимости в текст рассматриваемой статьи может быть внесен также следующий пункт:

«Официальные документы, связанные с контрактом, его действием и исполнением, считаются действительными на языке, на котором они изданы, а перевод на _____ язык, в случае необходимости, делает сторона, которая использует документ».

В качестве примеров приведем несколько вариантов статьи о действии языка контракта [8, 377-386]:

1. Настоящий Контракт составлен на 2 языках – русском и английском, в двух подлинных экземплярах, имеющих равную юридическую силу, по одному экземпляру для каждой стороны.

The present Contract is drawn in English and in Russian in duplicate, valid equally, a copy for either of the Parties.

2. Настоящий Контракт составлен на английском и русском языках, и оба текста имеют одинаковую силу.

This Contract is made out in two languages English and Russian and both the texts are authentic.

3. Настоящий договор составлен в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

The present Contract is done in two copies, each in Russian and English, both texts being equally authentic.

4. Контракт подписан в двух оригиналах, на английском и русском языках, один – для Продавца, другой – для Покупателя.

This Contract is signed in two originals in English and in Russian, one, for the Sellers, and the other one, for the Buyers.

5. Переписка, связанная с выполнением настоящего Контракта, будет вестись на английском или русском языке.

All correspondence, connected with the fulfillment of the Contract, shall be in English or Russian languages.

Однако нередко возникают ситуации, когда языком контракта целесообразно избрать не языки Продавца и Покупателя, а какой-то третий язык. Практика международной торговли показывает, что многие контракты (например, между азиатскими и арабскими предприятиями) составляются на английском языке. Наконец, стороны по обоюдному согласию могут выбрать в качестве языка контракта и корреспонденции язык Продавца или Покупателя. Четкое обозначение языка контракта и переписки по его поводу важно помимо прочего еще и потому, что тем самым обозначается язык возможного арбитражного разбирательства спора между сторонами.

Заклячая внешнеторговую сделку, естественно надо стремиться к тому, чтобы контракт был составлен на вашем языке, во всяком случае, на том, которым вы в полной мере владеете. Однако, если по желанию вашего партнера контракт составляется на двух языках – его и вашем – то можно в тексте рассматриваемой статьи сделать оговорку о том, что в случае возникновения несовпадений или разночтений предпочтение отдается (или будет считаться правильным) тексту контракта, составленному на вашем языке.

Список литературы:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Изд-во «Международные отношения», 1975. – 239 с.

2. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: Комментарий. Публикации МТП. – М.: Изд-во «Консалтбанкир», 2004.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

4. Контрактное право. Мировая практика. Собрание документов в 3-х томах (Том 1. Сделки). – М.: Изд-во «Имидж», 2002. – 397 с.

5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Изд-во «Наука», 2003. – 318 с.

6. Принципы международных коммерческих договоров. – М.: Изд-во «Международные отношения», 2003. – 288 с.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Изд-во «Международные отношения», 2007. – 216 с.
8. Феонова Л.А. Контракты с английскими, французскими, немецкими ... фирмами. – М.: Изд-во «ПРИОР», 1999. – 416 с.
9. Чужакин. А. Общая теория перевода и переводческой скорописи. Мир Перевода – 7. – М.: Изд-во «Р.Валент», 2002. – 158 с.
10. Brian A. Blum CONTRACTS Examples and Explanations, Third edition. Aspen Publishers, Ney York, 2004. – 769 p.
11. Russel, Frances, Locke, Christine. English Law and Language. Prentice Hall International, 1995. – 300 p.

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТИХОТВОРНОЙ СКАЗКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© Полонская А.Б.¹, Локтионова К.В.²

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону

Данная статья посвящена особенностям перевода английской литературной стихотворной сказки на русский язык и способам достижения эквивалентности. Выявляются основные проблемы перевода таких произведений, анализируются переводческие трансформации, используемые для трансляции стилистических и тематических особенностей при передаче с английского на русский язык.

Ключевые слова: художественный перевод, способы достижения эквивалентности лексические и грамматические трансформации.

В настоящее время на фоне возрастающего внимания к проблемам национальных культур наблюдается усиление исследовательского интереса к детской литературе, и в особенности к жанру сказки. Изучению литературной сказки посвящено немало научных работ (например, В.А. Бегака, Т.Г. Леоновой, М.Н. Липовецкого, М.М. Мещеряковой и др.), в которых, однако, не уделяется достаточное внимание рассмотрению произведений данного жанра в контексте перевода. Настоящая работа посвящена анализу особенностей трансляции литературной стихотворной сказки с английского на русский язык.

---

¹ Ассистент кафедры Лингвистики и МКК.

² Ассистент кафедры Иностранных языков для экономических специальностей.

Согласно определению Л.Ю. Брауде, литературная сказка представляет собой «авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение, преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [Брауде, 1979].

В качестве материала для настоящей статьи была выбрана литературная стихотворная сказка для детей английской писательницы Джулии Дональдсон (с иллюстрациями Акселя Шеффлера) «Груффало». Данное произведение получило большую популярность как на родине автора, в Великобритании, так и по всему миру, оно переведено на несколько десятков языков, удостоено многочисленных наград.

Литературная сказка обладает некоторыми особенностями сюжетно-композиционной структуры, которые должны учитываться при переводе. К таким особенностям относятся: замкнутость и устойчивость формы, движение сюжета в условиях времени и пространства, специфика которых определяется наличием «чудесного», неожиданность сюжетных ситуаций и поворотов, повторяемость однородных действий [Зворыгина, 2012]. Кроме того, исследуемое произведение написано в стихотворной форме, что обуславливает дополнительную сложность перевода.

В исследовании К.В. Кулеминой, посвященном эквивалентности и адекватности в переводах поэтических текстов, определяются основные параметры анализа переводных стихотворных произведений: 1) структурное соответствие; 2) семантическое соответствие; 3) информационное соответствие в когнитивном аспекте; 4) прагматическое соответствие [Кулемина, 2006].

В структурное соответствие включаются ритм, как структурная основа стиха, метр, и рифма, как явление ритма. В связи с тем, что рифма определяется как звуковой повтор, в структурный уровень включается соответствие на фонетическом уровне. При этом подчеркивается, что строго эквивалентный перевод на структурном уровне невозможен, в связи с тем, что авторские системы аллитераций, ассонансов и рифм создают особый звуковой эффект каждого стихотворения. Так как фонетическая система английского и русского языков различна, достижение сходства на фонетическом уровне при переводе представляется крайне тяжелой задачей, однако особое звуковое наполнение придает характерный ритм стихотворению и переводчику необходимо его передать [Кулемина, 2006].

В исследуемом произведении имеет место смешанный размер. Основной размер оригинала – амфибрахий, который при описании главного героя сменяется анапестом. Воспроизвести ритмику оригинала в переводном тек-

сте не удастся: основным размером в русском варианте сказки является ямб, а для изменения ритма используются строки с меньшим количеством стоп. Приведем пример:

A mouse took a stroll through the deep dark wood.

A fox saw the mouse and the mouse looked good.

Гулял мышонок по лесу, и вдруг лиса бежит,

А у лисы, как водится, хороший аппетит.

На семантическом уровне выделяются два вида эквивалентности: компонентный и денотативный. Семантическая эквивалентность обнаруживается, когда в текстах исходного языка и языка перевода присутствуют одни и те же семы. При этом формальные языковые средства, используемые для выражения идентичных сем в контактирующих языках, могут быть сходными или существенно различаться [Кулемина, 2006].

Так, в следующем примере переводчик выбирает максимально полные лексические соответствия при переводе описания одного из главных героев (*tusks* – *клыки*, *claws* – *когти*, *teeth* – *зубы*, *jaws* – *пасть*). При этом лексический повтор оригинала (использование прилагательного *terrible* перед каждым существительным предложения для достижения максимального эмоционального эффекта) в переводном тексте сохранить не удалось, и переводчик использует приемы опущения (в первых двух случаях) и лексической замены со стилистической компенсацией (*преогромнейшая*, *не счесть*):

A gruffalo! Why, didn't you know?

He has terrible tusks, and terrible claws,

and terrible teeth in his terrible jaws.

– О, это очень крупный зверь, я с ним давно знаком:

Есть у него клыки, и когти тоже есть,

И преогромнейшая пасть, а в ней зубов не счесть.

Денотативная семантическая эквивалентность обусловлена явлением языковой избирательности. Она заключается в том, что одно и то же явление окружающей действительности может быть описано с помощью разных признаков. На уровне денотативной эквивалентности наблюдается семантическое расхождение между текстами оригинала и перевода. Эквивалентность в этом случае достигается за счет использования разных семантических компонентов, относящихся к одной и той же предметной ситуации [Кулемина, 2006].

Например, в отрывке, приведенном ниже, денотативная эквивалентность наблюдается при передаче предложения “*his favourite food is roasted fox*”. Главный герой исследуемой сказки, Мышонок, произносит эту фразу в разговоре с Лисой, которую он стремится напугать. Причастие *roasted* в данном случае используется для того, чтобы подчеркнуть, что вымышленный друг Мышонка, Груффало, с удовольствием лакомится лисами. С аналогичной целью в переводе в результате применения приема компенсации используется словосочетание «с приправой из петрушки»:

Where are you meeting him?

Here, by these rocks,

*and his favourite food is **roasted fox**.*

Roasted fox!! I'm off!! Fox said

"Goodbye, little mouse," and away he sped.

– И где же вы встречаетесь? – Да вон у той горушки.

Он, кстати, очень любит лис. **С приправой из петрушки.**

– **С приправой, говоришь?** Ну, мне пора домой.

Прощай, мышонок! – и лиса нырнула в лес густой.

Для достижения эквивалентности на семантическом уровне требуются разнообразные переводческие трансформации. На уровне компонентной эквивалентности в основном используются преобразования, затрагивающие грамматическую структуру высказывания. Достижение денотативной эквивалентности требует от переводчика более сложных лексико-грамматических трансформаций, преобразовывающих не только грамматическую, но и синтаксическую структуру высказывания [Кулемина, 2006].

В примере ниже мы наблюдаем сочетание обоих уровней семантической эквивалентности. Компонентная эквивалентность перевода достигается за счет опущения и субстантивации прилагательного (*little brown mouse* – *маленький*), а также благодаря приему конкретизации (*underground house* – *нора*). В результате комплексного преобразования исследуемый отрывок текста перевода становится денотативно эквивалентен оригиналу. Так, в английской версии сказки Лиса приглашает Мышонка на ланч, а в русской – на завтрак. Однако основной смысл при этом остается неизменным: Лиса зовет Мышонка к себе домой, чтобы съесть его там.

*Where are you going to, **little brown mouse**?*

*Come and **have lunch** in my **underground house**.*

It's terribly kind of you, Fox, but no –

*I'm going to have **lunch** with a gruffalo.*

– Пойдём со мною, **маленький**, в **нору** ко мне пойдём,

Мы сможем там отлично **позавтракать** вдвоём.

– Простите, тётушка Лиса, – мышонок пропихал, –

Я завтракаю с Груффало: я твёрдо обещал.

В результате анализа установлено, что достичь полного семантического соответствия при переводе стихотворных сказочных произведений практически невозможно. Поэтому в процессе передачи таких текстов необходимо использовать переводческие трансформации, при этом наиболее часто наблюдается использование лексико-семантических трансформаций. Это иллюстрирует отрывок, приведенный ниже. В данном примере представлен целый ряд как лексических, так и грамматических трансформаций: генерализация (*a gruffalo* – *очень крупный зверь*), модуляция (*Why, didn't you know?* – *я с ним давно знаком*), связка генерализация-эмфатизация, опущение и ком-

пенсации (*knobbly knees* – *ножищи, как столбы*, *turned-out toes* – *на них когтищи в ряд*), а также членение предложений.

A gruffalo! Why, didn't you know?

*He has knobbly knees, and turned-out toes,
and a poisonous wart at the end of his nose.*

– *О, это очень крупный зверь, я с ним давно знаком:*

Ножщи, как столбы! На них когтищи в ряд!

И бородавка на носу, а в бородавке – яд!

Являясь самостоятельным литературным произведением, сказка содержит определенную информацию, которую автор стремится сообщить читателям. Эта информация может быть смысловой и эстетической. Главная цель переводчика – сохранить целостную информационную наполненность произведения. При переводе литературной стихотворной сказки «Груффало» были произведены трансформации, неизбежные при работе с поэтическим текстом, однако в целом смысловая информация была сохранена. Например, при передаче следующего отрывка на русский язык были использованы такие трансформации, как членение предложений, опущение (*old, thing*), добавление (*я выдумал его*), генерализация (*не знает ничего*). Вместе с тем, с когнитивной точки зрения, исследуемые образцы текстов информационно соответствуют друг другу:

Silly old Fox! Doesn't he know

there's no such thing as a gruffalo?

– *Ха, глупая лиса! Не знает ничего!*

Нет никакого груффало, я выдумал его.

Вербальные средства оформления эстетической информации представляют собой сложную систему, основной задачей которой является передача читателю чувства прекрасного. Для этого могут применяться разнообразные стилистические средства, зависящие только от творческой индивидуальности автора произведения [Кулемина, 2006]. В процессе перевода некоторые из этих средств могут быть опущены или компенсированы другими. Приведем пример, в котором в тексте оригинала встречаются такие стилистические средства, как языковая метафора (*my tummy's beginning to rumble*), повтор (*gruffalo crumble*), сравнение (*quick as the wind*). При переводе был использован прием деметафоризации (*я проголодался*), компенсации, которая, однако, осталась элементом лексического повтора (*с орешками внутри*), опущения и добавления, а также идиоматизации в качестве компенсаторного элемента при опущении сравнительного оборота (*quick as the wind* – *нужелся наутёк*).

But now my tummy's beginning to rumble.

My favourite food is – gruffalo crumble!

*Gruffalo crumble! the Gruffalo said,
and quick as the wind he turned and fled.*

*Но я проголодался... Эх, что ни говори,
Всего вкуснее груффало с орешками внутри!
– С орешками внутри? Да это страшный сон!
И зверь пустился наутёк, и в чаще скрылся он.*

Переводя текст на иностранный язык, переводчик учитывает внеязыковую реакцию получателя, его социокультурные, психологические и другие особенности. Прагматическое содержание высказывания, определяемое отношением между языковым выражением и участниками коммуникативного акта, становится важнейшим компонентом с точки зрения адекватности перевода [Кулемина, 2006]. Таким образом, оригинальный текст подвергается трансформациям с целью вызвать необходимую реакцию от получателя перевода, при этом возникают некоторые смысловые потери. Рассмотренный выше отрывок содержит пример подобной адаптации текста – английская реалия *crumble* (быстрый пирог из фруктов, покрытых крошкой из песочного теста), которая может быть неизвестна русскоязычному читателю, была заменена словосочетанием «с орешками внутри». Кроме того, в тексте перевода, в отличие от оригинала, присутствует большое количество диминутивов (*мышонок, тётушка, бабушка, ручеек* и т.д.), так как переводчик учитывал, что основными получателями исследуемого текста являются дети дошкольного возраста.

Таким образом, при трансляции литературной стихотворной сказки с английского на русский язык используется большое количество переводческих трансформаций. Наиболее часто применяются лексические и грамматические замены, а также прием компенсации. Использование таких средств позволяет переводчику достичь наибольшей эквивалентности и создать на языке перевода произведение, максимально близкое к оригиналу.

Список литературы:

1. Брауде Л.Ю. Современная литературная сказка // Брауде Л.Ю. Скандинавская литературная сказка. – М.: Наука, 1979. – С. 170.
2. Викторова Н.А. Английская литературная сказка эпохи постмодернизма: автореф. ... к. филол. н. – Казань, 2011.
3. Гасанова Д.С. Лингвокультурологические и структурно-семантические особенности языка сказки (на материале лезгинского, русского и английского языков): автореф. ... к. филол. н. – Махачкала, 2013.
4. Дональдсон Дж. Груффало: Стихи / Джулия Дональдсон; худож. Аксель Шеффлер; пер. с англ. М. Бородинской. – М.: Машины Творения, 2015. – 34 с.
5. Ерофеева Н.Е., Пасечная И.Н. Творчество К. Грэхема. Взрослый взгляд на детскую литературу: монография. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2012.
6. Зворыгина О.И. Русская литературная сказка: речевые параметры жанра: дисс. ... доктора филол. н. – Екатеринбург, 2012.

7. Кулемина К.В. Эквивалентность и адекватность в переводах поэтических текстов: автореф. ... к. филол. н. – Пятигорск, 2006.

8. Donaldson Julia. The Gruffalo. – Macmillan Children's Books, 1999. – 32 p.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ (МЕДИЦИНА ТЕРМИНДЕРІН АУДАРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ)

© Сейдикенова А.С.¹, Кемелбекова З.А.¹

Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Республика Казахстан, г. Алматы

В статье рассматривается проблемы перевода медицинских текстов с английского на казахский язык.

Ключевые слова: перевод, переводчик, термин, компетенция.

Жалпы аударма өзінің мағыналық ауқымы жағынан мейлінше кең. Аударма теориясының негізін салушы Л.С. Бархударов аударманы: « бір тілдегі тілдік шығарманы басқа тілдегі тілдік шығармаға мазмұнын яғни мағынасын сақтай отырып қайта жасау процесі деген [1, 37]. Ал О.С. Ахманованың айтуынша, аударма – осы сөйлеу шығармасында берілген ақпаратты басқа тілдің құралдарымен беру [2, 23]. Колшанский Г.В. “аударма қарым қатынас әрекетінің ең маңызды түрі ретінде ең алдымен тілдік, әлеуметтік және мәдени жоспар жиынтығынан тұратын түпнұсқа тілді толық және барабар беруге бағытталады деген [3,7]. Өз кезегінде А.В. Феодорова:” Аудару басқа тілдің құралдарымен бұрын берілгенді бір тілдің құралдарымен толық және дұрыс жеткізу деген сөз дейді [4, 10].

Аударма ең алдымен, мақсатқа бағытталған әрекет, яғни белгілі мақсат үшін жүзеге асырылатын әрекет. Аударманың екі мағынасы бар. Бірінші мағынасы ауызша және жазбаша түрде жазылған мәтін, ол аудармашы әрекетінің өнімі. Басқа мағынасында аударма сөзі осы өнімді жасау процесі яғни мәтінді жасайтын аудармашының әрекеті. Аударма қандай жағдайда қажет деген сұраққа жауап берер болсақ. Қарым-қатынасқа түскісі келген адамдар тілдік кедергіге ұшырайды, яғни лингвоэтникалық ол тек ортақ тілдің жоқтығы ғана емес, сондай ақ этнос ұғымымен байланыстыратын мәдениет пен ұлттық психологиядағы айырмашылықтар, басқа елдің қазіргі өмірінен жеткілікті ақпараты болмауымен түсіндіріледі [5, 17].

Аударманың медициналық жанры аудармашының түпнұсқа мәтінді жүз пайыз түсінуін, анықтама сөздікпен жұмыс істеуді қажет етеді. Мұнда қиялдауға, бал ашуға болмайды. Өйткені медициналық диагнозбен берілген ем

¹ Старший преподаватель кафедры Профессиональной иноязычной коммуникации и переводческого дела Института полиязычного образования, к.ф.н.

аударманың дәлдігіне байланысты. Осы түрдегі аударманың бір плюсі қағаз және электронды сөздіктердің көп болуы және интернетте медицинаның барлық саласы бойынша ақпараттың көптігі. Аудармашы медициналық мәтіндермен жұмыс істегенде тек сөздіктермен шектелмей дәрігер кеңесшінің көмегіне де жүгінгені жөн. Сондай-ақ, біліктілігін арттыру мақсатында әртүрлі медицина тақырыбындағы ағылшынша семинар тренингтерге қатысып тұрғаны дұрыс. Соның нәтижесінде терминдердің қалай қолданылатынын толық түсіне алады. Фармацевтикалық бизнес өте табысты іс болғандықтан, дәрі өндіруші фирмалар дәрілік заттардың аудармасының нақты, дәл аударылуына назар аударады және ол үшін қанша қымбат болса да ақсын төлеуге даяр [6, 27].

Медицина – адамның әртүрлі әрекеті мен ғылымдар биология, химия байланысқан білімдердің жиынтығы. Осыған байланысты медицинаның әртүрлі салаларында (педиатрия, хирургия, сәулелік диагностикада, стоматология, фармакология және т.б.) жалпы медициналық терминдерден басқа тар мағынадағы терминдерде кездеседі (*officinal formula – ресми дәрілік препарат, T1-weighted image – T1-ілінген сурет*). Сонымен қатар, *әртүрлі контексте* мағынасы айрықшалануы мүмкін (*marrow – спинной мозг (мж. spinal marrow), костный мозг (мж. bone marrow); test solution – сыналатын ерімді*).

Медициналық терминдердің көпшілігі латын, грек және араб тілінен келген ол медицина тарихымен байланысты. Дәрігерлер аз болды, ғылымда белгілі аурулар, дәрілік препараттарда аз болды. Олардың бәріне латын тіліндегі атаулар берілді. 95 % жазба құжат латын тілінде толтырылды. Латын ішкі тіл болды тек дәрігер провизорлардан басқа адамдар, медициналық құжаттарды оқымады. (көбінесе сауатсыздықпен қабілетсіздікке байланысты). Ұзақ уақыт бойы латын тілі дүние жүзіндегі дәрігерлердің қарым-қатынас тілі қызметін атқарды. Медицина халыққа жақын болған кезде, латын халықаралық мәртебесін жоғалтты, соған қарамастан, көп терминдер халықаралық сипатын жоғалтпады. Олардың мағынасы түпнұсқада және аудармада айырмашылығы барын есте сақтау қажет. Бірақ қазіргі медицинада дәрігерлер латынды жақсы білмегендіктен медициналық құжаттарды ол тілде жаза алмайды. Қазір латын тілінде дәрінің атауы мен дозасын көрсетеді. (кез келген препаратқа латын тіліндегі атауы түпнұсқа атауымен бірге беріледі). Дәрігер диагноз және басқа мәліметтерді ережеге сәйкес ана тілінде жазады.

Қазіргі кезде аударманың бірнеше түрі бар, соның ішінде медициналық аударма техникалық аударманың ерекше саласына жатады және пәнді кәсіби деңгейде білуді қажет етеді. Медициналық терминдерді ағылшын тілінен қазақ, орыс тіліне аударатын мамандардың алдында бірнеше мәселе туындайды соның бірі “термин мәселесі”. Медицинаның кез келген саласында өзіндік терминологиялық базасы бар, ол арнайы материалдарды мамандардың жұмысы жасайды. Мұнда осы салада жалпы қолданыстағы терминдер

және арнайы бір ұжымға тән арнай лексика бар. Медициналық терминдер орыс, қазақ тіліне аударуды қажет етеді, ал ағылшын тіліндегі медициналық терминдерді аудару дәрігердің міндеті немесе сөздікпен жұмыс жасайтын адамның міндеті. Электронды және қағаз сөздіктер тірі тілдің өсуін қуып жете алмайды. Медициналық терминдердің тілі мен құрылымы өзгермелі. Медицинада күнделікті өзгерістер болып тұрады яғни жаңалықтар ашылады, жаңа дәрілер пайда болады, емдеу әдістері, құрал жабдықтар, сондықтан медициналық терминдер үнемі аударуды қажет етеді. Сөздіктер барлық терминді аударуға үнемі көмектесе алмайды. Заманауи медициналық терминологияларды ағылшын тілінде меңгеру үшін ғылым жаңалықтарымен медициналық материалдарды аудару тәжірибесін жинақтау үшін үнемі танысып отыру қажет. Ағылшын тілін еркін білетін дәрігердің өзіне сауатты аударма жасау кей жағдайда ең қиын міндет.

Медициналық терминдер негіздерінің бастауын Гипократтан және Клавдий Галеннен алған (V-VI ғғ.) грек терминдері, сонымен қатар латын терминдері Авель Корнелия Цельс (III-II ғғ) құрайды. XX ғасырдың басына дейін жаңа медициналық терминдер грек, латын негізінде жасалды. Тек соңғы он жылдықта медициналық терминологияға қазіргі еуропалық тілдерден алынған терминдер ене бастады.

Грек терминдері латын тілінің әсеріне ұшырады, олар транскрипцияға, екпінге және жалғауларға әсер етті. Ағылшын тіліндегі терминдерде латынша жазылуы 40 % сақталды. Медициналық терминдердің біразы латын тіліне грек тілінен енген. Грек және латын тілінен енген келесі сөздер медициналық терминдердің құрамдас бөлігі болып табылады.

- able – жарамды, operable – операцияға жарамды.
- acid – қышқыл, acidproof – қышқылға тұрақты.
- actino – сәулелік, actionometry / радиацияның көлемін өлшеу.
- adip – майлы, май, adipectomy – май тінін алып тастау.
- aera – aeration – әуелік, ауа енгізу, газдау.
- amyl – крахмал, amylogenesis – крахмал жиналуы.
- angio – тамыр, angiopathy – тамыр ауруы.
- ante – алды, antenatal – босануға дейін.
- bathy – терең, bathycardia – жүректің төмен орналасуы.
- cephal – бас, cephalalgia, бас ауруы.
- chol (e). – өт, cholecystitis – өт қабының козуы.
- circum – айналасында, circumocular – айналасында орналасқан.
- costo – қабырға, costalgia – қабырға айналасындағы ауру.
- cranio – бас сүйегі, cranioplasty – бас сүйегіне ота жасау [7, 19].

Ағылшын тілінің сөздік қоры әсіресе ғылыми лексикада латын тілінен енген кірме сөздерден тұрады. Латын тілі арқылы грек тілінің кірме сөздері де ағылшын тіліне енген. Ағылшын тіліндегі медициналық мәтіннен ақпаратты алу Л.В. Щерба, И.В. Рахманов және И.М. Берманның дифференциалды әдісіне сәйкес жүргізілуі тиіс [8, 10].

Ағылшын, орыс, қазақ тіліндегі медициналық сөздік қорын салғастыру туыстық жағынан ұқсас сөздерді анықтауға мүмкіндік береді. Ағылшын, латын және орыс тіліндегі құбылыстарды салғастыру шартты түрде екі топқа бөлінуі мүмкін:

а. Жалпы ғылыми лексика, б. тар медициналық лексика. Алдымен жалпы ғылыми лексикаға тән сөздерді қарастырып көрейік:

Intro, introduce, енгізу, intromission, жіберу.

Non – не, non-malignant – зарарсыз, non-vascular, тамырсыз.

Per – про, perforation, прободение – тесілу, жарылу.

Pre – про, precancerous – обыр алды, prenatal, босану алды.

Pro – про, proportion – пропорция, protect, сақтандыру.

Re – от, reflection – көрінісі, reduce – қалпына келтіру, renew, қайта жаңарту.

Re – пере, regeneration – қалпына келтіру, review, қайта қарастыру.

Sub-sup – под, sublingual – тіл асты, support, көтермелеу, сүйемелдеу.

Super – пере, supersaturation-пересыщение, supernatural, табиғидан жоғары.

Trans – пере, transfusion, құю [9, 27].

Терминдер медициналық мәтіндерде үлкен мәнге ие. Терминдердің дамуы әртүрлі жолмен дамиды. Кейде сөз жалпы сөздіктен шығып терминге айналады немесе қарапайым сөзге тән ерекшеліктерді сақтап термин боп қалады.

Медициналық терминдердің көбісі латын және грек тілдерінен енгендіктен латын тілінде сөзжасайтын элементтерді қарастыру және сөздің негізгі құраушыларын анықтау қажет.

Латын тіліндегі сөздердің көбісі фармакология және анатомияға тән, ал грек тіліндегі сөздер паталогиялық процестерге тән. Мысалы, glandilemma – латын тіліндегі темір gland ағзаның бір бөлігі темірдің капсуласы, ал adenoma түбірі грек тілінен aden – темір, ауру, темір обыры.

Алғаш рет оқу мақсатында медициналық лексиканың түбір сөздерін 1958 жылы америка профессоры, гастроэнтеролог Л.Перкель зерттеген. Алайда ол сөз жасаушы элементтердің қолданылуына статистикалық талдаусыз іріктеген. 1965 жылы А.М. Шпак қысқаша және толық медициналық сөздіктерді салыстыру арқылы осы тізімді түбірлермен толықтырған. Соңында бірнеше медициналық терминге кіретін үш жүз терминэлемент анықталған [10, 9].

Перкель Л. мен Шпактың А.М. терминэлементтеріне сүйене отырып, Аблама С.Б. терминдердің қоданысына қайта тексеру жүргізген. Терминдердің сөз тіркесіндегі анықтауыш компоненті сөз тобымен берілуі мүмкін. Сын есім, сын есім немесе зат есім. – high colonic irrigation-жоғары клизма, зат есім, зат есім немесе есімше – red blood cell – қызыл қан жасушасы, bed-wetting disease – түнде зәрді ұстай алмай, brest-fed-baby – емізілетін бала, drop by drop administration – дәрілік затты тамшылатып енгізу тәсілі.

Терминді сөз тіркестерінің анықтаушы компоненті әдетте мыналарды көрсетеді:

1. Заттың тағайындалуын немесе, құрылғының, үдерістің қызметін көрсетеді: *medical preparations* – дәрілік түрі, *visiting nurse* – патронаждағы медбике.

2. Аурудың мәні немесе емдеудің түрі – *collapse therapy* – коллапс-терапия, *collagen disease* – коллагеноз.

3. Формасы, түрі немесе процесі – *semilunar valve* – жүректің жарты айлы клапаны, *cardiac failure* – жүрек ақауы.

4. Жағдайы немес материалы / *enamel column* – тістің эмаль қабаты, *gland cell* – темірлі жасуша.

5. Құрылу принципі – *girdle anaesthesia* – бел анестезиясы, *endotherm knife* – электр пышақ.

6. Заттың қасиеті – *irreversible reaction* – қайтарылмайтын реакция, *un-finished cough* – ауыз доғасының невризміндегі жөтел.

Өрекетті бағыттау: *lienal complication* көк бауыр тарапынан асқину, *back pressure* – қысымның қайтуы [11, 2].

Көпкомпонентті терминді аудару кезінде негізінен соңғы компоненттен бастау керек. Содан кейін әр сөзді оңнан солға қарай жеке аударуға көшу қажет. Мысалы: *tablet compression machine* – таблеткаларды пішінге келтіруге арналған машина. Мұндай терминдерді орыс және қазақ тіліне аудару кезінде әртүрлі тәсілдерді пайдалануға болады. Мысалы: калькалау. *Maternal cell* – аналық жасуша, *middle ear deafness* – ортаңғы құлақтың естімеуі, *glucose-agar tube* – қант ағарымен сынама, *physical therapy technician* – емдеу жөніндегі медбике, *one-two-three enema* – күкірт қышқылы магнезиясының бір бөлігіндегі клизма, глицининнің екі бөлігінен, судың үш бөлігінен тұрады. Қайта құрастырылған терминдер әдетте ұзақ уақыт қолданылмаса, заңдастырылмаса ұмытылып, жойылып кетеді. Жаңа терминді түсіну үшін белгілі сөз жасаушы элементтердің негізінде қалай жасалады соны көре білу қажет.

Медицина терминдерін аудару жазбаша аударманың ең қиын түрі. Өйткені нақты дәлдікті, медицина саласына сәйкес дұрыс терминологияны қолдануды қажет етеді. Медициналық мәтіндерді аудару қажеттілігі шетелдік дәрі өндіруші компаниялармен тығыз байланыстың артуына байланысты пайда болды. Сапалы медициналық аударма мақсатқа жетудегі қажетті шарт.

Медициналық мәтіндерге: медициналық анықтамалар, медициналық құралдар, ауру тарихы, дәрілік затты қолдану жөніндегі нұсқаулықтар, ауру белгілерін сипаттау жатады.

Медициналық терминология әртүрлі мамандық дәрігерлерінің қарым – қатынас жасайтын тілі. Медициналық терминологияда мамандардың көпшілігі қабылдаған, бәріне түсінікті құбылыстың мәнін түсіндіретін анықтамаларды қабылдауға болады. Құбылыстың мағыналық мәні медицинада ол

жалпы терминмен белгіленген кезде жалпы қолданысқа енеді. Тіл білім беру кезеңінде үлкен мәнге ие болады. Арнайы білімдермен дағдыларды игеру таңдаған мамандықтың тілін білмей жүзеге аспайды. Мұның бәрі дәрігердің тұлғалық қалыптасуына, ғылыми қызметкер және кәсіби маман болуына әсер етеді. Дәрігер маманның медициналық эрудициясын қалыптастыру қажет. Яғни кез келген бейінде жан жақты терең танымы болуы. Атақты дәрігерлер үнемі медициналық эрудициясы, тілдік құзіреттілігі және сөйлеу мәдениетімен ерекшеленген.

Дәрігердің сөйлеу мәдениеті науқастың тез жазылуына үлкен көмек болған. Дәрігер латын тіліндегі терминдерді қазақша немесе орысша түсіндіргенде өте сақ болуы қажет.

Медициналық қорытындылар мен құжаттары аударғанда ылғида тілдік клишелердің қатаң шегі сақталады. Аудармадағы дәлсіздіктің күрделі салдары қиын болуы мүмкін. Дәрігердің рецептісін дұрыс аудармау науқастың денсаулығына әсер етуі мүмкін. Ал қателік дәрілердің нұсқаулықтарда кеткен жағдайда бірнеше науқас зардап шегуі мүмкін. Өйткені дәрігердің жазып берген емі нұсқаулықта дұрыс аударылмағандықтан денсаулыққа зиян әкелуі мүмкін.

Медициналық аудармашының екі жүгі бар ол тек тілді білу, медицинадан танымы болуы ғана емес, сондай ақ жеке тұлғалық қасиеттері болуы тиіс. Ол еңбеккор, мұқият және жауапкершілігі жоғары болуы керек. Мұндай мамандарды кездестіру өте сирек. Мықты аудармашы шет тілінде де және ана тіліндеде еркін түсіндіре алады. Ол түпнұсқаның нақты мазмұнын айқын бере алады. Рецептте жіберілген қате науқастың өміріне қауіп әкелуі мүмкін. Егер жас аудармашы сөздіктің көмегімен ғана аударатын болса, нәтижесінде қауіпті және қате аударма шығады. Медицина терминдерінің тілі өте күрделі және жаргонға ұқсайды. Оны тек маман ғана түсіне алады. Сондықтан сөздіктен дәрігерлердің қолданатын терминдерінің бәрін табу мүмкін емес. Бұдан шығатын қорытынды аударма жасағанда дәрігер сарапшылардың кеңесіне жүгінген жөн.

Аудармашының медициналық білімі болмаған жағдайда басқа дәрігерлермен қатынаста болуы қажет. Медициналық аудармашының екі жүгі бар ол тек тілді білу, медицинадан танымы болуы ғана емес, сондай ақ жеке тұлғалық қасиеттері болуы тиіс. Ол еңбеккор, мұқият және жауапкершілігі жоғары болуы керек. Мұндай мамандарды кездестіру өте сирек. Мықты аудармашы шет тілінде де және ана тіліндеде еркін түсіндіре алады. Ол түпнұсқаның нақты мазмұнын айқын бере алады. Сондай-ақ медицинаның бірнеше саласы бар екенін ескерсек, аудармашының барлық саладағы аударманы жасай алуы мүмкін емес.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Межд. отношения, 1975.

2. Семко С.А. Проблемы общей теории перевода. Таллинн: “Валгус”, “1998, С. 9.
3. Феодорова А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983. – С. 10.
4. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: Академия, 2008. – С. 316.
5. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. – М.: Наука, 1979. – С. 332.
6. Абраменко Л.А. Чтение медицинской литературы на английском языке: учеб. пособие. – М. Высш. Школа, 1989. – С. 120.
7. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука. 1989. – С. 246.
8. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980.
9. Лапин И.П. Загрязненный русский язык в современном психологическом и медицинском научном лексиконе // Соц. клин. психиатрия. – 2002. – С. 100-191.
10. Солодовников Ю.П. Язык эпидемиолога: попытка унификации // Журн. Микробиол. – 1995. – С. 119-122.
11. Шкарин В.В., Давыдова Н.А., Колмакова Н.А. Кто ясно мыслит, тот ясно излагает (о проблемах терминологии в эпидемиологии) // Журн. Микробиол. – 2002. – № 4. – С. 98-102.
12. Ахметов Мухамбедия Ахмет-Торе. Русско-казахско-английский медицинский словарь. – Алматы: Изд. «Сөз-Слово», 2006. – 512 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПРИЧИНЫ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© Трофимова-Коваленко Н.И.¹

Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск

В статье рассмотрены и проанализированы различные классификации переводческих трансформаций и причины их употребления. Базовым основанием для большинства классификаций является принадлежность трансформаций к тому или иному языковому уровню. Несмотря на это разделение, авторы всех классификаций подчеркивают их комплексный характер. Основные причины возникновения переводче-

---

¹ Старший преподаватель кафедры Иностранных языков факультета Государственного и муниципального управления.

ских трансформаций являются собственнолингвистическими (типологические различия систем русского и английского языков), однако некоторые трансформации могут быть обусловлены экстралингвистическими факторами (культурологией, идеологией, требованиями политкорректности).

Ключевые слова: переводческие трансформации, определение переводческих трансформаций, классификации переводческих трансформаций, причины переводческих трансформаций, экстралингвистические причины переводческих трансформаций, собственнолингвистические причины переводческих трансформаций.

Классификация лингвистических трансформаций и выявление причин их использования являются актуальными проблемами современной теории перевода. Среди лингвистов, в разное время разрабатывающих данную проблему, А.Д. Швейцер, И.Я. Рецкер, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, Л.К. Латышев, А.С. Семенов, С.В. Тюленев, И.С. Алексеева, Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман и др.

Исследователи дают разные определения трансформациям. Но несмотря на различия, все определения имеют одно ядро – отношение языка оригинала и перевода. Так, Л. С. Бархударов понимает под трансформациями многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, используемые для максимально возможной передачи всей информации исходного текста при строгом соблюдении норм языка перевода [2, с. 190]. Швейцер А.Д. определяет трансформацию как отношение между исходными и конечными языковыми выражениями, замену в процессе перевода одной формы выражения другой [9, с. 118]. Алексеева И.С. акцентирует внимание на разноуровневом характере переводческих трансформаций и понимает под ними межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровнях [1, с. 166]. Наряду с трансформациями А.Л. Семенов выделяет другие формы языковых вариаций, а именно – подстановки. Он проводит между ними границу отмечая, что подстановки основаны на максимально возможном семантико-структурном параллелизме языка оригинала и языка перевода, в то время, как переводческие трансформации базируются на мотивированном отходе от потенциально возможного семантико-структурного параллелизма языка оригинала и языка перевода [4, с. 71].

Наряду с многообразием определений понятия трансформации, существует большое количество классификаций данного переводческого приема, каждая из которых основывается на различных критериях (смысловых, формально-грамматических), а также их комбинациях. Одна из первых классификаций была предложена Л.С. Бархударовым, который сводит все виды переводческих преобразований к четырем элементарным типам: перестановки, замены, добавления, опущения [2, с. 190]. Необходимо отметить, что

сам Л. С. Бархударов подчеркивает, что его классификация является относительной и объясняет это следующими причинами:

1. Некоторые трансформации можно отнести к двум элементарным типам. Например, замену союзной связи предложений бессоюзием можно рассматривать и как замену (один вид синтаксической связи заменяется на другой), и как опущение (опущение союза) [2, с. 190].

2. Трансформации редко встречаются по отдельности, что объясняется их комплексным характером [2, с. 191].

Несомненным достоинством данной классификации является ее лаконичность и синкретичный характер используемых критериев (грамматических, морфологических, синтаксических).

Другое основание для классификации переводческих трансформаций было предложено А.Д. Швейцером, который берет за основу разграничения трансформаций по уровням эквивалентности. Так, автор предлагает разграничивать трансформации компонентного подуровня семантической эквивалентности и трансформации референциального подуровня семантической эквивалентности [9, с. 119-123]. К трансформациям компонентного подуровня семантической эквивалентности, затрагивающим только формальную, но не семантическую структуру высказывания, относятся, в основном, грамматические преобразования (такие, как замена морфологических форм и перестройка синтаксической конструкции) [9, с. 120].

Значимость предложенной классификации для теории перевода обусловлена тем, что автор ставит акцент на достижении эквивалентности перевода. Вместе с тем, в качестве основной задачи А.Д. Швейцер видит в разделении переводческих трансформаций по уровням языка, соотнося трансформации компонентного подуровня семантической эквивалентности с грамматическими преобразованиями, а трансформации референциального подуровня семантической эквивалентности – с более сложными лексико-грамматическими преобразованиями.

Важность критерия разграничения трансформаций по языковым уровням иллюстрируется классификацией Т.Р. Левицкой и А.М. Фиттерман. Они подразделяют трансформации на лексические, грамматические и стилистические. Вслед за Л.С. Бархударовым исследователи подразделяют грамматические преобразования на перестановки, замены, опущения, добавления [5, с. 19].

Однако сами авторы отмечают, что при изучении переводческих трансформаций важнее не классифицировать то или иное средство, а установить цель его использования [5, с. 67].

Новое основание для классификации переводческих трансформаций предложили Л.К. Латышев и А.Л. Семенов. Опираясь на данные сопоставительного анализа исходного текста и текста перевода, они выделяют два основных класса трансформаций: структурно-уровневые и содержательные [4, с. 133].

Исследователи отмечают, что структурно-уровневые преобразования влияют на изменение языкового статуса единиц, однако они не учитывают изменения содержания (стр. 133). К данной группе относятся следующие типы трансформаций: категориально-морфологические, синтаксические, стилистические, лексические [4, с. 133-138].

Теоретическая ценность классификации, предлагающей разделение трансформаций на структурно-уровневые и содержательные, на наш взгляд, заключается в том, что она показывает различие в парадигме средства выражения языка перевода и средства выражения исходного языка. Необходимо учитывать, что иллюстративным материалом для изучения переводческих трансформаций авторам послужили различные функциональные стили (прежде всего, публицистический и, отчасти, художественный).

Другим важным аспектом теории перевода является установление причин появления лингвистических трансформаций. Ряд лингвистов, таких как А.Д. Швейцер, Л.К. Латышев, А.Л. Семенов отмечали, что переводческие преобразования обусловлены расхождениями систем английского и русского языков [4, с. 134; 9, с. 118]. В то же время, конкретные причины использования лингвистических трансформаций до сих пор остаются недостаточными изученными.

Анализ использования переводческих трансформаций показал, что многие из них обусловлены типологическими различиями между английским и русским языками. Так, высокая частота использования категориально-морфологических трансформаций определяется сложной видовременной системой английских глаголов и отсутствием ряда категориальных аспектуальных признаков в русском языке.

Синтаксические трансформации вызваны, как правило, отсутствием в русском языке синтаксических моделей, характерных для английского языка (таких как сложноподчиненное последовательное подчинение придаточных предложений, а так же различия в синтаксических моделях актуального членения предложения).

Лексические трансформации обусловлены различными языковыми причинами: развитостью синонимии в лексической системе английского языка, эврисемией аналитических слов, стилистическими факторами.

На возникновение стилистических трансформаций влияют стилистические причины, в особенности, усиление эмоционального воздействия на читателя.

Необходимо отметить, что переводческие трансформации могут быть вызваны не только собственнолингвистическими причинами, но и экстралингвистическими факторами (например, требования политкорректности, культурологические различия русского и английского языков, а также идеологические факторы).

В результате анализа классификаций переводческих трансформаций и причин их употребления выявлено следующее:

1. Одним из наиболее часто встречающихся оснований для классификаций является разделение переводческих преобразований по их принадлежности к тому или иному уровню языка.

2. Авторы всех классификаций переводческих преобразований подчеркивают, что разделение их на группы является относительным, что во многом объясняется тем, что трансформации редко встречаются в "чистом виде", и, как правило, носят комплексный характер.

3. Переводческие трансформации обусловлены как собственнолингвистическими причинами (такими, как сложная видовременная система английских глаголов и их эврисемия, развитость синонимии в лексической системе английского языка, различие в особенностях актуального членения предложения, и т.д.), так и экстралингвистическими причинами (к которым относятся культурологические факторы, соблюдение норм политкорректности).

4. Тем не менее, среди факторов, влияющих на возникновение переводческих трансформаций, преобладают собственнолингвистические причины. В зависимости от частотности их употребления собственно-лингвистические причины ПТ представляют собой следующую шкалу: 1) развитость видовременной системы английского глагола и отсутствие ряда категориальных аспектуальных признаков в русском языке; 2) различия в синтаксических моделях английского и русского языков; 3) эврисемия, характерная для английского языка; 4) стилистические факторы.

5. Экстралингвистические факторы, в основном, лежат в плоскости культурологических особенностей. Реже ПТ объясняются требованиями политкорректности.

Список литературы:

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – 4-е изд., стер. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 368 с.

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1973. – 240 с.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

4. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

5. Левицкая Т.Р., Фиттерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский: учебное пособие для языковых вузов. – М.: Высшая школа, 1973. – 136 с.

6. Плоткин В.Я. Строй английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1989. – 239 с.

7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.

8. Тюленев С.В. Теория перевода: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.

9. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

SOME TECHNIQUES FOR EFFECTIVE INTERPRETATION

© Шевченко О.Н.¹

Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт», Украина, г. Киев

This paper considers some note-taking techniques used in consecutive interpretation. The process of consecutive interpretation can be described as a method of oral translation which requires certain skills on the part of the interpreter. The note-taking activity is an integral part of the interpretation process. Good and properly organized notes help interpreter to structure the content, to highlight the main idea, to avoid losing detail. Most professional interpreters use their own note-taking system which complies with their personal requirements.

Key words: consecutive, interpreting, note-taking, source language, target language, diagonal layout, abbreviation, symbol.

An effective interpretation can be achieved by using a wide variety of means. Depending on the method of interpretation we can mention its two basic types: consecutive interpretation and simultaneous interpretation. Consecutive interpretation means a sequential translation of phrases and sentences provided by an interpreter who acts as a mediator between the two parties that do not know each other's language. In this situation the interpreter is a person who can fluently communicate in both languages and therefore can eliminate the language barrier between the parties engaged in the process of communication. The process of consecutive interpretation can be described as a method of oral translation, where the interpreter starts translating after the speaker stopped talking, completed the utterance or a certain part of it. This method requires certain abilities and skills on the part of the interpreter. First of all, to remember the message well the interpreter must have good memory, good listening skills and concentration. He also has to be able to take notes during the interpretation process in order to assure accu-

---

¹ Старший преподаватель кафедры Английского языка гуманитарного направления № 3 факультета Лингвистики, МВА.

rate and adequate interpretation without omissions or distortions. At the same time, he should always strive to develop such highly needed qualities as high-level proficiency in both source and target languages, good knowledge of grammar, ability to render speech rather than to summarize it.

Speaking about different methods and techniques used in the process of consecutive interpretation, we can point out that note-taking still remains one of the most effective methods. The note-taking activity is an integral part of the interpreting process. The interpreter has to comprehend the utterances, filter the information, select the most meaningful parts, take notes and translate what has been said. The whole process of interpretation involves a lot of stress, especially if you don't know the basic principles of notation.

By using note-taking technique the interpreter can substantially improve his professional performance. Due to this method he can retain and retrieve almost 100 % of the information he receives. Notes help to structure the content, to highlight the main idea, to avoid losing detail.

In the late 50s of the last century J.-F. Rozan introduced the so called diagonal presentation method used in the process of note-taking. It is based on the principle that subject, verb and object are the key meaningful elements of a sentence. The interpreter's notes are usually written across the page diagonally ('diagonal layout') where the subject, verb and object are arranged along this diagonal line from left to right and from top to bottom. In the process of note-taking the interpreter can add some important details to these core words to make his translation more literal and complete. This technique helps him to recover the meaning of the whole sentence rather than to focus on separate words. Nowadays the diagonal presentation method is widely used by most professional interpreters.

Interpretation requires the ability to work under pressure for long periods and very few people can memorize paragraphs without losing contextual details, dates, names, figures, etc. Also, if the length of the interpreted section is large or the whole text is given at once the interpreter has to use a special note-taking technique to grasp the idea and to assure good quality of his work.

Each professional interpreter tends to develop his personal note-taking system that is the most suitable for his personal needs. It is usually a system of notes based on abbreviations, symbols, key words which help the interpreter transfer utterances into the target language. However, there are some general rules to be followed by those who use the method of note-taking in the process of consecutive interpretation:

- omit articles and conjunctions (a, the, and) as well as the so-called "empty words" which do not add any meaning;
- note the key and prominent words;
- keep the monosemantic words (e.g. month names, weekday names, etc.);
- establish logical connections between different elements of the utterance.

One of the forms of word shortening is the omission of vowels or other letters ('word truncation'), e.g. 'gbl' for 'global', 'ppl' for 'people', 'esp' for 'especially', etc. Other word shortening methods are also widely used. Among them are the use of abbreviations and symbols for words and phrases. An effective note-taking technique also means clear and legible writing, reduction of words and ideas to abbreviations, symbols and special signs. Abbreviations are graphical reduction of words or phrases by means of recording the initial letters or syllables, e.g. 'Ave' for 'Avenue', 'BA' for 'Bachelor of Arts', 'lb' for 'pound', etc. At the same time the interpreter can build and apply his own system of abbreviations, e.g. **w/** meaning 'with', **w/o** meaning 'without', **b/t** meaning 'between', **b/c** meaning 'because', **iot** meaning 'in order to', etc.

The symbols which the interpreter can use often represent an idea rather than a word. This method of note-taking saves a lot of time and effort and helps in rendition from the source language to the target one.

Besides, the interpreter can use a wide range of existing symbols, e.g. # meaning 'number', € meaning 'Euro', or special signs, e.g. ♂ meaning 'man', ♀ meaning 'woman'.

Table 1

Examples of some common symbols and abbreviations used in note-taking

>	greater than
<	less than
#, no.	number
\$	dollars / money / cost
?	question / doubt / possibility
≠	not equal / not the same as
∝	varies with / related to
...	etc.
↑	increase / improvement
↓	decrease / deterioration
→	leads to / causes
@	at
X	not
~	approximately / similar to
&	and
eg	for example
NB	note well / remember this
cf	compare to
am	morning
pm	afternoon / evening
viz	namely
asap	as soon as possible
wrt	with respect to

There are lot of commonly used symbols and abbreviations which are used by interpreters in the process of note-taking. If the interpreter spends much time

on writing or thinks too much about how to note the utterance, he will listen less. Also, if his notes are unclear or illegible he will put too much effort into reading them. The existing system of symbols and abbreviations used in the process of note-taking helps interpreters to be more quick and efficient. It gives them more time to focus on the main idea of the utterance they are interpreting.

Список литературы:

1. Jones R. Conference Interpreting Explained / R. Jones. – London and New York: Routledge, 2002. – P. 47-48.
2. Rozan J.-F. Note-Taking in Consecutive Interpreting / J.-F. Rozan. – Krakow: Tertium, 2001. – P. 15-16.
3. A history of interpreting [online]. Available from: <http://www.adhoc.at/en/interpreters/a-history-of-interpreting.html> [Retrieved 20 March 2016].

Секция 8

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА В ГИПЕРРЕАЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ Ф. БЕГБЕДЕРА «WINDOWS IN THE WORLD»¹

© Майорова Г.В.²

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Статья посвящена проблеме терроризма в романе Ф. Бегбедера «Windows in the world». В результате анализа художественного осмысления проблем терроризма выявлена авторская концепция возникновения и противодействия терроризму как асоциальному явлению; определены художественные способы репрезентации концепта «теракт».

Ключевые слова: Бегбедер, роман, проблема терроризма, жанр, поэтика, идейное содержание.

Фредерик Бегбедер – один из тех современных французских писателей, кто в своем творчестве обращается к исследованию терроризма как актуальной мировой проблемы. Террористический акт как художественное событие – в центре таких романов Бегбедера, как «Windows on the world» (2003) и «Идеаль» (2007). В романе «Windows on the world» – это реальное событие – теракт 11 сентября 2001, когда были уничтожены две башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и погибли тысячи людей. В романе «Идеаль» теракт – это сконструированное автором событие: подрыв храма Христа Спасителя в Москве.

Целью данной статьи является анализ художественного осмысления проблем терроризма, выявление причин возникновения такого асоциального явления, с авторской точки зрения, и художественных способов репрезентации концепта «теракт» на материале гиперреалистического романа-хроники «Windows on the world».

Роман «Windows on the world» («Окна в мир») Бегбедер называет гиперреалистическим романом, подготавливая читателя к предельной натуралистичности создаваемых образов. Жанр гиперреалистического романа тесно связан с проблемами терроризма в творчестве Бегбедера. «После 11 сентября 2001 года, – пишет Бегбедер, – реальность не только превосходит вымысел, но и убивает его. Писать на эту тему нельзя, но и на другие невозможно. Нас больше ничего не трогает» [1, 22]. Необходимость разработки проблем, стоящих перед современным поколением, подтверждает и эпиграф к роману «Windows on the world». Бегбедер приводит высказывание Тома Вульфа о том, что, «если романист не пишет реалистических романов, то он

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания № 2014/33 Минобрнауки России в сфере научной деятельности.

² Старший преподаватель кафедры Русской литературы, кандидат филологических наук.

не понимает эпохи, в которую живет» [1, 11]. Пытаясь понять современное время, Бегбедер обращается к художественному исследованию проблемы терроризма.

В романе «Windows on the world» две сюжетные линии, два героя, которые пытаются осмыслить события 11 сентября 2001 года.

Американец Картью Йорстон находится непосредственно в эпицентре трагедии. Он обычный агент по торговле недвижимостью, который приходит со своими сыновьями позавтракать в ресторан «Окна в мир». Катастрофа застала их, как и многих других людей, врасплох, без права на надежду выжить, так как они оказались выше того места, куда врезался самолет террористов, а выход на крышу был автоматически заблокирован службой безопасности здания.

Автор также вводит фигуру творца-повествователя, который смотрит на все произошедшее с небольшим временным промежутком, и пытается вообразить картину извне, понять причины трагедии. Повествователь – alter ego самого Бегбедера, об этом говорят и отсылки к предыдущим романам, и прямые обращения: «Что ты несешь, Бегбедер несчастный!» [1, 69]. Он пишет роман в Париже, на 56 этаже башни Монпарнас, в ресторане «Небо Парижа».

Переходом событийной смысловой границы для Картью Йорстона в результате теракта становится смерть, а для повествователя-творца – написание книги «Windows on the world». Оба субъекта сходятся в одной точке – попытке дать объяснение террористической атаке. Такая схема позволяет иметь внешнего и внутреннего участника события. Иногда читатель находится в затруднительном положении и не способен идентифицировать субъект повествования. Такая повествовательная форма, на наш взгляд, намеренно используется автором для создания эффекта нивелирования индивидуальности, так как важно показать именно всеобщее равенство людей перед лицом такой угрозы, как терроризм.

«Windows on the world» это роман о романе. В метаструктурных элементах в большей степени отражен выбор автора основной проблематики романа. Ведь освещение события 11 сентября 2001 года в рамках художественного произведения является несколько публицистическим. К тому же известны противоречивые оценки критиков в адрес иногда достаточно провокационного творчества Бегбедера, отменяющего законы традиционной художественной условности. В связи с этим роман «Windows on the world» можно назвать новаторским в творчестве Бегбедера. Сам автор называет свой роман «целомудренным» [1, 232], то есть основанный на нравственных представлениях. В романе можно найти и другие самоопределения: «это не триллер, а просто попытка, может обреченная на неудачу, описать неопишемое» [1, 86], попытка «дойти до самых глубин кошмара и все равно быть на 410 метров ниже реальности» [1, 179].

Опираясь на «первый великий акт гипертерроризма» [1, 418], Бегбедер пишет гиперреалистический роман. Но, несмотря на выбранный патетический материал художественного воплощения, использование трагедии в качестве «литературного костыля» [1, 418], Бегбедер остается верным своему ироническому стилю. Он подчеркивает «бесполезность своей книги» [1, 47], так как писатель всегда запаздывает; признается, что «пишет глупости на верхотуре парижского небоскреба» [1, 59]. Писатель, по его мнению, «вдыхая запах свежего горя», подобен «койоту», «геенне», «шакалу», и ищет трагедию, дозу отчаяния, небольшое зверство [1, 333].

События 11 сентября представляют масштабную трагедию, описывать которую, совершенно невыносимо. Но он берется за это нелегкое дело, так как считает, что «описать крестный путь этих людей – знак уважения» [1, 383]. Для многих людей 11 сентября 2001 года наступил конец света, и книга Бегбедера является его апокалиптическим освещением. А так как книги, по Бегбедеру, прочнее зданий, то он увековечивает память о людях, погибших в результате теракта.

Атмосфера романа «Windows on the world» – погружение в ад. «Черный дым, встающий над полом, плавающие стены, лопающееся стекло, удушье, паника, самоубийства, бегство к охваченным пламенем лестницам, слезы и крик, отчаянные телефонные звонки» [1, 11]. Романное время – два часа, ему соответствует поминутное деление на небольшие главки внешнего пространства романа. 1 час 45 минут – это время разрушения северной башни, в которой находится герой романа, Картью Йорстон. Его глазами мы видим разрушающийся мир.

Картью и повествователь-рассказчик пытаются каждый по-своему ответить на вопросы об истоках и причинах возникновения таких обстоятельств, «когда недвижимость стала подвижной, а то, что все полагали неизблемым, стало зыбким» [1, 22].

Повествователь погружается в историю строительства архитектурного комплекса Всемирного торгового центра, который был своего рода символом финансового благополучия и превосходства Америки. Он был возведен в 1966 году японским архитектором Минору Ямаски под руководством семьи Рокфеллеров. Конструкция была удостоена премии за технологические инновации Национального музея строительства. В 1993 году одна из башен подвергалась террористической атаке, в связи с этим был введен усиленный контроль, который, однако, не смог противостоять новому изощренному злу. Всемирный торговый центр рухнул из-за особенностей конструкции, в которой использовалась новая технология (отсутствие внутренних опор), что позволяло высвободить максимум площади, было очень прибыльно, но явилось негативным фактором, повлекшим обрушение башен.

Размышления над причинами катастрофы перерастают в размышления об истории страны, породившей ее, вызвавшей зло на себя, и природе чело-

века вообще. «Великие нации, – отмечает академик Лихачев, – пишут свои автобиографии в виде своих великих деяний, перенесенных страданий, созданных произведений искусств и, к сожалению, в произведенных ими разрушениях – у себя и в других странах» [4, 300]. Разрушения и жертвы 11 сентября 2001 года это трагическая веха в истории США.

Об Америке и американцах повествователь рассуждает с позиции ассимилировавшего француза, считающего, что на мировое сообщество давит американский шовинизм, культурная изоляция, и тот фактор, что свой комплекс неполноценности они заменили на комплекс превосходства [1, 37]. Рефлексируя, он отмечает, что пишет книгу потому, что ему надоел «французский антиамериканизм», объясняющийся «изрядной долей ревности» [1, 35]. Ведь все его любимые писатели, музыканты и режиссеры – американцы. Столь широкая популярность американской культуры эксплицируется не экономическими причинами и политическими манипуляциями, а особым талантом постоянного обновления и особым чувствованием реальной жизни, стремлением к новизне, новаторству и доходчивости, желанием понравиться и критическому отношению к самим себе [1, 35]. В качестве негативного фактора развития выделяется желание американцев «навязать свой образ жизни всей планете» [1, 78] «Соединенные Штаты со своим юношеским энтузиазмом еще хотят посмотреть, каково это быть владыкой мира. Старые нации давным-давно отрелись от трона, но американцы умиляются в своем беспамятстве» [1, 166].

Американская мечта, как воплощение свободы, эффектности и новизны, захватившая весь западный мир и породившая идею глобализма, по мнению Бегбедера, это такая же утопия, как и коммунистическая идеология, также распространившаяся по миру. Американский вариант утопии оказался более продолжительным благодаря тому, что насилие в нем было не таким явным. И поэтому Америка победила в холодной войне. Сейчас же война вышла на новый уровень, когда непонятно, где добро, а где зло. А телевидение и средства массовой информации, являясь проводниками глобализма, представляют опасную силу, новое поле битвы.

В ткань повествования символично вплетается библейское предание о Вавилонской башне, которое автором интерпретируется как первая попытка глобализации. Желание строить небоскребы находится глубоко в подсознании людей. Это связано с неизбывной мечтой, желанием, идущим из древности – «самим возводить горы» [1, 32], доказывая свое величие над природой, рождающее чувства гордости, упоения своим могуществом, радости возвышения [1, 32].

События ветхозаветные и современные наталкивают писателя на мысль о том, что Бог против глобализации. Таганов А.Н. сравнивает роман с параболой и отмечает, что «история башен-близнецов в Нью-Йорке становится продолжением истории строительства и разрушения Вавилонской башни» [7, 93].

Создание единого глобального пространства и языковой монополии подобно строительству Вавилонской башни. Как и тысячи лет назад под обломками башен Всемирного торгового центра оказались люди 62 национальностей.

Отметим подключение Бегбедера к литературной традиции, так как библейское предание о Вавилонской башне в той же параболической функции было использовано Ф.М. Достоевским в романе «Бесы» в связи с подпольной террористической организацией Петра Верховенского.

Размышление над тем, кто мог совершить такой чудовищный теракт, не получает в романе однозначного ответа. Организаторами могли быть очень многие, так как Америку не любит немыслимое количество людей, в том числе и сами американцы. И это связано с безучастным отношением американцев к судьбам других людей, ко всему остальному миру, личной безответственности каждого гражданина. Картью Йорстону это осознал. Драма внешнего мира самым ужасным образом вторглась в его жизнь: «все эти непонятные вещи, которые он не хотел понимать, все эти зарубежные новости, о которых он предпочитал не думать, которые гнал из головы, как только кончался информационный выпуск, все эти чужие беды вдруг коснулись лично его, все эти войны решили его уничтожить» [1, 163]. Картью Йорстон не хочет отвечать за то, что сделала его страна, чтобы стать великой, а именно: «ни за рабство негров, ни за геноцид индейцев, ни за дикий либерализм» [1, 406]. Таким образом, Бегбедер обращает внимание читателя на личную ответственность каждого человека за его прошлое и историю его страны.

Виновником трагедии может быть не только известный террорист Усама бен Ладен, но и денди-декадент, познавший эстетику нигилизма, например, Дез Эссент (герой романа Гюисманса «Наоборот»), способный стать организатором массовых убийств.

Как организаторами, так и исполнителями терактов могут быть эксцентричные молодые люди, исповедующие ненависть, бесчеловечность, снобистское презрение. Они трусливы, так как убивают других, а не себя.

Молодого человека зачастую привлекает романтика бунта, нежели дисциплина, коллективное воспитание, монотонность обучения. Вспоминая свое отрочество в лицее Монтеня, герой романа отмечает, что высшим шиком у мальчиков считалось обмотать себе шею палестинским платком. «Терроризм был куда гламурнее, чем контрольная по истории в пятницу» [1, 102]. Однако иметь бунтарскую внешность и в то же время жить не в подполье, а в комфортабельной квартире родителей было намного удобнее.

Появление такого типа молодого человека Бегбедер связывает с несколькими причинами. Насилие как глубинная человеческая сущность находится в его природе. Ослабление влияния культуры, религии, общества, цивилизации, призванных обуздать насилие в человеке, приводят к негативным последствиям. В подтверждение Бегбедер приводит примеры эстетизации ужасного человеком. Выставка катастроф Поля Вирилио вызывают не-

однозначные чувства, соотношение ужаса и красоты. Работы художника-фотографа пугают и в то же время завораживают, так как вызывают из подсознания бесчеловечную часть человеческого существа, пробуждая древние инстинкты, требующие «хлеба и зрелищ».

Тип гедониста, отстаивающего свободу как высшую ценность, порождается разрушением традиций семьи и брака. «Свобода уничтожила брак и семью, супружество и детей. Верность превратилась в реакционное, невысказанное и бесчеловечное понятие» [1, 204]. Для этого типа людей любовь к другому человеку выходит за аксиологические границы, он беспокоится только за себя, его эгоцентризм не позволяет ему обременять себя семьей. Единственным пределом насилия в отсутствии Бога становится полиция. В альтернативе: «слушать вопли младенца или пойти на вечеринку без жены» – отдается предпочтение последнему. В книге звучит риторический вопрос: «Тысячелетиями было все иначе. В доме был папа, мама и их дети. Всего сорок лет назад мы решили убрать из дома отца и теперь хотим, чтобы все шло как прежде?» Как и герой романа, так и его дети – жертвы несостоявшихся семей. Йорстон вырос в семье, где родители были в разводе, а потом и сам не смог справиться с тяготами семейной жизни. Оказавшись перед лицом смерти, он понимает, что семья, дети и его бывшая жена – самое ценное в его жизни, и если бы он только мог изменить обстоятельства, он никогда бы не разрушил семью. Таким образом, проблема терроризма репрезентируется как глубоко социальная проблема, требующая детального научного анализа.

Желающих распутать философский и геополитический подтекст проблемы терроризма Бегбедер отсылает к специалистам, а именно: Шпенглеру, Хантингтону, Бодрийяру, Адлеру, Фукуяме, Ревелю [1, 168]. Надо отметить, что в романе заметно влияние идей этих философов, в частности, отчетливо проявляется влияние Ж. Бодрийяра и его работы «Дух терроризма» особенно в вопросах, связанных: с взаимосвязью терроризма и глобализма в мировом масштабе; с истоками появления терроризма как явления еще с шумерского периода; с предпочтениями современного человека мира виртуального миру реальному; с изменением правил ведения войны и т.д.

В вопросах религиозного терроризма Бегбедер придерживается следующей позиции. Христиане, мусульмане, иудеи – верят в одного и того же Бога. Все, кто пытается прикрыть насилие религиозными ценностями, делают это из корыстных и фанатичных побуждений.

В научной литературе до сих пор нет окончательного определения терроризма как категории. В романе «Windows on the world» дается несколько авторских определений терроризма: «Терроризм – это постоянный дамоклов меч, рассекающий здания» [1, 242]; «Терроризм не уничтожает символы, а рвет на куски людей из плоти и крови» [1, 243]; «Терроризм никого не терроризирует; он придает силы свободе» [1, 267].

По мнению Бегбедера, терроризм в 21 веке рождает новую болезнь – постоянное чувство страха, паранойю. Все ждут терактов. Угроза возрастает с каждым днем. «Каждый день, прошедший без теракта, увеличивает вероятность теракта» [1, 241]. В безопасности себя ни чувствует никто.

Автор пытается ответить на вопрос о том, на ком лежит ответственность за сложившуюся обстановку и как изменить такое положение. Проблема видится в том, что «в экономике глобализм уже есть, а в политике еще нет» [1, 358]. По его мнению, провалена миссия Организации Объединенных Наций, «именно на ней лежит ответственность за войны, несправедливость, конфликты» [1, 344]. Возникла необходимость реформирования ее бюрократического и коррумпированного аппарата. Спасение от ужасов терроризма и экологической катастрофы автор видит в создании «Всемирной республики под контролем Международного парламента, избранного общим голосованием» [1, 345]. Понимая некую утопичность своей идеи, автор в лице своего героя-рассказчика все-таки убежден, что рано или поздно «придется принимать решение и создавать единый нетоталитарный мировой порядок» [1, 361]. И в этом он видит решение проблемы наступления будущего для людей всего мира. Не случайно роман начинается обращением к поколению 2801 года («Каждому из 2801»), а завершается воспоминанием о тех, кто жил восемь поколений назад: «Если вернуться на восемь поколений назад, все белые американцы окажутся европейцами. Мы с ними похожи, и пусть мы не все американцы, но наши проблемы – это их проблемы, и наоборот» [1, 419].

Таким образом, решение глобальной проблемы терроризма и создание условий для жизни будущего человечества, видится как интегративное сотрудничество, в основе которого – уважение к человеку вне зависимости от его принадлежности к чему-либо и признание его самоценности.

Список литературы:

1. Бегбедер Ф. *Windows on the world: Роман.* – М.: Иностранка, 2012. – 432 с.
2. Бегбедер Ф. *Идеаль: Роман.* – СПб.: Азбука, 2015. – 224 с.
3. Бодрийяр Ж. *Дух терроризма. Войны в заливе не было.* – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
4. Лихачев Д.С. *Заметки о русском.* – М.: КоЛибри, 2016. – 480 с.
5. Таганов А.Н. Роман Фредерика Бегбедера «*Windows on the world*»: утопия языка, язык утопии // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* – 2009. – № 3. – С. 92-96.

Секция 9

РУССКИЙ ЯЗЫК: КОНСТРУКЦИОННЫЕ И ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА «ПАТРИОТ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© Долгова А.М.¹

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

В статье рассматривается ключевое слово текущего момента «патриот». С опорой на базу данных «Интегрум» показано возрастание частотности употребления слова «патриот» в СМИ. Автор анализирует значение слова по словарям русского языка, а также рассматривает его словообразовательную активность и трансформацию лексического значения в современных медиатекстах.

Ключевые слова: ключевое слово текущего момента, трансформация лексического значения, медиадискурс, патриот.

Современная политическая реальность может рассматриваться как своего рода «конструкт», формируемый средствами массовой информации и средствами пропаганды. Специфический подбор номинаций для обозначения объектов действительности позволяет конструировать и даже деформировать реальность [Каблуков, 2015]. И одним из способов конструирования политической реальности является использование ключевых слов текущего момента, а также трансформация их лексического значения.

Под «ключевым словом текущего момента» мы будем понимать слова и обороты, актуальные именно для данного, текущего, сравнительно короткого исторического периода развития общества. «Без каких-либо предварительных исследований ясно, что каждый “текущий момент” выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно – в парламенте и в очереди, на радио, в печати и на телевидении» [Шмелева, 1993: 33; см. также: Вепрева, Купина, 2006: 100].

Как пишет Т.В. Шмелева, ключевое слово текущего момента характеризуется возрастанием частотности употребления в СМИ; у данного слова появляются новые возможности выразительного, в частности метафорического, употребления, возможна трансформация значения слова; также активизируются словообразовательные возможности слова [Шмелева, 1993].

В текущей политической ситуации в России одним из ключевых слов является «патриот». В последние годы, особенно после событий на Украине

---

¹ Студент 4 курса кафедры Русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств.

и присоединения Крыма, международные связи России заметно ослабили, а отношения с западным миром обострились. На фоне такой непростой политической ситуации идеи патриотизма зазвучали с новой силой, и в СМИ активизировалось слово «патриот». Согласно данным базы «Интегрум», за последние годы частотность употребления слова «патриот» плавно возрастает. Мы рассмотрели 1364 источника, среди которых – центральные и региональные СМИ. За период с 2010 по 2016 год частотность употребления слова «патриот» возросла с 14265 до 21281 раз (Интегрум, база данных. – Режим доступа: <http://www.integrum.ru/>). Это позволяет нам говорить о его активном внедрении в текущий медиадискурс, а также о закреплении лексемы «патриот» в качестве ключевого слова текущего момента.

Рассмотрим значения слова «патриот», фиксируемые в словарях. По данным Современного толкового словаря русского языка, патриот – это «человек, который любит свое отечество, верен своему народу, готов на жертву и подвиги во имя родины» [2003: 499]. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет «патриота» как «человека, проникнутого патриотизмом» [Ожегов, Шведова, 2013: 460], где «патриотизм» – «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [там же: 460]. В словаре, фиксирующем языковые изменения конца XX века, значение слова «патриот» соотносится с «национал-патриотизмом» [Толковый словарь русского языка конца XX века, 2000: 458], «идейно-политическим движением конца 80-х-90-х годов, выступающим за сохранение национальных исторических ценностей и традиций России на почве крайнего национализма» [там же: 416], что обозначает непосредственно политические убеждения.

На наш взгляд, за последние два года, ввиду обострения внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации, в российском медиадискурсе слово «патриот» приобрело новое значение. Во-первых, можно отметить прочно установившуюся антонимическую связь «патриоты – либералы» [см. также: Каблуков, 2016: 211]. Она нередко встречается в СМИ: «Чем больше я думал, тем больше мне становилось ясно, что у нас ужасно запутанные отношения с родиной. Начать с правописания. **Патриоты** пишут это слово с большой буквы, а **либералы** – с маленькой» (Виктор Ерофеев // Огонёк. 9 сентября 2015. №35). «**Либералы** полагают, что нынешняя ситуация усиливает изоляционистские настроения, и ставят под вопрос западный вектор движения страны, которому она должна следовать – без ориентации на Запад не будет развития. **Патриотические круги**, со своей стороны, диагностируют ситуацию принципиально иначе: волны либерализма, всякий раз обессиливая нашу родину, толкают ее в пропасть» (Технократное уравнение // Коммерсантъ-Власть. 2015. № 2. С. 18). Становится ясно, что «патриот» – это не просто человек, любящий родину, но и приверженец определенной политической позиции. Во-вторых, о патриотах и патриотизме часто, особенно в проправительственных СМИ, пишут в связи с политикой

действующей власти, с политикой Путина. Именно Владимир Путин задаёт правильное понимание патриотизма: *Так что же такое патриотизм по Путину? Это идея сбережения нации, ее планомерного развития. Такой подход лежит в основе всей путинской политики в последние полтора десятка лет* (Последнее прибежище патриота // Известия. 2016. 5 февр.). И наконец, из значения слова патриот исключается возможность критиковать власть. Патриот не может критиковать свою страну, президента и правительство: *... разве можно назвать патриотом человека, у которого в любой конфликтной ситуации права любая страна, кроме своей собственной?* («Быки-патриоты» требуют перемен // Известия. 2015. 14 дек.).

Таким образом, в текущем проправительственном российском медиадискурсе слово «патриот» имеет значение «лояльный политическим решениям действующей власти человек».

В оппозиционном медиадискурсе указанное новое значение слова «патриот» чаще помещается в критический метаязыковой контекст, подвергается осмыслению. Например: *«Депутат-эсер вернулся из Соединенных Штатов и сразу же попал под критику «патриотов» из властных структур»* (Епифанова М. О чем там трубил Гудков // Новая газета. 13 марта 2013. № 27.). В данном случае кавычки указывают на ироническое осмысление современного значения слова.

Прочно вошло в употребление и образованное способом словосложения слово «ура-патриот». Оно уже давно стало настолько распространенным, что вошло в словари, однако в текущем моменте оно также переживает актуализацию. В словаре языковых изменений XX века Г.Н. Складневской оно определяется как «национал-патриот» [Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения, 2000: 634]. Сегодня чаще всего оно встречается в оппозиционной прессе и обозначает фальшивый, показной патриотизм: *«Ревнителям благочестия и ура-патриотизма предлагаются более мягкие, хотя и не менее отвратительные формы участия в «политической» борьбе. Например, донос, по самому громкому из которых была помещена под домашний арест директор Библиотеки украинской литературы»* (Полухина Ю. Фрик вам! Наследники «русской весны»: маргиналы-политики, хулиганы-патриоты – кто они? // Новая газета. 6 ноября 2015. № 122. С. 13).

Иногда в СМИ можно встретить слово, получившее широкое распространение в сети Интернет, – «поцреот». По нашей версии, оно образовано от слов «поцан» («олбанская» версия слова «пацан») и «патриот». Обратим внимание, что в «олбанском языке» [Кронгауз, 2013: 81] особый акцент делается на написании слов с орфографическими ошибками, поэтому в данном случае «поцан» пишется через «о», а «патреот» через «е». Слово «поцреот», на наш взгляд, является антонимом слову «либераст» и имеет значение лжепатриот, ура-патриот, однако одно из производящих слов – «пацан», на наш взгляд, порой указывает еще и на наивный, а следовательно, упро-

щенный взгляд, на некоторые политические вопросы. В СМИ лексема «поцреот» встречается довольно редко, обычно – в кавычках или в качестве цитаты с интернет-форумов. Например: *«Поэтому продолжение правления либеральных могильщиков (что они доказали в 90-е), подчиняющего (даже при «поцреотической» риторике) государство интересам глобального бизнеса перед тем, как добить нас, превратит наших партнеров во врагов»* (Десягин М. У котлет и бензokolонки не бывает друзей // Московский комсомолец. 9 июля 2015. № 26854).

Также активно используются в текстах СМИ единицы, входящие в словообразовательное гнездо слова «патриот»: патриотка, патриотизм, патриотический, патриотичный, патриотичность, патриотично, антипатриотичный, патриотически, антипатриотический [Словообразовательный словарь современного русского языка, 2013: 322-323]. Соответствующие слова образуются и от слов «ура-патриот» и «поцреот»: ура-патриотка, ура-патриотизм, ура-патриотический, ура-патриотичный; поцреотка, поцреотизм, поцреотический, поцреотичный, поцреотичность, поцреотично, антипоцреотичный, антипоцреотический и т.д.

Итак, «патриот», будучи ключевым словом текущего момента, обнаруживает все признаки, выделенные Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1993: 33]. За последние годы своего существования в медиадискурсе оно не только стало чаще упоминаться в СМИ, но и изменило свое значение. Трансформация значения данной лексемы, с одной стороны, отражает тенденции развития политической ситуации в России, с другой стороны, способствует конструированию в медиадискурсе биполярной картины реальности, в которой «патриоты» находятся в оппозиции с «либералами», а патриотизм означает лояльность действующей власти.

Список литературы:

1. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Оборотни в погонах / И.Т. Вепрева, Н.А. Купина // Русский язык за рубежом. – 2006. – № 1. – С. 100-102.
2. Каблуков Е. В. Деформация реальности в современном российском медиадискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 2 (138). – С. 43-51.
3. Каблуков Е. В. Идеологема «либерализм» в современном российском проправительственном медиадискурсе // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14-15 апреля 2016 г.) / Сост. О.Ф. Автохутдинова; Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – С. 209-212.
4. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 416 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: более 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – 874 с.

6. Словообразовательный словарь современного русского языка / Под ред. О.А. Ульяновой. – М.: «Аделант», 2013. – 512 с.
7. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2003. – 960 с.
8. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиков; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 2000.
9. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // «Colleqium». – 1993. – № 1. – С. 33-41.

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular element at the top left and bottom left.

Секция 10

СЕМИОТИКА

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ¹

© Дёмин И.В.²

Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С.П. Королева
(национальный исследовательский университет), г. Самара

Выявляется значение семиотики для исторического исследования, рассматривается семиотическая методология истории Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского. Эксплицируются философские основания семиотического подхода к истории.

Ключевые слова: история, семиотика, семиотика истории, семиотика культуры, методология истории, философия истории.

В современных исторических и культурологических исследованиях семиотический подход получает всё более широкое распространение. Отправной точкой в развитии семиотической методологии в философском и социально-гуманитарном познании стал «лингвистический поворот», положивший начало основным направлениям постметафизической (лингвистически ориентированной) философии истории [2; 3].

В современных исторических исследованиях (прежде всего, в исследованиях по истории культуры) методы и понятийно-категориальный аппарат семиотики используются, как правило, бессистемно, семиотический подход зачастую эклектично и некритически совмещается с традиционными методами исторического познания (речь идет об историко-генетическом, сравнительном, историко-типологическом и системном методах [6, с. 138-167]).

Использование семиотической методологии в конкретно-исторических исследованиях предполагает прояснение и решение целого ряда принципиальных вопросов:

- какое из многочисленных направлений семиотики в наибольшей степени соответствует предметной и методологической специфике исторического познания?
- как соотносятся основные разделы семиотики (семантика, синтактика, прагматика) применительно к области исторического знания?
- является ли семиотика истории лишь одним из возможных направлений в методологии истории или же она вправе претендовать на статус *общей методологии* исторического познания?

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2016 года).

² Доцент кафедры Философии и истории, кандидат философских наук, доцент.

Продуктивное обсуждение этих вопросов предполагает прояснение философских оснований семиотического подхода к истории.

Разработка семиотического подхода к анализу истории и культуры в отечественной науке связана с именами Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, а в западной философии XX в. – с именем Э. Кассирера. Что представляет собой семиотический подход к истории? На какие презумпции и исходные принципы он опирается?

Успенский, проясняя основы культурно-семиотического подхода к истории, предлагает различать *семиотику знака* и *семиотику языка*. Семиотика знака и семиотика языка представляют два направления в семиотических исследованиях – *логическое* и *лингвистическое*, соответственно. Первое восходит к Г. Фреге, Ч. Пирсу и У. Моррису, второе – к Ф. де Соссюру [9, с. 9-10]. Различие этих направлений Успенский проясняет следующим образом: «В первом случае знак рассматривается <...> безотносительно к акту коммуникации, во втором же случае знаковость, семиотичность определяется участием в коммуникационном процессе, т.е. предстает как производное от этого процесса» [9, с. 10]. В контексте семиотики Пирса и Морриса исходным и нередуцируемым феноменом выступает *знак*, тогда как в традиции, берущей свое начало в структурной лингвистике Соссюра, таковым феноменом признается *язык*.

В разрабатываемой Успенским семиотической модели истории находят применение достижения обоих этих направлений.

Интерпретация исторического процесса осуществляется Успенским в традиции *семиотики языка*. Исторический процесс понимается по аналогии с *процессом коммуникации на естественном языке* (диалогом): «Исторический процесс может предстать как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой <...>; во всех этих случаях важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания» [9, с. 12]. Исторический процесс в контексте семиотической модели истории рассматривается как процесс порождения новых фраз (событий, текстов) на некотором языке и их прочтения социумом, которое, в свою очередь, порождает новые события и тексты и т.д. Важным представляется тот факт, что реакция социума рассматривается в рамках семиотического подхода как принципиально обусловленная *интерпретацией* соответствующего текста (события), а не интенцией «отправителя» (если наличие таковой вообще признается).

В историческом процессе, как и в процессе коммуникации или речевой деятельности, «смысл порождает текст, но текст, в свою очередь, может порождать для адресата некоторый новый смысл, не вполне адекватный исходному; затем этот новый смысл порождает новый текст (в виде ответной реакции адресата) и т.д. и т.п.» [9, с. 13]. В рамках семиотической модели исторического процесса всякое событие рассматривается как *послание*, ко-

торое понимается, прочитывается, интерпретируется социумом (или каким-либо социальным субъектом, участником исторического процесса). Социум, в свою очередь, дает на это послание определённый *ответ*, порождая тем самым *новый* текст, новое событие, новую историческую ситуацию. Ответ социума, его интерпретация текста «послания» обусловлена господствующим *семиотическим кодом*, задающим способ прочтения социокультурных текстов. Это может быть, например, мифологический, религиозный или идеологический код.

В рамках семиотической (коммуникативной) модели исторического процесса механизмом порождения истории, исторической событийности выступает *язык*. Именно *язык* как система семиотических кодов или смыслов, как механизм порождения социокультурных текстов определяет отбор значимых для социального субъекта фактов. Понятие *знака* в данном случае предстает как *производное*: «семиотический статус того или иного явления определяется прежде всего его местом в системе (языке), его отношением к другим единицам того же языка» [9, с. 14].

Если для построения семиотической схемы исторической реальности Успенский использует по преимуществу терминологию семиотики языка, то для интерпретации *исторического сознания* и описания процесса его функционирования он обращается к семиотике *знака*. В данном случае первичным выступает понятие *знака*, тогда как *язык* рассматривается как явление более сложное и производное.

Возможность исторического познания и историописания Успенский связывает с особой конфигурацией, особым *типом сознания*. Историческое сознание (в отличие от внеисторического *космологического* сознания) предполагает два необходимых условия: расположение событий, относящихся к прошлому, во временной последовательности, т.е. введение *фактора времени* и установление причинно-следственных связей между ними, т.е. введение *фактора причинности* [9, с. 14]. Несоблюдение первого условия приводит к подмене исторического времени временем мифологическим, несоблюдение второго условия превращает историю в хронику. Линейное время и причинность – это конститутивные характеристики *исторического типа сознания*.

Сходная трактовка исторического сознания содержится в концепции Б.Г. Соколова [8]. Под «историчностью» Соколов понимает сущностную *характеристику* и *размерность* определённого «культурно-исторического типа сознания». «Историчность» – это специфическая черта, присущая, прежде всего, западной христианской культуре. Размывание оснований данного культурно-исторического типа сознания в эпоху «постмодерна» приводит к *утрате историчности* как специфической *размерности* человеческого бытия. Провозглашаемый в философском постмодернизме «конец истории» представляет собой не что иное, как переход к иной модели культурного развития,

смену типа «культурно-исторического сознания» [1, с. 48-50; 4, с. 36-55]. «Утрачивается историчность, как размерность человеческого бытия, базирующаяся не только на открытости будущему, но и сбережения, ценности прошлого» [8, с. 48].

«Историчность» в трактовке Соколова есть нечто с самого начала *обусловленное* культурой и *производное* от неё. Культура же определяется как «“пространство”, посредством которого и в котором происходит формирование, создание человека» [8, с. 32]. Возможность исторического повествования, исторического описания связывается с особым культурно-историческим *типом сознания*.

Семиотическая модель исторического познания была в общих чертах намечена в работах Э. Кассирера. Решающую роль в этой модели играет переосмысление понятия *исторического факта*.

Специфику исторического познания Кассирер усматривает в отличии исторического факта от факта естественнонаучного. Исторический факт, как и факт естественнонаучный, обладает объективной истинностью, однако, процедура установления фактов в естествознании и в историческом познании принципиально различна: «Если физик сомневается в результатах эксперимента, он может повторить и уточнить его. Его объекты присутствуют в каждый данный момент в готовности к ответам на его вопросы» [5, с. 647]. Историк же такой возможности лишён, так как его факты принадлежат прошлому, а «прошлое ушло безвозвратно, его нельзя восстановить, нельзя побудить к новой жизни в простом физическом, объективном смысле» [5, с. 647]. Отправная точка исторического познания, поэтому, не эмпирическое наблюдение, а «идеальное воссоздание», реконструкция [5, с. 647]. Непосредственными объектами исторического познания выступают не вещи и события, а документы, источники. «Только через посредство и вмешательство этих символических данных можно понять реальные исторические данные – события и людей прошлого» [5, с. 647-648]. В этой связи на первый план для историка выходит задача расшифровать семиотический код источника. Историк, согласно Кассиреру, «гораздо более лингвист, чем естествоиспытатель» [5, с. 650].

Аналогичную трактовку исторического факта, его знаково-символической природы можно обнаружить и в работах Ю.М. Лотмана. Специфику исторического познания Лотман связывает с тем обстоятельством, что между историческим событием (событием «как оно произошло») и историком всегда стоит *текст*, исторический источник [7, с. 301]. Исторический факт, в отличие от факта естественнонаучного, должен быть *установлен* в процессе семиотического истолкования источников. Процедура установления исторического факта предполагает *реконструкцию семиотического кода*, лежащего в основе того или иного текста. Речь идёт о реконструкции кодов, «которыми пользовался создатель текста, и установлении корреляции их с кодами, которыми пользуется исследователь» [7, с. 302].

Специфика исторического познания связывается Лотманом с тем, что в отличие от опытных наук, в истории факт является не *исходной точкой*, но *результатом* исследования. «Историку предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событие» [7, с. 301]. В области культурно-исторических исследований факт *создается* наукой и не является чем-то абсолютным и неизменным. «Факт относителен по отношению к некоторому универсуму культуры» [7, с. 306]. Значение последнего положение еще далеко не в полной мере осознано в методологии исторического познания.

Семиотическая модель исторического познания предполагает, что значимость того или иного события определяется не его местом в «объективной» структуре исторического бытия, но *культурно-семиотическим контекстом*, господствующим культурным кодом. Создатель текста (исторического источника) фиксирует те события, которые *с его точки зрения*, в контексте *его* культуры представляются значимыми. Более того, контекст культуры как *семиотический* контекст определяет не только *значимость* того или иного факта, его место среди других фактов, но и само его *бытие*. То, что в контексте одной культуры признаётся фактом, в контексте другой культуры может фактом не считаться. То, что признаётся в качестве факта в одну эпоху, в другую эпоху может разоблачаться в качестве иллюзии и заблуждения.

Значимость семиотического подхода и семиотической методологии в историческом исследовании обусловлена спецификой прошлого как объекта познания. Историк всегда имеет дело с текстами исторических источников, которые являются знаками иной – отличной от современной – реальности, реальности исторической. Работа историка по реконструкции реальности исторического прошлого предполагает интерпретацию исторических источников, а там, где мы имеем дело с интерпретацией текстов, мы вступаем в область семиотики.

Список литературы:

1. Дёмин И.В. Идея «конца истории» в постметафизическом контексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5-3. – С. 48-50
2. Дёмин И.В. Позитивная и негативная стратегии преодоления метафизики в современной философии истории // Ценности и смыслы. – 2014. – № 4 (32). – С. 108-122.
3. Дёмин И.В. Постметафизическая философия истории: между онтологическим и лингвистическим поворотами // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2014. – № 1 (15). – С. 43-51.
4. Дёмин И.В. Философия истории в постметафизическом контексте. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2015. – 251 с.

5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
8. Соколов Б.Г. Культура и традиция // Метафизические исследования. Вып. 4. Культура. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 27-49.
9. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 608 с.

ВТОРИЧНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ

© Кузина Н.В.¹

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева», г. Москва

Излагается методика описания сегментации и ассоциативно-вербального строения прозаического художественного текста, а также методики выявления в тексте единиц, имеющих вторичную семантизацию.

Ключевые слова: протоситуация, сегментация текста, частотный словарь, ассоциативность, мифологизм, структурализм, семиотика, проза, М. Шолохов.

Принято считать, что литературному художественному тексту присуще такое явление, как *двойная артикуляция* или *двойное чтение*: 1. Артикуляция лингвистического уровня, исходящая из законов речестроения (называние / рассказывание / наррация), который вводит в произведение некий мир (описывает его состояния и его события); 2. Артикуляция надтекстового (моделирующего) уровня, задача которой состоит в переупорядочивании и ресемантизации того, что введено (описано / рассказано) на лингвистическом уровне (сюда входят все формальные свойства языка и речи, но уже не в речестроительной функции и все формальные и композиционные стратегии).

Соответственно говорится и о двух модусах чтения: 1) ознакомительное, позволяющее узнать, о чем речь – что названо и что происходит в повествуемом мире, и запоминающее (усваивающее) сказанное; 2) систематизирующее или парадигматизирующее (хотя часто оно и параллельно ознакомительному, тем не менее протекает с неким запозданием, задним числом: нельзя систематизировать прежде ознакомления), которое ведет к вы-

---

¹ Начальник отдела аспирантуры, кандидат филологических наук, доцент.

явлению неких ругулярностей и их осмыслению (за ним стоит вопрос: «Зачем рассказывается именно это и именно так?»). Последовательное всего эта точка зрения на литературный текст выдерживается в работах Ежи Фарыно [1, с. 26, 36-37 и др.], где говорится не только о двойной артикуляции, но и об удвоенном (а точнее – о многократном, умноженном) чтении. Мы исходим из положения, согласно которому любая лексическая единица в тексте детерминирована, в нем действует механизм *сведёния*. Операция сведения мотивировки завершена, если в тексте нет «лишних» (избыточных сразу на всех уровнях) элементов. Если элемент избыточен и немотивирован на уровне первой артикуляции, это служит дополнительным указанием на то, что он отобран для реализации какой-то мифопоэтической схемы. Однако при первом чтении нередко читатель сталкивается с единицами, оцениваемыми как необязательные, избыточные, а то и вовсе немотивированные. Целесообразно определить типы мотивировки или критерии, согласно которым единица может восприниматься как обязательная / избыточная:

1) мотивировка с точки зрения принципа правдоподобия в описании объектов отражаемого материального мира (могло ли происходить называемое (вероятностный подход); является ли называемое необходимым и достаточным для описания данного локуса, персонажа и т.д.);

2) лингвистическая мотивировка (соблюдение-нарушение сочетаемости слов, условного стилистического единства; наличие и необходимость распространяющих и уточняющих конструкций);

3) фабульная мотивировка (насколько необходимо то, что названо, для последующего развития действия).

Можно также говорить по способу предъявления об эксплицитной и подразумеваемой мотивировке. Эксплицированная мотивировка возникает, когда в тексте открыто поясняется, что означает и какие функции имеет деталь (например, при описании экзотических топосов).

Условно можно сказать, что это понимание мотивировки связано с *первой артикуляцией*. При *первом чтении* читатель реагирует, как правило, на немотивированные средства первого и второго типов. Для того, чтобы обнаружить немотивированность (избыточность) третьего типа, необходим уже некоторый переход к установкам *второго чтения*. Порядок (последовательность) событий также может иметь мотивировку четвертого типа. Но эту мотивировку можно обнаружить при втором чтении. При первом читатель следит только за содержанием событий. *Второй артикуляции и чтению* соответствует особый тип мотивировки – мотивированность художественная, при которой происходит ресемантизация единиц, обретение ими значения (символического, мифопоэтического), выходящего за пределы статьи толкового словаря.

Целью работы было выявить признаки, указывающие на вторичную семантизацию единицы, и описать закономерности распределения таких единиц по тексту. Базовые положения:

1. Каждая лексическая единица в тексте подвергается *отбору* и мотивирована хотя бы по одному пункту. На наличие у единицы художественной мотивировки (и на их иную, нежели при первой артикуляции, функцию) может указывать: а) ослабление мотивировки одного из трех других типов или избыточность единицы с точки зрения лингвистической, описания реалий, фабульной; б) включение единицы в повтор.

Однако не всегда такой повтор (пункт б) можно назвать повтором в лингвистическом смысле: это может быть повтор как воспроизведение слов с единственной общей семой (той, которая поает слову обрести символический смысл) в значении или слов, ассоциативно сближаемых.

2. Как правило, при развитии вторичной семантики у лексической единицы в тексте актуализируется одна из сем словарного значения и мифологизируется один из признаков, одна из характеристик, функций названного при помощи данного слова предмета. Для выявления того, какое именно вторичное значение приобретает единицей, необходимо выдвижение гипотез об этом значении и дальнейший поиск аргументов в виде разного типа повторов данного смысла в тексте. Обладающий художественной мотивированностью элемент имеет в тексте *подкрепление*, т.е. должен быть подтвержден повтором единицы со сходной семантикой: реже – полным или корневым (поскольку речь идет о повторе не в привычном лингвистическом смысле, а понятие *семантика* в данном случае отличается от того, что можно прочесть о слове в толковом словаре), иногда – звуковым, чаще – через воспроизведение одной из сем, либо повтором через ассоциативное сближение. Если повтор и подкрепление отсутствуют, избирается другая сема, предположительно участвующая в процессе вторичной семантизации, и по отношению к ней проводится аналогичная операция поиска подкрепления. Принципы выведения семантики от слова к слову продемонстрированы, например, Фарыно [2].

3. Единицы, имеющие художественную мотивировку, редко появляются в тексте по одной, как правило подаются в комплексах. Универсальный механизм строения завершенного повествовательного текста – неоднократное воспроизведение устойчивого для данного текста набора обладающих художественной мотивировкой единиц, обнаруживаемый на втором уровне семантический параллелизм ситуаций, прочитанных на первом уровне артикуляции. Такой набор смыслов мы условно называем *протоситуацией*. Протоситуация понимается как двухуровневая единица: а) набор единиц (лексем, а чаще – сем (смыслов)), вне фразового строения, обладающих ослабленной мотивировкой (или избыточностью) на одном из трех первых уровней и воспроизводимых в виде серии повторов, б) реализация данного набора смыслов на фабульном уровне, некий *фабульный инвариант*.

4. Текст (рассказ или выделенная автором пробелами, порядковым номером глава романа / повести) в своей основе имеет одну *протоситуацию* (как

фабульный инвариант и как набор смыслов). С окончательным проговариванием протоситуации (или, изредка, подготовкой к нему, а затем – умолчанием) обычно завершается выполнение художественного задания текста. Протоситуацию образуют подкрепленные семантические компоненты. Ранее сходный анализ был предпринят в работах 1999, 2002, 2003 гг. [3; 4; 5].

5. Каждая имеющая художественную мотивировку деталь задается (и затем подкрепляется) при помощи *ассоциативно-вербальных рядов* (ABP), состоящих из *ассоциативно-вербальных единиц* (ABE): лексем, сем, элементов звукового облика. *Ассоциативно-вербальным рядом* будем называть ряд повторяющихся варьируемых элементов, вне зависимости от того, лексический ли это, корневой повтор, повтор слов одного семантического поля или ассоциативного ряда. Обозначается ABP ведущей лексемой ряда (например, «ABP *влага*» или «ABP *повреждение поверхности*»).

6. Набор лексем или сем (нередко – подобий звукового облика нужной единицы, например, через слово-пароним или звуковой повтор), задающих центральную ситуацию текста, устойчиво воспроизводится, но в разном контексте, в более / менее эксплицированной форме, полном / неполном составе, пока ситуация не будет проговорена до конца. Как правило, сама лексема повторяется дважды или трижды, в остальном серию достраивают слова, имеющие в своем значении сходную сему и развивающие на ее основе вторичную семантику. Иначе: текст может быть представлен как серия воспроизведений каждый раз иначе словесно оформленного семантического комплекса, состоящего из элементов основных ABP и отражающего протоситуацию, *фабульный инвариант*. С одной стороны, в основе механизма распределения по тексту единиц, обладающих вторичной семантикой, лежит повтор. С другой стороны, повторяющиеся элементы опознаются с трудом, потому что каждый раз оказываются представленными с помощью иных единиц, нередко связанных между собой единственной семой или ассоциативно. Действуют принципы сохранения вторичной семантики и одновременно трансформации лексической среды, в которой эта семантика возникает. Иначе: при движении фабулы в тексте от воспроизведения к воспроизведению добавляется часть лексических средств, формирующих это движение, но заданный набор ABP сохраняется, вступая в новые взаимосвязи с лексическими средствами, отвечающими за движение фабулы. Можно, очевидно, говорить о явлении речевой инерции (в данном случае это явление сходное, но иное, нежели повторы в тема-рематическом строении текста), когда последующая фраза несет в себе отголоски ассоциативного ряда предыдущей. Нарратологи в этом случае говорят об эквиваленциях в тексте (В. Шмид), лингвисты – о проблеме ассоциативной когезии. Фарыно Е. использует при характеристике данного явления сравнение с эффектом *наложения кадров*: подобие ситуаций, между которыми, возможно, нет фабульной связи, однако устанавливается семантический параллелизм. В качестве примера им указа-

ны при этом два фрагмента рассказа «Полотенце с петухом» М. Булгакова, где ситуация падения чемодан на ноги персонажа-врача оказывается описанной так, как могла быть описана (при помощи какой лексики) опущенная в тексте ситуация попадания в мялку и повреждения ног его будущей пациентки [1, с. 33]. Иначе можно обозначить этот механизм как *серию реализаций кадра-инварианта с градацией семантики*. Иначе: можно говорить о взаимоподдержке мотивов, реализации мотивемы в виде алломотивов.

7. «Категории начала и конца текста имеют особую моделирующую функцию» [6, с. 259], причем «кодирующая функция в современном повествовательном тексте отнесена к началу» [6, с. 265], т.е. протоситуация, как правило, оказывается впервые проговоренной в зачине. Компоненты ее могут мотивироваться в большей степени художественным заданием (при рациональном письме) или биографическим затекстом (при ассоциативном письме). Необходимо (как это происходит в спонтанных текстах) говорить о еще одном типе мотивировки – личностным затекстом. Она наиболее отчетливо действует, очевидно, в том случае, когда автор следует ассоциативной (иррациональной) системе письма. Как правило, протоситуация текста восходит к инвариантным для человеческого сознания архетипическим моделям.

8. Повествовательной единицей, в которой происходит одно проговаривание протоситуации, является *повествовательный блок* (ПБ) – строительная единица уровня наррации, близкая *сверхфразовому единству, информационному блоку, анекдоту* в значении законченной истории. ПБ выделяется исследователем, является неэлементарной единицей повествования, более крупной, чем *мотив*. ПБ считается фрагмент текста, описывающий завершенное действие, движение. Границей ПБ считается момент перехода действия в иной локус, смена времени действия, модальности, персонажа, эмоциональной тональности. Условие выделения блока – возможность свертывания его содержания до словосочетания или назывного предложения (возможность озаглавливания, одна повествовательная тема, очевидно – одно событие). Между блоками существуют поддерживающиеся на лексико-семантическом и ассоциативном уровне взаимосвязи. В каждом блоке присутствуют лексические средства двух типов: 1) отвечающие за движение сюжета, 2) отвечающие за сохранение протоситуации (набора АВЕ (как правило, в пределах блока каждая единица встречается однократно, но есть и отклонения) разных АВР (всех или подавляющей части из входящих в протоситуацию)). Если писатель поставил себе целью что-то рассказать, пока задуманное не осуществиться до конца, кадр, воспроизводящий протоситуацию, будет налагаться на кадры, ответственные за движение сюжета. Обнаружение единой, сходной для всех ПБ семантики, – результат второго чтения текста.

При исследовании, помимо традиционной методики медленного чтения, используется экспериментальный подход (опрос аудитории – выделение повествовательных блоков и единиц с ослабленной мотивировкой, проходя-

щих ресемантизацию) и выявление динамики повторов при помощи автоматизированно составленного словаря текста с указанием адресов (т.е. порядковых номеров) графических слов. Материалом исследования являлись циклы рассказов середины XIX – середины XX века. Здесь проиллюстрируем наблюдения на примере часто анализируемого рассказа 20-х годов XX века «Родинка» М. Шолохова. Текст приводится по указанному в списке литературы изданию [10]. Всего в тексте двадцать повествовательных блоков, разделенных на шесть помеченных римскими цифрами и две помеченных звездочками единиц рубрикации (см. таблицу).

При построении ассоциативно-вербального ряда писатель ориентируется на эффект остранения, возникающий при восприятии единицы, несоответствующей контексту, в сознании читателя. Мотивировка лексических средств текста с точки зрения правдоподобия чаще всего соблюдается. В данной работе остаются в стороне случаи нарочитого отступления от правдоподобия в некоторых текстах романтиков и в фантастике XX века. Однако эти средства могут быть избыточны. Компоненты АВР могут быть размещены в тексте с разной степенью концентрации, «тесноты ряда» (одна, две, несколько единиц, обладающих ослабленной мотивированностью на первых трех уровнях в пределах предложения). Классический пример высокой концентрации элементов АВР – первый повествовательный блок рассказа «Родинка», занимающий менее одного абзаца: «На столе гильзы патронные, пахнущие сторевшим порохом, баранья кость, полевая карта, сводка, уздечка наборная с душком лошадиного пота, краюха хлеба. Все это на столе, а на лавке тесаной, заплесневевшей от сырой стены, спиной плотно к подоконнику прижавшись, Николка Кошевой, командир эскадрона сидит. Карандаш в пальцах его изящных, недвижимых. Рядом с давнишними плакатами, распластанными на столе, – анкета, наполовину заполненная. Шершавый лист скупно рассказывает: Кошевой Николай. Командир эскадрона. Землероб. Член РКСМ». На первый взгляд, с точки зрения правдоподобия и отображения реального мира в первом фрагменте многое мотивировано обстоятельствами гражданской войны. С точки зрения лингвистического оформления стилизовые сбои-повторы, возможно, передают пафос советской эстетики (простота, аскетизм). При втором чтении оказываются видны детали, не включенные затем в фабульный ряд, или, напротив, нарочито в нем повторяющиеся, а также детали, подвергающиеся вторичной семантизации. Как уже отмечалось, на символический уровень толкования читателя переводят (даже в момент первого чтения) единицы, немотивированные на реалистическом и лингвистическом уровне, избыточные на фабульном уровне. Эти детали, очевидно, участвуют в формировании свободных мотивов. Наибольшее ощущение нарочитости возникает в том случае, когда немотивированность присуща единице на всех трех уровнях. Взгляд читателя оказывается прикован к слову, присутствие которого в тексте не объяснено. При соблю-

дении требований мотивированности первого круга артикуляции читатель может не заметить художественного и остаться на уровне наивно-натуралистического восприятия текста. Немотивированные лексические единицы остраивают восприятие и служат узлами перехода к осознанию второго типа артикуляции.

Остановимся на двух деталях приведенного фрагмента – 1) *лавка тесаная, заплесневевшая от сырой стены*, и положение на ней персонажа; 2) *пальцы избывшие, недвижимые* – и поясним, как выявляется их мотивированность с точки зрения принципа правдоподобия в описании объектов отражаемого материального мира. В первом случае отбор единицы *лавка* обусловлен двумя причинами: персонажу необходимо на чем-то сидеть, если он изображен заполняющим анкету (логично и вероятно, что это происходит, когда персонаж сидит); в казацкой избе лавка – наиболее соответствующий вероятностному подходу предмет для сидения. Очевидно, упоминание лавки было необходимо, уровень мотивированности с точки зрения правдоподобия высок. Мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько с точки зрения правдоподобия мотивировано само это действие: заполнение анкеты. Кажется очевидным, что описание такого действия – композиционная манипуляция Шолохова, позволяющая познакомить с персонажем, не создавая образа всезнающего повествователя и не вводя в текст экскурс в прошлое. Кроме того, очевидно, что сам факт записывания и создания изображения также получает мотивировку четвертого типа, о которой будет сказано позднее.

С лингвистической точки зрения *лавка* может быть описана как *широкая, узкая, деревянная, тесаная* и т.д. То есть пояснение, какая именно это лавка, возможно, но уже менее необходимо. В данном случае важен отбор лексемы *тесаная*. Лексема *тесаный* имеет ограниченную сочетаемость. Ее название вызывает в сознании читателя воспоминание о других единицах, возможных при данном определении. Немотивированным с точки зрения правдоподобия было бы приписывание признака типа *железная лавка*. В таком случае признак развивал бы, очевидно, вторичную семантику. В данном тексте происходит подобное – лавка оказывается *заплесневевшей*. Вероятность существования *заплесневевшей лавки* в казацкой избе мала, но само наличие такого признака не противоречит принципу правдоподобия. Указывает на символизацию детали избыточная (необязательная) синтаксическая конструкция, куда входит слово-признак (причастный оборот, стоящий после инверсии существительное + прилагательное). Фабульная мотивировка детали не срабатывает – лавка не будет находиться в центре событий. Однако для судьбы персонажа, сидящего на лавке, будет важно положение тела: *сидеть-лежать*. После того, как персонаж лишается возможности сидеть (в данном случае на лошади), он гибнет. Персонажи в тексте либо сидят (Николка – на коне в детстве, на лавке в зачине и в момент визита Лукича, на коне – перед смертью; атаман – на коне; казак на гербе Области войска Дон-

ского – *телешом на бочке винной*), либо идут (при этом положение их неустойчиво: атаман – покачивается на дуговатых ногах; Лукич прихрамывает) либо лишаются устойчивого положения (падают на колени, на землю – Лукич, Николка, атаман). На значимость положения тела на лавке указывают избыточные с лингвистической точки зрения уточнения позы (распространение второстепенной детали): *плотно к подоконнику прижавшись*. Необходимо также оказывается ответить на вопрос: насколько вероятно, что кто-либо может сидеть в казацкой избе спиной к окну? В реальности наиболее вероятным является случай, когда персонаж сидит лицом к окну (как источнику света). Как можно объяснить ситуацию иного положения тела?

По замечанию Фарыно, в деревенских избах скамейки действительно стоят у стен – за столом и по бокам, а не перед столом – для экономии места, чтобы не занимать середины избы. Таким образом, ситуация *сидеть боком или спиной к окну* оказывается естественной и вероятной. По замечанию Фарыно, лавки могут стоять перед столом в том случае, когда в избе много народа.

Однако персонаж не просто *сидит*, а *пишет*. Кроме того, Шолохов осуществляет операцию отбора – Николка мог быть посажен боком к окну. Оказывается необходимо, но не мотивировано однозначно, чтобы он сидел к окну спиной. Вероятность того, что в реальном мире кто-либо будет что-то писать, сидя спиной к окну, – мала. Следовательно, внешне возможная ситуация оказывается искусственно выстроенной Шолоховым и мотивируемой иначе, нежели реалистически. Присутствует слабая фабульная мотивировка (она же – с точки зрения прагматики): Николка должен видеть вошедшего. Как, например, потом увидит Лукича. Далее по тексту окно (его символика в культуре как границы миров общепринята и хорошо известна) как факт обстановки никак не фигурирует (как и подоконник), однако описывается спина персонажа, которая также приобретает вторичную семантику, связанную с положением на грани жизни и смерти: становится средством соотнесения его со стариком (*спина, по стариковски сутулая*) и затем косвенно упоминается при описании его (и других персонажей) положения в пространстве (*лежит на спине, навзничь*). См., например, эксплицированную семантику окна у Пастернака: «И с улицы дуло в окно» («В больнице»). В этой же фразе использовано еще одно мощное средство создание параллелизма образов старика Лукича и Николки: «Старят его глаза в морщинках лучистых». Помимо звукового подобия с отчеством Лукич используемого Шолоховым определения для глаз Николки, необходимо указать и на происхождение имени Лука от латинского «светоносный». Это сопоставление позволяет выйти на основную этическую идею рассказа: оскорбив старика (отца), атаман (впадая в трагическую вину) как бы лишает себя собственного рода и будущего в лице Николки (наказание за вину). Именно Лукич выполняет по отношению к Николке родительские функции – поит молоком (ср. телок и корова), тогда как взаимоотношения не узнающих друг друга отца и сына – атамана

и Николки – связаны со зловещей реализацией метафоры кровного родства (слова атамана: «Кровинушка ты моя!»); после убийства атаман «руки измазал в крови» сына).

В случае с характеристикой пальцев (*иззябшие, недвижные*) мотивировка с точки зрения реалий описываемого мира срабатывает, однако в зачине рассказа указывается не на холод, а на сырость. Указание на то, что время действия текста – осень, а по утрам случаются заморозки, возникнет только в блоках 5 (*утро морозное*) и 11 (*«Зарею стукнули первые заморозки»*). Не вполне мотивировано логически также и то, что Николка по какой-то причине живет в сырой избе (речь и о том, что лавка заплесневелая, а стена сырая, и о том, что изба кажется сырой самому Николке). На фабульном уровне это не нужно и не востребовано, с точки зрения реалий материального мира – маловероятно, но возможно. Кроме того, помимо указания на сырость в первом блоке, Шолохов включает избыточное на фабульном уровне отступление об избе в пятом: «По ночам в бурю *волны стучатся* под яром, *стави тоскуют, захлебываясь*, и чудится Николке, что *вода вкрадчиво ползет в щели пола и, прибывая, трясет хату*». В зачинном блоке, возможно, указание на иззябшие пальцы необходимо для того, чтобы дополнительно объяснить то, почему Николка пишет медленно и карандаш останавливается (еще две эксплицитные мотивировки: 1) стесняется возраста, 2) пишет с ошибками). Синтаксическая конструкция, куда входит деталь *пальцы иззябшие, недвижные*, – эллиптическое предложение и инверсия в его рамках – дополнительно выделяет ее на лингвистическом уровне. Кроме того, два названных прилагательных отчасти дублируют смысл друг друга (*недвижный* воспринимается как избыточное уточнение). Роль детали в фабуле станет ясна только в блоке 19, где будут названы *мелкий озноб ног, холодеющее тело, стынущие руки* умирающего Николки. Являющиеся отступлением от вероятностного подхода при мотивировке с точки зрения достоверности *заплесневевшая* лавка и описание *сырости* в избе выводят на осмысление воды (влаги) как пограничного пространства и сущности, ответственной за поддержание жизни (также *молоко, кровь*). АВР сырость (вода) формируется из элементов, выводимых друг из друга:

- 1) *как в воду канул* отец Николки (забвение и неизвестность);
- 2) вода как место, где происходит купание военкома и Николки; вода, стучающаяся под яром и просачивающаяся в хату, как кажется Николке (как предвестие, в том числе гибели);
- 3) *вороненая сталь воды* (эксплицированная связь воды и смерти (соединение с темой оружия));
- 4) вода, облизывающая сваи мельницы-водянки (указание на место перехода, гибели – недалеко от мельницы произойдет смерть Николки);
- 5) *самогон как роса или слеза девичья, бочка винная*;
- 6) *молоко и молочные лоскутья тумана*;

7) звуковой повтор -пл-;

8) *вытекающая* (чаще всего струйкой) *вода* или иная жидкость: *молоко*, звенящее о стенки цибарки, лента *черной крови* лошади нарочного, *углы губ слюнявил слюною Лукич* (эта ситуация повторяет ситуацию, когда погибнут Николка и атаман: *кровь течет бугристым валом*);

9) *измазать в жидкости*: хатенка Лукича *измазана* в молочном тумане, атаман *измазал* руки *в крови* Николки;

10) цветовой и иное указание на капли, подобные каплям крови: например, *серебряной проседью брызнуло* на листья кувшинок, *янтарные брызги* гуген на лежащем бугром шляху; *вишневый садик*, куда выходит и ложится на заплаканную, *седую от росы* траву Николка.

Молоко, единственная АВЕ, обладающая в этом ряду по тексту положительной коннотацией, также оказывается в общекультурном смысле надельно амбивалентной символикой и сопоставляется с водой [9, т. 2, с. 99]. Маркированными в первом блоке рассказа являются АВЕ:

1) *баранья кость* (отсутствие, на первый взгляд, логической мотивировки данной детали среди перечисленных прочих вещей, лежащих на столе в художественной реальности);

2) *душок* (обладающее добавочными коннотациями – нечто «пропавшее», испортившееся, смердящее (т.е. связанное ассоциативно с понятием «мертвое» – как бы уздечка есть, а лошади, которая погибнет в тексте позже, но дважды, уже нет, хотя событие еще не произошло), вместо нейтрального *пахнувшая*, уже использованного в представлении предшествующей детали, двукратное указание на один и тот же смысл также избыточно);

3) *лавка тесаная, заплесневевшая от сырой стены* (избыточное распространение, сюжетно не мотивировано: читателю нет необходимости знать, что лавка *тесаная* и *заплесневевшая* – в том числе и почему, так как в дальнейшем она фигурировать в тексте уже не будет);

4) *стиной* (избыточная деталь, фабульно не мотивирована);

5) *пальцы иззябшие, недвижимые* (время года и температура не указаны; если говорить о логической мотивировке, холод косвенно мотивирован указанием на сырость помещения – стены и лавки);

6) звуковой повтор *плотно* – *плакатами, распластанными на столе* – *наполовину заполненная* (плакаты, поддерживающие отчасти семантику бумаги (сводки, анкеты), и особое указание (образное) на их положение на столе не мотивированы семантикой, это предполагает косвенную мотивировку – звуковую (через повтор – либо звукоподражательный, либо отсылающий к словам, имеющим тот же звуковой комплекс) или метафорическую (когда, например, то же лексическое средство может быть позднее использовано в другом значении или опущено при описании ситуации, где могло бы быть – где производится действие, описываемое обычно именно через эту лексику: не упомянутое, но совершенное *распластать шашкой*);

7) *шершавый* (в ответ на этот стимул и вопрос «Что может быть шершавым?» опрашиваемые филологи обычно отвечают реакцией *шершавый язык* или цитатой – *шершавый язык плаката*).

Необходимо также отметить избыточность:

1) характеристики *патронные* гильзы и нарочитого распространения описания объекта (в принципе, логическая мотивировка положения их на столе также под вопросом: это отработанный материал, который обычно не хранится, следовательно, его размещение на столе необходимо автору текста не как реалистический антураж, а с иной целью);

2) указания не то, что уздечка *конская* и также нарочитое распространение описания объекта, тем более – введение лексемы *душок*;

3) дублирования имени персонажа с перестановкой имени и фамилии и формирующейся во втором случае рифмой;

4) упоминания *подоконника* (к тому же он находится позади персонажа – это дополнительное указание на отмеченность ситуации);

5) обстоятельства *скупо* (указание на метафорическое свойство, присущее человеку, в данном случае – на краткость и немногословие, сложность получения информации).

Значимость в целом объектов, положенных на стол, подчеркивается двукратным повтором *на столе*, положение в пространстве – оппозицией *все это на столе* VS. *на лавке Николка Кошевой*, выбор деталей – наличием перечислительной конструкции и в том числе – инверсиями (*гильзы патронные, уздечка наборная, лавка тесаная, пальцы избывшие, недвижимые* и т.д.). Задана также ситуация подобия между бумагами, лежащими на столе, – *давнишние плакаты – полевая карта, сводка – анкета, наполовину заполненная*.

На имени персонажа, повторяющемся и в других текстах Шолохова, необходимо остановиться отдельно. Фамилия Кошевой – производное от нарицательного кошевой (предводитель коша). Согласно Фасмеру, семантика изначального кош двояка: 1) киргизское, башкирское, балакарское, турецкое кош и русское кош – овечья отара, пастушеский стан, шалаш и др.; 2) старославянское и др. кошь – корзина, короб и др. [10, с. 359]. Если учитывать размытость этимологии слов в народном сознании, то Кошевой – в соответствии с образностью текста также прочитывается как имеющий отношение к овцам или к материалу, из которого сплетена корзина (камыш или лоза). Таким образом, фамилия персонажа также может отсылать к мифу о животном (которое в общекультурном плане осознается как чаще всего приносящееся в жертву) и к растительному мифу. Оба эти мифа действительно представлены в тексте: животный – многократными сопоставлениями персонажей с животными и птицами и, в частности, именем персонажа – Николай (святой, являющийся охранителем от волков [9, с. 413]; см. также в тексте указание на то, что отряд атамана уходит от Николки как «набелившийся волк от отары»); растительный – обозначением Николки как куги зеленой

(губчатый тростник, материал для плетения – по В.И.Далю) и сравнением – ус пшеницы-гарновки как у семнадцатилетнего парня.

Данные АВЕ включены в ассоциативно-вербальные ряды, формирующие протоситуацию текста:

1) *животное / птица*, ситуация *хищник VS. жертва* (Николка, в частности, будет соотнесен в тексте с телком, сосуном, его отряд – с овечьей отарой; атаман – с волком);

2) *влага / вода* (Николка живет в сырой «домовине», смерть персонажа происходит недалеко от водяной мельницы, сам он заранее *зелен (куга зеленая)*, как и *зеленое расплескавшееся Обдолье*);

3) *смерть* (использованные патроны, лежащие заранее на столе, отзовутся боем, описанием которого завершается текст; атаман рубит шашкой Николку, когда у того кончилась обойма; гибнут две лошади – помимо патернальной символики в коллективном бессознательном, коню свойственна амбивалентность как посреднику между мирами [9, с. 517], Николка, стреляется атаман);

4) *растительность / хлеб* (тема самогона – пьянства атамана; унижение хозяина мельницы Лукича и воровство хлеба как событие, частично мотивирующее погоню Николки за атаманом; растительный миф как миф об умирающем и воскресающем боге; хлеб как указание на поглощение пищи – в финале текста пища будет заменена выстрелом атамана в рот);

5) *положение в пространстве* (*сидит* и положение лежащего тела – *распластанный*);

6) *способ убийства* (удар шашкой – *распластанные плакаты*, упоминание позднее (в качестве языковой игры) *косы*, обнимающей Дон, *клинышков жита* и т.д.);

7) *изображение / надпись* (сводка; карта; давнишние плакаты; картинка, изображающая в памяти детство персонажа; представление-икона и икона, на которую молится Лукич в комнате Николки; три креста на пакете нарочного, сообщающего о прорыве банды; герб Области Войска Донского – «пьяный казак, телешом сидящий на бочке винной»; родинка).

Таким образом, *гильзы, карта, плакаты, сводка* (в том числе и их положение на столе), *баранья кость, уздечка без коня, сырость, хлеб, недвижные пальцы, стол и тесаная лавка* связаны с описанием ситуации смерти главного героя (Прилагательное *тесаная* в качестве стимула вызывает у опрашиваемых студентов-филологов реакцию-аллюзию *тесаные дроги*). Лавка и стол также осознаются как место, где может находиться мертвое тело (это подкреплено затем в тексте упоминанием того, что уснувший Николка поднимает свою голову, лежащую на столе, в момент появления Лукича, молящегося на угол, где сидит эскадронный). Звуковой повтор *-пл-* указывает на воду-влагу (в данном случае – звукопись, связанная с лексемами типа *плыть, плескать* и т.д.) и положение в пространстве, причину смерти (*распластанный на земле, распластать шашкой*).

Выявление *подкрепления* – шаг, связанный с проверкой гипотезы о наличии у единицы вторичной семантики (четвертого типа мотивировки) и присутствия в тексте соответствующего АБР, об актуализации именно данной его семантики. Первый вопрос, возникающий в связи с необходимостью художественной мотивировки при чтении зачинного ПБ рассказа «Родинка», сформулированный Е. Фарыно: «Для чего *баранья кость* и кто съел барана?» Мотивировка аудитории с точки зрения правдоподобия (затекстовая, наивно-натуралистическая): «Это гражданская война, военный быт убог. Речь идет о мужчине на войне, он неаккуратен». Мотивировка аудитории (исходя из общекультурной семантики и подкрепления этой семантики в тексте), осведомленной об основных приемах поиска подкрепления: «Необходимо выяснить, как в рассказе представлены семантические поля «животное» и «пища», возможно – «жертвенное животное», так как в общекультурном плане баран нередко выступает как жертвенное животное. Необходимо посмотреть, как соотносится в тексте с этим животным персонаж, который сидит за столом». Помимо избыточности (необязательности) детали, средством указания на наличие символики является повтор. Он помогает еще раз зафиксировать необходимую семантику единицы, но уже в соотношении с иным контекстом и иными деталями. В тексте рассказа эффект *подкрепления* для *бараньей кости* (учитывается 1) семантика животного и 2) кости как составной части тела или указания на мертвое, остатки пищи) срабатывает в нескольких направлениях:

1) описание ситуации поедания и прямое или метафорическое указание на части разделанной туши, обозначение мяса (блок 1 – *баранья кость*; блок 6 – «банда пробилась из *Сальского* округа»; блок 8 – отряд атамана уходит от Николки, «как *набелившийся* волк от *овечьей отары*»; от *костей отстающее тело* Лукича; Николка «в пуху и перьях» (ситуация, сходная с описываемой: сопоставление с птицей или метафорическое поедание птицы); блок 18 – «*обмякло под ударом тело*»);

2) указание на кость как часть тела человека или животного (блок 1 – *кость*; блок 2 – Николкины *скулы*; блок 3 – *острая хребтина* коня, *щиколотка* отца и сына; блок 19 – *хрустящее колено*, *щиколотка* и т.д.);

3) упоминание животного, семантика которого в общекультурном смысле подобна семантике барана, в том числе отождествление животного с персонажем (блок 3 – Николка «*мыкался* по работникам»; блок 5 – «*телок мычит* требовательно и басовито»; блок 8 – «*овечья отара*»; душа атамана – «*бычачьи следы*»; Николка – *щенок белогубый, сосун* (как детеныш животного));

4) описание смерти какого-либо животного (блок 6, 7 – издохшая лошадь; блок 18 – выстрел атамана «в нараставшую черную бурку», убитая лошадь, зарубленный Николка, сравниваемый со «щенком белогубым», «со-суном»; смерть Николки и смерть лошади нарочного показана через описание вытекающей ленты или бугра (крови));

5) иные случаи опосредованного сопоставления персонажа и животного (например, многократное упоминание черной бурки у Николки).

По замечанию Й. Надажевской, шиколотка, как наименование части ноги, по-польски еще более прозрачно связана с семантикой кости (кость). Согласно Фасмеру, шиколотка также имеет соотношенность с иными наименованиями костей [9, с. 507]. Бурка – мохнатый плащ из тонкого войлока до колен или длиннее. По этому признаку Николка может быть отнесен к животным, семантически подобным барану. Однако бурка названа черной, поэтому семантика размывается, дополняется и возможной параллелью с волком (тем более, что однажды в тексте такая перестановка присутствовала: атаман уходил как набелившийся волк от овечьей отары от эскадрона Николки, т.е. Николка выступал в функции преследователя, что для «бараньей» роли не свойственно). Если говорить об общекультурной семантике кости, которая актуализирована в рассказе (так же, как и в «Переходе через Збруч» И. Бабеля), то кость связана с понятием рода (*своя кость*, *чужая кость* (по аналогии со *своя кровь*, «*Чужая кровь*» (название рассказа Шолохова)), *белая кость*, *черная кость*), почитанием родительского начала или святости (мощи). Николка и атаман в этой системе оказываются во многом персонажами изоморфными, а не только противопоставленными как хищник и жертва. Изоморфизм создается за счет упоминания одинаковой родинки (что делает каждого из персонажей амбивалентным), указания на отвагу и любовь к лошадям, сопоставление с птичьими и животными образами, указания на то, что Николка выглядит старше своего возраста, и, следовательно, еще более похож на отца (*спина, по стариковски сутулая*, *водит эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира* и т.д.). Изоморфизм образов подчеркивается и через называние Николки и телком, и щенком одновременно: согласно обряду, для того, чтобы сохранить приплод, при рождении потомства у коровы говорили, что «это не теленок, а волчонок» [8, с. 417]. В этой ситуации *баранья кость* может указывать на сидящего за столом как жертву и праведника (что будет подтверждено далее), предвосхищать ситуацию жертвы, говорить о смещении ориентиров в художественной реальности, где палач и жертва могут быть взаимозаменяемы (если барана съел Николка), и актуализировать общекультурную символику рода и мощей. Любопытно то, что единственный персонаж, которому в тексте косвенно приписывается функция приготовления еды – это женщина: *мать* Николки, стоящая *в дверях стряпки* в его воспоминании, и *смуглощекие жалмерки* (как бы замещающие в тексте умершую мать), *вываривающие* самогон. Причем и в первом, и во втором случае рядом с упоминанием этого персонажа возникает и указание на подобие кости или элементов туши: в первом случае – *ноги Николки, окарачавшие острую хребтину коня*; во втором – *бычачьи копыта* и опрокинутая *жадная черноземная утроба* земли. Обращаясь к метафорическим уподоблениям персонажей, необходимо сказать и о поддержке мо-

тивации такой детали, как указание на размер родинки – *с голубиное яйцо*. В рассказе нагнетается птичья символика: блок 10 – *турецкая феллога со смолистым соленым крылом*, блок 15 – *Николкина голова в пуху и перьях*, блок 16 – *он хочет заломить крыло банде*, блок 18 – *раскрылатившись, скачет в сторону атамана*, блок 5, 6 – повторяется языковая игра *выйти на крыльцо*. Лукич, у которого на мельнице живет *голубь*, называет Николку *касатик*, актуализируя птичье. Атаман называет неузнанного сына – *щенок*, *сосун*, актуализируя животную символику, причем указывая на скорую гибель персонажа. Необходимо отметить двойственный характер этого наименования. Согласно А. Преображенскому и М. Фасмеру, щенок – не только обозначение младшего ребенка, но и родственное волчонку [7; 10, с. 502]. Необходимо указать на изоморфизм сопоставления персонажа с птицей и животным, а также описания «поедания» птицы или животного. Оба ряда сопоставлений, во-первых, выводят на ситуацию хищник VS. жертва (волк VS. овечья отара, баран (а также телок, сосун, щенок); коршун VS. голубь), во вторых – восходят к религиозной символике – обряду жертвоприношения (особенно отчетливо в случае с животным) и символики чистой души (называние голубя и детенышей животных) как носителя божественного духа (голубь на мельнице Лукича, родинка с голубиное яйцо у Николки). Родинка – не только от род, родиться, но и примета нечистого (ср. однокоренное родимец, например). Иначе, родинка в традиционной культуре рассматривается как дьявольская мета. Однако есть и поверье об обилии родинок как указании на счастливого человека. Второй смысл реализуется в высказывании военкома при купании. Однако, во-первых, здесь использован прием трагической иронии (родинка ни счастья, ни несчастья своему обладателю не принесет: несчастлив окажется из-за наличия родинки у Николки переживающий ситуацию «узнавания» атаман – в буквальном смысле заплатит за то, что увидит ее, жизнью), во-вторых, нужно принять во внимание, кто и когда рассказывает об этом поверье (дело происходит на реке, т.е. «на границе» миров, где понятия зыбки, а рассказчик – заикающийся военком, при этом очевидно, физический дефект персонажа, который больше не появляется в тексте, был необходим для поддержания семантики «скупости, затрудненности передачи информации» (как в случае с шершавым листом и Николкой, закусившем после смерти язык) и указания на его функцию вестника и психопомпа, причем вестника «наоборот» (т.к. физическое уродство часто является метой персонажа inferнального). Любопытно то, что и заикание военкома (т.е. невозможность передавать информацию), и родинка Николки как помета (то ли счастливая, то ли указывающая на принадлежность к inferнальным персонажам), и немотивированная хромота Лукича ставят их в ситуацию подобию друг другу. Необходимо отметить, что рассказ построен в строгом соответствии с требованиями трагедии (например, «Ипполит» Еврипида, «Андромаха», «Федра» Расина): Николка выступает как аналог идеального персон-

нажа (жертвы), атаман – трагического героя (в силу обстоятельств или собственного поступка (в данном случае – унижения Лукича) несущего трагическую вину). Из всего спектра вопросов о мотивировке АВЕ первого блока показателен также вопрос: «Почему в тексте специально указано, что персонаж сидит спиной к окну?» Наиболее оригинальная мотивировка была дана Е.Т. Камалетдиновой (исходя из мифопоэтических свойств пространства избы): «Персонаж сидит ногами к двери, возможно, это указание на его скорую гибель?». Это предположение, на первый взгляд неподтверждаемое текстом зачина, на самом деле объяснимо: к таким выводам приводит фон первого блока (тесаная лавка, указание на кость, сырость, недвижимые пальцы персонажа и т.д.). Если семантика двери важна для автора, то дверь должна появиться в тексте и далее (участвовать в протоситуации), а сема со значением границы – войти в состав набора смыслов серии повторов. Подкрепление присутствует: в блоке 2, в частности, названа дверь стряпки, из которой смотрит мать Николки. Важно в эпизоде то, что взгляд матери направлен на ноги Николки и немотивированно описан как испуганный (это предвосхищает взгляд атамана на ногу сына с родинкой), обратное финальному движение (отец сажает сына на коня, в финале атаман будет причиной того, что сын окажется на земле, но и мать и отец уже боятся этого) и указание на последующую смерть матери (которая мифологически мотивирована ее положением в дверях, а ее знание о судьбе сына и потому опасение за него – тем, что это двери стряпки, т.е. кухни: кухарка и повар обычно выступают в роли вестников и психопомпов). Ситуация смерти поддерживается указанием на полусон. К описанию сцены гибели Николки и его молчанию после смерти отсылают «кричал он» (об атамане, который кричит и перед тем, как зарубить сына) и оборот «не слуху, ни духу» (невозможность передачи информации, как и в случае с молчащим Николкой): «Помнит, будто в *полусне*, когда ему было лет пять-шесть, *сажал его отец на коня* своего служивского.

– За гриву держись, сынок! – *кричал он*, а мать из дверей стряпки улыбалась Николке, *бледнея*, и *глазами широко раскрытыми глядела на ножонки*, окарачившие острую хребтину коня, и на отца, державшего повод. Давно это было. Пропал в германскую войну Николкин отец, как в воду канул. *Ни слуху о нем, ни духу*. Мать померла».

Николка впоследствии выходит из двери на крыльцо (блок 5) и принимает позу, изоморфную той, в которой окажется, будучи мертвым (снова упомянуты ноги – сапоги, попытка снять которые окажется затем причиной того, что атаман увидит родинку), упоминаются также плач и ситуация повреждения (ломаю): «Хотел он на другую квартиру *перейти*, да так и *не перешел*, остался до осени. Утром морозным на крыльцо *вышел* Николка, хрупкую тишину *ломаю* перезвоном *подкованных сапог*. Спустился в вишневы садик и *лег* на траву, *заплаканную*, седую от росы». Любопытно то, что немотивированно введенный, на первый взгляд, *вишневый садик* также вклю-

чен в серию повторов. По форме и цвету ягоды напоминают капли крови – а эта деталь (капля или брызги, струя крови) многократно тиражирована в тексте: *струи* молока, вызывающие о стенки цыбарки, *лента* крови лошади нарочного, *янтарные брызги* гумен в степи и торный шлях, улегшийся *бугром*, кровь Николки и т.д.). Движение Николки на крыльцо воспроизведено и в блоке 7 (упомянута также издохшая рядом лошадь). Обратное движение представлено дважды. В блоке 13 дверь (у амбара), упоминание ног (падающий на колени Лукич и обнимаемые им ноги атамана) и возможной гибели (и плача) снова соседствуют. С ситуацией узнавания атаманом сына ситуацию сближает указание на действия Лукича, которым будут подобны действия атамана (*руки волосатые атамановы хватал, целую; ноги атамановы обнимая*): «Ухватил старика за шиворот и коленом потянул к амбару кособокому, в землю вросшему. *Двери распахнул* <...> – Помилуй, жалкенький мой! За что ты меня? – Шапчонку сдернул Лукич, *на колени имякнулся, руки* волосатые атамановы *хватал, целую*... – Говори: красные тебе любви? – Прости, болезный!.. Извиняй на слове глупом. Ой, прости, не казни ты меня, – *голосил* старик, *ноги* атамановы *обнимая*». В блоке 19 атаман будет выполнять действия, здесь приписанные Лукичу. Блок 14 объединяет указание на крыльцо, коня, дефект ног, шашку, перемещение с лошади на землю: «На шее почуял Лукич парные лошадиные губы и, *прихрамывая*, засеменял в хутор. На площади у хатенки, черепицей крытой, остановились. Провожатый, *кряхтя, слез с седла, лошадь* привязал к забору и, *громыхая шашкой, взошел* на крыльцо». Следовательно, *дверь*, а точнее, сема преодоления границы (представленная и в лексеме *окно*), актуальна для протоситуации текста. Все эти ситуации объединяет страх падения персонажа или затруднения движения, упоминание гибели или повреждения: 1) мать боится за то, что сын упадет с коня; 2) Николка не может перейти на другую хату и ломает, выходя на крыльцо, лед сапогом; 3) Лукич у двери амбара падает на колени и не может подняться на занемевшие ноги; 4) Лукич поперхнулся радостью, шагнув в комнату к Николке, 5) у «границы» падает и умирает лошадь. Однако положение персонажа по отношению к окну имеет и еще одну мотивировку, также подкрепленную в тексте. Название текста связано с АВР *изображение на какой-либо поверхности*. Единицы этого ряда несколько раз, как уже отмечалось, возникают в тексте: полевая карта, сводка, давнишние плакаты, пакет нарочного с тремя крестами, анкета, заполняемая Николкой, герб Области Войска Донского. Все эти изображения до некоторой степени также изоморфны друг другу. Ситуация с немотивированными тремя крестами, пакет с которыми нарочный вез за сорок верст и из-за которых погибла лошадь, как в эстетике абсурда, повторяет (но в перевернутом виде) финал текста: из-за того, что была убита лошадь Николки, все три члена семьи Кошевых (ранее – мать, потом – отец и сын) оказались мертвы.

Рассказ в целом напоминает набор кадров, текст изобразителен и вполне может быть использован как основа для монтажа киноленты. Первый блок – один из наиболее показательных в этом смысле: изображен первый план – стол и набор предметов на нем. Второй план – сидящий за столом и пишущий человек. Третий план (фон) – окно за спиной персонажа. При учете всех указанных ранее коннотаций упомянутых в первом блоке деталей и с учетом традиций изображения окна (квадрат с перекрестьем), можно говорить о том, что это импровизированная икона. Заполняемая анкета в данном случае прочитывается как житие персонажа, им самим написанное. Указание на иконность (в его сторону крестятся) и сакральность (соотносится с птицей, благодаря родинке – с голубем) персонажа будет, например, поддержано в блоке 14: «Лукич чихнул от табачного дыма, шапку снял и торопливо перекрестился на передний угол. <...> Николка со стола приподнял лохматую голову, в пуху и перьях...» Как аналог иконы осознаются и *давнишние плакаты* (это третья мотивировка, наряду со звукоподражанием, указанием на положение в пространстве и движение шапки). *Шершавый лист* (язык плаката) анкеты-жития – единственный, кто может *скупо рассказать* о событиях, как выясняется в финале (блок 19), замещая самого персонажа, который после смерти как будто боится *проговориться*, закусил *кончик языка*: «– Да скажи же хоть слово! Как же это, а? Упал, заглядывая в меркнущие глаза; веки, кровью залитые, приподымая, тряс безвольное, податливое тело... Но накрепко закусил Николка посинелый кончик языка, будто боялся проговориться о чем-то неизмеримо большом и важном».

Проследим, как воспроизводятся по тексту единицы АВР *кровь*. *Красный* цвет (или слова, производные от прилагательного *красный*) оказывается назван в блоках 3, 9, 12, 13, 18; *кровь* (но уже без избыточного при ее назывании красного цвета) – в блоках 7, 19; иное указание на цвет, сходный с цветом крови, – блоки 2, 5, 8; лексика, включающая иные семы, отсылающие к значению *кровь* – блоки 6, 11; ситуация *захлебнуться* (имеющая отношение к крови в тексте потому, что захлебнутся кровью Никола и атаман) – блок 5, 6, 11; ситуация брызги /капли / вытекание – 5, 6, 7, 8, 1, 19. Среди отобранных для поддержки семантики крови единиц наиболее «далекими» представляются *струи молока* и *вишневый садик*. Эти два элемента на семном уровне связаны отнесенностью к пищевым продуктам. Значение пищи актуально в АВР *кровь* в данном рассказе потому, что кульминационный момент соотносит кровь и ситуацию, обратную поеданию (кровь бугристым валом течет изо рта Николки, атаман стреляет себе в рот). Кроме того, каждый из элементов связан с кровью дополнительно: *вишня* – формой и цветом, *молоко* – через семантику жидкости и льющегося. Кроме того, рядом с *вишневым садиком* упоминается *роса* и *заплаканный*, что дополнительно актуализирует избыточную в данном случае на первом уровне артикуляции семантику влажного. В результате ресемантизации *молоко* и *вишня* в дан-

ном рассказе становятся синонимами. *Вишневый садик* имеет в тексте двоякую поддержку: 1) через семантику фруктов (упомянут также *совхоз Грушинский*, который, согласно сообщению нарочного, заняла банда), 2) через семантику цветения (*пахуче и сладко цветет жито* и т.д.). *Вишневый садик*, таким образом, связывается и со значением красного (плоды), и со значением белого цвета (цветущий сад). Цветение *вишневого садика* – обманный ход (действие происходит осенью, когда начинаются заморозки), но соотносящийся с символикой *молока* по цвету. Цветение вишни может соотноситься с туманом и дымкой. Туман присутствует в тексте при описании того же дня, но на пчельнике Лукича: названы *молочные лоскутья тумана*, в которых *застрjala мельница*. Одновременно *молочные лоскутья* тумана связаны с семантикой ткани, лоскута и помехой движения, которая будет еще раз реализована в блоке 19: лоскутья превратятся в чулок Николки, который вначале *не скидается*, а затем под ним атаман видит *родинку*. Оказывается, что *белое* (и молоко коровы с телком, и то, которым поит Николку Лукич, и то, которое косвенно упомянуто атаманом, когда перед убийством Николки он называет неузнанного сына *сосун*) связано с родовым, семейственным, а *красное* – с гибелью. Вместо цветущего вишневого садика Николка сходит в осенний и ложится на *заплаканную траву, мокрую от росы*. То, что *молоко* и *вишня* (красное) становятся подобны, происходит в том числе и потому, что отец убивает сына – то есть присутствует семантика и семьи, рода, и гибели одновременно. Молоко и красное (кровь) достаточно устойчиво связаны не только в выражении «кровь с молоком», но и в образной системе художественных текстов. Например, образ красного молока (как символика невинной жертвы) возникнет позднее в поэме И. Бродского «Холмы».

Нередко подкрепление происходит через приемы языковой игры. Так, в частности, в тексте нагнетается представление об обрывке ткани: блок 3 – *тряпка*, на пороге которой стоит в детском воспоминании Николки мать (лексема содержит вложенное слово *тряпка*); блок – жито, засеянное *клинышками*; блок 11 – *лоскутья тумана* на мельнице Лукича; блок 18 – *обрывками думал атаман*; блок 19 – *чулок не скидается* (из-за чего и происходит узнавание). В блоке 11 при описании хаты Лукича уже содержится набор смыслов, воспроизведенных затем в ситуации «узнавания» (чулок застрял, оголилась нога и видна стала родинка, атаман руки измазал в Николкиной крови): «Сумерки густо измазали дедову хатенку, в молочных лоскутьях тумана застряла мельница...» Эта игра и наличие антиципанта *лоскут-тряпка* приводит к тому, что на вопрос к аудитории при эксперименте «Что было на ноге Николки в сапоге, из-под чего атаман увидел родинку?» следует ответ «Портянка».

Одна из разновидностей языковой игры и устойчивый для поэтики Шолохова прием подкрепления – реализация метафоры:

1) *родинка с голубиное яйцо* превращается в тексте в воркование реального голубя у Лукича,

2) сниженное *брешишь* со стороны не доверяющего предсказаниям Николки по отношению к вестнику-военному реализуется в *забрехала собака* по приезде вестника-нарочного,

3) *мышастый* придорожник превращается в *мышинный выводок* в хате Лукича,

4) метафорическое *канул в воду*, появляющееся перед купанием военкома и Николки, обретает буквальный смысл неоднократно: Николки ныряет, пропавший отец действительно *канул в воду*, но уже иначе, – оказался за морем,

5) глаза лошади нарочного *остекленели*, в кульминационный момент (блок 18) действительно появляются стеклянные глаза – *бинокль* Николки;

6) атаман налетает на неизвестного сына *кориуном*, в эпилоге с головы атамана срывается *кориун*.

Как правило, та информация, которая задается в дублях и нагнетается, вследствие действия закона экономии на уровне средств передачи смысла (существование которого можно предположить по аналогии с языковой экономией – когда даже в ряду слов синонимов нет единиц, которые передавали бы абсолютно идентичный смысл) в виде связного текста не воспроизводится. То есть, автор может не пояснять: «Все единицы связаны и связаны так». АВЕ оказываются рассыпаны по тексту и соединяются только в сознании читателя, либо в кульминационной ситуации (но и там могут значимо отсутствовать, как, например, глагол *распластать* (шашкой) при описании убийства атаманом Николки (слово задано в звуковом повторе и словах *распластанные плакаты* в первом ПБ, поэтому его вторичное появление, после столь мощного средства, в финале было бы избыточно); или как указание на причину возникновения дефекта глаза, ранее сделанное по тексту (*пузырь*), избыточно в финале рассказа «Пропавший глаз» М. Булгакова [5]). Поэтому протоситуация нередко задается на уровне суггестии, через повторы, а не объяснение. В подавляющем большинстве случаев она восходит к инвариантным для человеческого сознания архетипическим моделям. Нередко появление ее объясняется не только текстовым заданием, но и биографическим затекстом, как это происходит и в случае с двумя приводимыми здесь рассказами. Например, многие детали рассказа М. Шолохова «Родинка», которые приобретают вторичную семантизацию, обладают также и затекстной, биографической мотивировкой. Можно сказать, что основная коллизия рассказа восходит к актуальной для Шолохова и сформировавшей конфликт в его бессознательном проблеме подлинного и мнимого отцовства (С. Кузнецов и А. Шолохов; см. также рассказ «Чужая кровь»), сиротства (см. также рассказ «Нахаленок»), как следствие – переживаемого чувства личностной вины и реализации мифа, обратного мифу об Эдипе (в этой связи баранья кость, бинокль, хромота Лукича и неоднократно воспроизводящиеся си-

туации, связанные с указанием на ноги, читаются уже не как подчиненные художественному заданию средства, а как прозрачные и типичные для данного стресса символы коллективного бессознательного). Мельница и акцентирование внимания на образах животных и кости имеют истоком в том числе и реалии детства Шолохова (А. Шолохов был скупщиком скота и незадолго до революции – хозяином паровой мельницы).

При рациональном письме связь блоков выглядит более заданной, структура текста – более четкой. При ассоциативном – структура текста рыхлая, развертывание текста задается более ассоциативными связями, нежели логикой описываемых событий.

Таблица 1

«Родинка», М.А. Шолохов

1) Авторская рубрикация		2) Сегментация при анализе текста	
№ гл-ки	Кол-во граф. слов	Условное название информационного блока	Кол-во граф. слов
I	337	1. <Экспозиция (икона-натюрморт)>	69
		2. <Возраст Николки. Внутренний конфликт>	77
		3. <Экскурс в прошлое Николки>	122
		4. <Кулание. Предсказание заикающегося военкома>	69
II	292	5. <Николка. Идиллический локус (и домовина)>	103
		6. <Смерть лошади нарочного>	90
		7. <Мечта Николки об учении>	99
III	379	8. <Противостояние Николки и атамана банды>	125
		9. <Лирическое отступление. Хлеб и самогон>	139
		10. <Экскурс в прошлое атамана>	115
IV	476	11. <Лукич. Идиллический локус (пчельник / мельница)>	130
		12. <Встреча Лукича с атаманом. Обман>	117
		13. <Разговор с атаманом. Унижение Лукича>	229
V	292	14. <Встреча Лукича с красными>	154
		15. <Разговор Лукича и Николки о банде>	138
VI	503	16. <Начало боя>*	72
		17. <Погоня за бандой>	100
		18. <Смерть Николки>	153
		19. <Узнавание. Смерть атамана>	148
		20. <Эпилог>*	30
	2279	ИТОГО	2279

Список литературы:

1. Fagyno J. «Полотенце с петухом» Булгакова (Из проблем наррации и мифопоэтики) // PRO=3A: Анализ текста. Учебные материалы. – Смоленск, 2003. – С. 24-47.

2. Fagyno J. Бульвар, собаки, тополя и бабочки. (Разбор одной главы «Охранной грамоты» Пастернака) // Studia Slavica [Academiae Scientiarum Hungaricae], 33, fasciculi 1-4. Budapest, 1987.

3. Кузина Н.В. Лексико-семантическая организация дискретных повествовательных текстов (На примере рассказа М. Булгакова «Пропавший глаз» и цикла «Записки юного врача») // ПРО=ЗА. Анализ текста. Учебные материалы. – Смоленск, 2003. – С. 48-141.
4. Кузина Н.В. О некоторых функциях повторов в «Конармии» И. Бабе-ля: Из наблюдений над стилем, композицией и семантикой книги новелл // Риторика – лингвистика: Сборник статей. – Смоленск, 1999. – С. 132-146.
5. Кузина Н.В. Семантическое развертывание прозаического текста: Методика анализа. Предварительный опыт // Алфавит. Филологический сборник. – Смоленск, 2002. – С. 71-105.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
7. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. – М., 1959.
8. Славянские древности: в 5-ти т. Этнолингвистический словарь. Т. 1, 2. – М., 1995.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. – М., 1973.
10. Шолохов М. А. Собрание сочинений: в восьми т. Т. 1. – М., 1956.

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular element at the top left and bottom left.

Секция 11

***СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ***

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

© **Лягушевич С.И.**¹

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Республика Беларусь, г. Минск

В статье речь идет об актуальной проблеме образования терминологии радиоэлектроники в современных французском и английском языках. Рассматривается метафорическое образование терминов радиоэлектроники. Целью статьи является выявить особенности образования терминов-метафор на базе общеупотребительных слов во французской и английской терминологии радиоэлектроники. Сопоставление метафорических терминов радиоэлектроники во французском и английском языках показывает высокий уровень совпадения метафор в сравниваемых языках.

Ключевые слова: термины-метафоры, метафорическое образование, термины радиоэлектроники, метафоризация, метафорический перенос.

Метафора – универсальный феномен, который характерен для всех языков мира. Наряду с выполнением своей основной (стилистической) функции метафора является одним из наиболее продуктивных способов обогащения словарного состава. Особенно высокую продуктивность она демонстрирует в языках типа французского и английского, в которых морфологические средства отходят на второй план. Метафоризация в терминологии – процесс, который лишь подтверждает правило. По справедливому замечанию В.Г. Гака, специфика отдельно взятого языка заключается в большей мере в качественно-количественной специфичности универсальных законов и явлений, чем в наличии особых, только этому языку свойственных явлений и категорий [Гак, 1972: 144].

Логично, что задача исследователей заключается в раскрытии конкретных проявлений этих общих явлений в отдельных языках с последующим сопоставительным изучением проявлений данной универсалии в разных языках.

В настоящей работе исследуются особенности научной метафоры на материале двух языков: французского и английского. Эти языки относятся к индоевропейской языковой семье; но они находятся на разных ветвях языкового дерева: французский язык представляет группу романских языков, английский – принадлежит к германским языкам. Данные языки представ-

---

¹ Доцент кафедры иностранных языков № 1, кандидат филологических наук, доцент.

ляют разные языковые структуры, и это имеет научное и практическое значение при сопоставительном изучении метафоры. Выбор французского и английского языков объясняется в значительной степени исторически сложившимися обстоятельствами. Период становления английского национального языка совпал с завоеванием территории Англии норманами. В результате французские заимствования становятся чрезвычайно важным этапом в развитии английского языка. По некоторым источникам до 70 % лексического состава английского языка составляют французские слова. Естественно, на протяжении последующих веков эти французские слова ассимилируются английским языком. Многие из них узнаваемы сегодня лишь с помощью этимологического словаря.

Англо-французское языковое взаимодействие обусловлено всем ходом исторического развития двух народов, контакты между которыми осуществлялись практически на всем протяжении развития европейской цивилизации. Результатом этого длительного исторического контактирования явились многочисленные заимствования французского происхождения в составе лексической системы английского языка.

Подъязык радиоэлектроники не явился в этом смысле исключением. Он в полной мере ощутил на себе последствия данного процесса.

В XX веке, когда начинает бурно развиваться радиоэлектроника, Англия и США занимают ведущие позиции в этой области, английский язык лидирует в наименовании объектов радиоэлектроники. Многие из этих терминов являются исконно французскими, но будучи ассимилированными английским языком, не всегда узнаваемы по форме как таковые. Именно в этом плане настоящее исследование может дать толчок к последующим изысканиям в данной области.

Во французском и английском языках метафоризация общеупотребительных слов – один из основных способов создания терминологии радиоэлектроники.

Материал исследования позволяет сделать вывод об однотипности французских и английских метафорических моделей, образованных на базе общеупотребительных слов и функционирующих в терминологии радиоэлектроники. Идентичными оказались и типы метафор: бытовая, соматическая, зооморфная, ботаноморфная, транспортная.

Соматическая метафора широко представлена во французском и в английском языках, о чем свидетельствуют адекватные термины-метафоры, используемые, например, для описания свойств и поведения носителей заряда:

во французском языке	в английском языке
<i>excitation (f)</i>	<i>excitation</i> ‘возбужденность’
<i>mobilité (f)</i>	<i>mobility</i> ‘подвижность’

Во французском и английском языках для обозначения объектов радиоэлектроники используются названия частей тела живого организма. Проил-

люстрируем это на примере французского ОС *oeil (m)* и английского ОС *eye* – глаз:

во французском языке	в английском языке	
<i>oeil (m) cathodique</i>	<i>electric ey</i>	‘электронный индикатор настройки’
<i>oeil (m) magique</i>	<i>magic eye</i>	‘электронный индикатор настройки’
<i>oeil (m) électronique</i>	<i>electric eye</i>	‘фотоэлемент’

В приведенных примерах наблюдается полное совпадение метафор в рассматриваемых языках. Вместе с тем, в английском языке существуют термины радиоэлектроники, образованные путем метафорического переноса от ОС *eye*, в то время как во французском языке ОС *oeil (m)* не используется:

в английском языке	во французском языке	
<i>eye</i>	<i>viseur (m)</i>	‘глазок (визира)’
<i>eyeballing</i>	<i>contrôle (m) visuel</i>	‘визуальный контроль’
<i>eyelet</i>	<i>trou (m) de montage</i>	‘монтажное отверстие (печатной платы)’
<i>solder eye</i>	<i>maille (f) de montage</i>	‘монтажная петелька (на конце провода)’

Подобные явления наблюдаются и с терминами радиоэлектроники, образованными путем метафорического переноса от ОС *face (f)* во французском языке и ОС *face* в английском языке. Нижеприведенные термины-метафоры демонстрируют полное совпадение значений в обоих языках:

во французском языке	в английском языке	
<i>face (f)</i>	<i>face</i>	‘грань кристалла’
<i>réseau (m) à faces centrées</i>	<i>face-centered lattice</i>	‘гранецентрированная (кристаллическая) решетка’
<i>surface (f) de face</i>	<i>face</i>	‘лицевая поверхность’

Между тем, метафоризация по-разному проявляет себя во французском и английском языках как на уровне конкретных терминов, так и на уровне целых тематических групп. Следует заметить также, что если в одном языке для обозначения объекта радиоэлектроники используется метафора, то в другом для этой цели используется словосочетание неметафорического типа.

Так, нижеприведенные термины радиоэлектроники образованы путем метафорического переноса только в английском языке, в то время как во французском языке используются описательные словосочетания:

в английском языке	во французском языке	
<i>face-down bonding</i>	<i>montage (m) par flip-flop</i>	‘монтаж методом перевернутого кристалла’
<i>face-down chip</i>	<i>crystal (m) inverse</i>	‘перевернутый кристалл’

Метафора заключается в части английского термина *face-down*, что в общелитературном языке означает ‘лицом вниз’. В приведенных примерах соматизм проявляется в английской терминологии, в то время как во французской терминологии используются термины *flip-flop (m)*, *cristal (m)*.

Привлечение соматизмов для обозначения разных отношений между объектами исследования также характерно для обоих языков. Значительное количество терминов-соматизмов демонстрируют полное совпадение в сравниваемых языках: термины-метафоры, образованные от ОС *maître (m)* во французском языке и от ОС *master* в английском языке:

во французском языке	в английском языке
photomasque (m) <i>maître</i>	<i>master mask</i> ‘эталонный фотошаблон’
tranche (f) <i>maître</i>	<i>master-slice</i> ‘базовый матричный кристалл’

Одновременно следует отметить, что нередки случаи, когда в английском языке употребляется термин-метафора *master*, в то время как французский использует другую лексику:

в английском языке	во французском языке
<i>master artwork</i>	<i>original (m) (de photomasque)</i> оригинал (фотошаблона)
<i>master layout</i>	<i>cliché de photomasque</i> оригинал фотошаблона

Идентично продуктивность в образовании терминов-метафор демонстрирует ОС *hôte (m)* во французском и *host* – в английском языках:

во французском языке	в английском языке
<i>hôte-microprocesseur (m)</i>	<i>host microprocessor</i> главный микропроцессор
<i>hôte-ordinateur (m)</i>	<i>host computer</i> главный компьютер

Следует при этом заметить, что как и в случае с *master*, английское ОС *host* употребляется чаще французского *hôte (m)* при наименовании ТРЭ. В случае несовпадения соответствующий французский компонент ТРЭ употребляется в своем основном значении:

в английском языке	во французском языке
<i>host layer</i>	<i>couche (f) source</i> исходный слой
<i>host</i>	<i>material matériau (m) source</i> исходный материал

Подобная ситуация наблюдается при использовании английского ОС *twin* в назывании объекта радиоэлектроники:

в английском языке	во французском языке
<i>twin</i>	<i>crystal (m) maclé</i> (кристаллический) двойник
<i>twin – tub</i>	<i>process technologie (f) de deux pochette</i> технология двух карманов

В приведенных примерах соответствующее французское ОС отсутствует. Продуктивность английского ОС *twin* при терминообразовании выше, чем соответствующего французского ОС *jumeau (m)*, хотя оно также принимает участие в терминообразовании. Например, сдвоенные гнезда во французском языке – *jacks jumelés*.

Соматическая метафора наиболее широко представлена в сравниваемых языках с незначительным преобладанием терминов-соматизмов в английском языке.

Интеллектуальная метафора составляет сравнительно небольшую группу терминов-метафор в терминологии радиоэлектроники, но она отличается

самым высоким уровнем совпадения метафорических терминов в рамках терминологии вычислительной техники и информатики:

во французском языке	в английском языке	
<i>caractère (m)</i>	<i>character</i>	‘символ, знак, литера’
<i>langue (f)</i>	<i>language</i>	‘машинный язык’

Бытовая метафора в равной степени используется во французском и английском языках. Полностью совпадают в двух языках следующие термины:

во французском языке	в английском языке	
<i>box (m)</i>	<i>box</i>	‘скафандр (для сборки ИС)’
<i>fringe (f)</i>	<i>frange</i>	‘интерференционная полоса’
<i>jaquette (f)</i>	<i>jacket</i>	‘оболочка (кабеля)’

Транспортная метафора оправдывает свое название не только в английской терминологии, но также и во французской. Иллюстрацией к сказанному могут послужить следующие термины-метафоры:

во французском языке	в английском языке	
<i>port (m)</i>	<i>port</i>	‘точка ввода-вывода данных’
<i>tronc (m)</i>	<i>trunk</i>	‘магистраль, канал связи’
<i>route (f)</i>	<i>route</i>	‘маршрут (в сети)’

Зооморфная метафора также выделяется во французском и английском языках. Следующие примеры показывают полное совпадение терминов-зооморфизмов:

во французском языке	в английском языке	
<i>ailette (f)</i>	<i>wing</i>	‘ребро (теплоотвода)’
<i>crête (f)</i>	<i>crest</i>	‘амплитуда (волны)’
<i>bec (m)</i>	<i>beak</i>	‘ручка (радиоприбора)’

Несколько иную картину названия одних и тех же объектов радиоэлектроники в двух языках демонстрируют следующие термины-зооморфизмы, которые представлены только в английском языке:

в английском языке	во французском языке	
<i>crow's foot</i>	<i>microfissure (f)</i>	‘микротрещина’
<i>spider lead</i>	<i>sortie (f) coudée</i>	‘паучковый вывод’
<i>whisker crystal</i>	<i>(m) aciculaire</i>	‘нитевидный кристалл’

Относительно ровная картина прослеживается в группе ботаноморфизмов во французском и английском языках. Полное совпадение метафор наблюдается в примерах:

во французском языке	в английском языке	
<i>branche (f)</i>	<i>branch</i>	‘ветвь (алгоритма или сети)’
<i>iris (m)</i>	<i>iris</i>	‘ириновая диаграмма’
<i>arbre (m)</i>	<i>tree</i>	‘древовидная схема’

Несовпадение метафор представлено в следующих примерах:

во французском языке	в английском языке	
base (f)	<i>stem</i>	‘основание корпуса’
couche (f) électronique	<i>shell</i>	‘электронная оболочка’

Сопоставление метафорических терминов радиоэлектроники во французском и английском языках показывает высокий уровень совпадения метафор в сравниваемых языках. Отсутствие метафоры в одном языке и ее наличие в другом и наоборот свидетельствует о некоторой самостоятельности путей развития терминов-метафор во французском и английском языках. В целом же, и французскому и английскому языкам оказались свойственны одни и те же семантические процессы в терминологии радиоэлектроники.

Сопоставительное исследование французских и английских терминов свидетельствуют, с одной стороны, о национальном своеобразии терминов радиоэлектроники, образованных путем метафорического переноса, а с другой – об общих тенденциях в развитии интернациональной терминологии радиоэлектроники.

Список литературы:

1. Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Сб. Общее и романское языкознание. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1972. – С. 144-157.

Секция 12

ТЕОРИЯ КОНЦЕПТОВ

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ)

© Фесенко О.П.¹

Омский автобронетанковый инженерный институт, г. Омск

Статья посвящена сопоставительному анализу концепта «родина» в русском и арабском языках. Исследование проведено на материалах толковых словарей.

Ключевые слова: концепт, концепт «родина», лингвокультура.

«Концепт» в современной лингвистике является наиболее популярным и, в то же время, вызывающим многочисленные споры термином. Мы не будем обращаться к различным трактовкам этого понятия. Ограничимся лишь определениями, позволяющими непосредственно описать языковую картину мира носителей языка как представителей отдельных культур. Такое понимание концепта предложено в рамках лингвокультурологии В.И. Карасиком и С.Ю. Степановым. Итак, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов: 43], которая может описываться через «культурные доминанты поведения, исторически закрепленные ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре» [Карасик: 111]. Самое главное в концепте то, что он всегда имеет возможность реализоваться средствами языка.

При анализе структуры концепта принято выделять ядерные и периферийные компоненты. Ядро концепта – это словарное значение конкретной языковой единицы, которой он выражен, периферия – это субъективный опыт коммуникантов, носителей той или иной лингвокультуры, прагматические составляющие лексемы или фразеологизма, коннотации и ассоциации.

Ядро и периферия концепта могут изменяться в зависимости от характеристик коммуникантов (от их возраста, пола, профессии, национальности и т.д.).

В языковой картине мира выделено множество концептов, которые можно систематизировать по различным основаниям. Наиболее полно представлены типологии и перечни концептов в исследованиях С.Ю. Степанова [Степанов] и Л.Г. Золотых [Золотых]. Поскольку предметом нашего исследования является концепт «Родина», определим его место в русской лингвокультуре. Как показывает анализ источников, в «Словаре русской культуры» концепт «Родина» отсутствует. Несмотря на это большинство исследователей (и мы с ними в этом солидарны) полагают, что Родина – одно из базовых понятий для любой культуры, не только для русской [Демидова: 74; Есмурзаева, 2009: 475]. Именно поэтому в современной лингвистической науке

---

¹ Профессор кафедры Иностранного и русского языков, доктор филологических наук, доцент.

имеется достаточное количество исследований, посвященных анализу изучаемого нами явления. Анализируется представление о Родине в языковом сознании русских бурятов, алтайцев, в художественных текстах; в былинах, в педагогическом и политическом дискурсах, в языковом сознании учащихся школ и т.д.

Подробный анализ содержания образа Родины в сознании носителей русского языка проведено в исследованиях Ж.Б. Есмурзаевой [Есмурзаева 2009, 2010]. Она выявила и описала ядро, и периферию концепта. Эксперимент, представленный в названной работе, проводился на школьниках. Полагаем, что ребенок еще только формируется концептуальный образ мира, поэтому делать выводы о структуре концепта, характерной для русской лингвокультуры в целом, в этом случае было бы некорректно. Поэтому мы, используя результаты проведенного Ж.Б. Есмурзаевой исследования, сделали акцент на ту его часть, которая касается лексикографических источников и особенностей отражения в них концепта *родина*.

Согласно Итак, ядро концепта, по Ж.Б. Есмурзаевой, – это «патриотическая триада» (Родина – Отечество – Отчизна) [Есмурзаева 2009: 476]. Поскольку слово Родина этимологически связано с корнем -род-, то закономерно, что основная часть ассоциаций, возникающая в сознании носителей языка – это МАТЬ (та, которая родила). Заметим, что данного значения словари русского языка не фиксируют, оно функционирует в речи и воспроизводится в сознании носителей языка в процессе коммуникации. Слова *отчизна* и *отечество* исторически восходит к лексеме *отчина* (земля дедов, отцов). Иначе говоря, триада восстанавливает связи с предками (как по материнской, так и по отцовской линии). Причем, названные лексемы репрезентируют концепт *родина*, не соединяя отца и мать в единое целое, делая это автономно.

В словарях русского литературного языка значение слова *родина* включает в себя всего две составляющих: 1. Родная страна. 2. Место рождения [Ожегов, 1984: 592].

В электронном словаре сайта «Грамота.ру» представлено более развернутое и немного отличное от предыдущего толкование, в котором появляется значение «место происхождения» не только по отношению к человеку, но и к растениям, видам животных, самых разных предметов и явлений действительности:

Родина, -ы; ж. **1.** Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество / О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие. *Малая р. Поехать к себе на родину в Красноярский край.* **2.** Место происхождения кого-, чего-л., возникновения чего-л. *Индия – родина шахмат. СССР – родина космонавтики* [Грамота].

Кроме того, в словарях отмечены две лексемы, которые используются для наименования родины. Это слова *отчизна* [Ожегов, 1984: 404] и *отечество* (высок.) [Ожегов, 1984: 416] (в электронном словаре сайта «Грамо-

та.ру» лексема отечество располагается внутри словарной статьи слова «Родина»). Они имеют дополнительную стилистическую окраску «высок» (высокое). Иначе говоря, образ Родины вербализируется в русском языке тремя лексическими единицами: Родина, Отечество, Отчизна. И согласно лингвистическим исследованиям, основу (ядро) концепта *Родина* составляют три базовых компонента:

1. Родина – мать (в лексикографических источниках не фиксируется).
2. Родина – земля отцов, где живут родные.
3. Родина – государство (страна), в котором человек родился.

Несколько иначе представление о Родине формируются в сознании носителей арабской культуры. В словаре арабского языка (египетский его вариант) мы обнаруживаем пять лексем, репрезентирующих образ Родины: *وطن, منبت, مولد, مهبط, موطن* [Большой арабско-русский словарь: 839]. Многие из этих слов являются многозначными. Определим их значения:

1. *موطن* – 1) место рождения, 2) очаг, 3) вместилище, ареал, место распространения [Большой арабско-русский и русско-арабский словарь: 623].

2. *منبت* – место произрастания [см. там же: 548]. Слово используется исключительно для обозначения родины растений.

3. *وطن* – 1) родина, место рождения, 2) отечество, отчизна [см. там же: 623].

4. *مولد* – родина, место рождения [см. там же: 622].

5. *مهبط* – 1) место появления, возникновения (чего-либо), 2) источник 3) *перен.* колыбель, родина [см. там же: 591].

Общей семей значений данных слов является «место рождения». Если сравнивать с компонентами ядра концепта в русской лингвокультуре, то именно в этой семе обнаруживается совпадение. Однако интересно то, что каждая из приведенных языковых единиц в арабском языке имеет форму и единственного и множественного числа. При этом последняя обладает собирательным значением, например, если мы хотим сказать по-арабски «моя родина – арабский мир», то используем форму множественного числа от слова *وطن*, имея в виду все арабские страны как единое целое. Наличие формы единственного числа в арабском соотносимо с понятиями «малая» родина в русском.

В арабском языке интересным оказывается еще одно совпадение двух анализируемых лингвокультур, связанное с происхождением репрезентирующего концепт родина слова – *وطن*. В арабском языке данная лексема входит в словообразовательное гнездо глагола *ولد* – «рожать, родиться», наряду с существительными *والد* – отец и *والدة* – мать. Однако образ Родины среди носителей русской лингвокультуры ассоциируется с «землей отцов» (отечество, отчизна), и отдельно с образом родины – матери, не отраженном в словарях. В арабской лингвокультуре родина – это земля родителей (и отца и матери одновременно). К сказанному можно добавить еще два ядерных компонента анализируемого концепта, функционирующие в арабском язы-

ке, – очаг и колыбель (источник). При этом отсутствует в структуре ядра свойственное носителям русского языка представление о родине как о *стране* рождения. Кроме того, для обозначения родины растений у арабов существует отдельная лексема.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт родина в русской и арабской лингвокультурах имеют как сходные, так и различные ядерные компоненты, которые можно представить в виде таблицы (см. табл. 1):

Таблица 1

Ядро концепта *родина* в русской и арабской лингвокультурах

Русская лингвокультура	Арабская лингвокультура
Родина как место рождения; страна, государство, в котором человек родился	Родина как место рождения; земля, в которой человек родился
Родина – земля отцов, где живут родные.	Родина – земля родителей.
Родина – мать.	-
-	Родина – очаг
-	Родина – колыбель, источник

В процессе коммуникации между представителями разных культур при использовании лексемы *родина* формируются несколько отличные друг от друга представления. При изучении русского языка как иностранного арабы не сразу осознают понятия малой и большой Родины, типичные для носителя русской лингвокультуры. Чужд им и образ Родины – матери. Однако в ключевой позиции (место рождения) особого расхождения не наблюдается, что, безусловно, облегчает процесс обмена информацией между носителями русской и арабской культур.

Список литературы:

1. Большой арабско-русский словарь. 250000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2010. – 640 с.
2. Большой арабско-русский и русско-арабский словарь. 450000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2011. – 960 с.
3. Демидова Т.В. Концепт *родина* в речевых репрезентациях студентов среднего профессионального образования (СПО) / Т.В. Демидова // *Lingua-mobilis*. – 2011. – № 2 (28). – С. 74-78.
4. Есмурзаев Ж.Б. Ценностная составляющая лексико-семантического поля концепта «Родина» (по данным эксперимента) / Ж.Б. Есмурзаева // *Вестник Омского университета*. – 2010. – № 4. – С. 199-204.
5. Есмурзаев Ж.Б. Ядерные смыслы концепта РОДИНА (по данным лексикографических источников) / Ж.Б. Есмурзаева // *Личность. Культура. Общество*. – 2009. – Том XI, Вып. 3. – С. 475-480.
6. Золотых Л.Г. Базовые концепты русской культуры / Л.Г. Золотых // *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистиче-*

ский и лингвометодический аспекты): международная науч.-практ. конф. 17-19 марта 2006 г. – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2006. – С. 300-304.

7. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепт, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – 798 с.

9. Справочно-информационный портал «Грамота». Раздел «Словари» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic>.

10. Степанов С.Ю. Константы. Словарь русской культуры / С.Ю. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 982 с.

A decorative border resembling a scroll, with rounded corners and a small circular element at the top left and bottom left.

Секция 13

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ

МОРЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА АНГЛИЧАН

© Гракова Н.А.¹, Ломтева Т.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Статья посвящена морю как одному из основополагающих факторов социализации и формирования картины мира англичан. Нами рассматриваются некоторые черты английского национального характера, сформировавшиеся под влиянием островного положения Великобритании. Высказывается предположение, что море не только географически отделяет Англию от европейского континента, но и отличает английскую нацию от остальных, поэтому море играет одну из важных ролей в формировании картины мира англичан и их социализационного типа.

Ключевые слова: море, социализация, социализационный тип, английский национальный характер.

Островное географическое положение Великобритании наложило свой отпечаток на национальную особенность англичан. Не зря же англичане утверждают: «мой дом – моя крепость». Остров отделен от континента водной преградой, и Ла-Манш (кстати, Ла-Манш в Великобритании носит другое название «Английский канал») рассматривается англичанами как крепостной ров, отделяющий средневековый замок от чуждого мира Европы. Географическое положение Англии влияет на картину мира англичан, на их привычки, на характер, а также подчеркивает наиболее яркие национальные особенности этого народа. Островное положение Великобритании автоматически влияет на англичан, отделяет их от других наций, делает их характер, менталитет, образ жизни непохожими на другие народы. «Этот маленький, в сущности, остров являет собой целый мир, в котором все, «как у больших». Есть свои ярко выраженные региональные различия между Севером и Югом, Западом и Востоком – не только в характере, еде, традициях, одежде, но и в языке – жители разных регионов Англии порой просто не могут понять друг друга, и уж точно никто не может понять объявлений в рейсовых автобусах, произносимых с отчетливым местным акцентом. Да и разнообразие природы, пейзажа, географии, экономики превращает маленький остров в огромную страну. Но самое главное – это отношение самих англичан, воспринимающих эту страну как не имеющую границ» [1, 2003].

Например, наиболее яркой чертой национального характера англичан является экстравагантность. Основной причиной экстравагантности англичан являются история и географическое положение Англии. По мнению Шестакова, данная черта английской нации «может проявляться в одежде,

---

¹ Студент 1 года обучения магистратуры по профилю «Теоретическая и прикладная лингвистика».

коллекционировании никому не нужных вещей, в эксцентричном поведении». «Мы, – писал Оруэлл, – не только нация любителей цветов, но и нация коллекционеров марок, голубятников, плотников-любителей, собирателей купонов, любителей игры в стрелки и разгадывание кроссвордов». Посредством экстравагантности англичане «как бы стремятся бежать от повседневного, от традиционного распорядка жизни, рекомендуемого повседневной моралью» [2, 2010]. В своем знаменитом трактате «Английские черты» Эмерсон писал: «Каждый англичанин ходит, ест, пьет, бреется, одевается, жестикулирует без всякого внимания к окружающим. И не только потому, что он воспитан так, чтобы не обращать внимания на свои соседей, а потому, что он занят своими делами и просто не думает об окружающих. В этой отполированной стране каждый интересуется только своими собственными удобствами. Я не знаю никакой другой страны, в которой эксцентричность была бы так широко позволена и не вызывала бы ни у кого никаких замечаний. Англичанин прогуливается под проливным дождем, помахивая своим сложенным зонтом, как тросточкой. Он может носить парик, завернуть голову в платок, надеть на голову седло или вообще стоять на голове – никто не скажет ему ни слова. И поскольку так поступало несколько поколений до него, теперь это у него в крови. Короче говоря, каждый из этих островитян сам по себе остров, спокойный, самоуверенный и непредсказуемый» [3, 1856].

Одной из негативных особенностей англичан является их снобизм. Часто это качество объясняют следствием имперской психологии, пришедшей со времен, когда Англия подчинила себе почти половину мира. Британская империя укрепила чувство превосходства англичан, их право на руководство всем миром. Это чувство сохранилось и после краха Британской империи. Англичане чувствуют превосходство над другими народами, причем это превосходство заключается не в том, чтобы не иметь никого выше себя, а в том, чтобы кто-то находился ниже их. Раньше с детства в сознание им внедрялся стереотип, что нужно показать величие британской нации, являть собой пример всему миру. И даже когда империя пала, эта идея так просто не ушла из подсознания людей. Также часто англичане просто не вникают в жизнь и особенности других народов, эгоистично отдавая предпочтение своим внутренним проблемам. Островное положение Англии определило особое неприязненное отношение англичан к другим народам. То, что происходит на материке, во многом воспринимается жителями Англии как нечто, отличающееся от их жизни как цивилизация от варваров. Баронин, однако, отмечает, что «обитатели Британских островов исторически тяготели к двум стереотипным образам иностранцев. Англичане не столько избегают иностранцев, сколько не проявляют к ним особого интереса, относясь к ним снисходительно. Здесь срабатывает установка, сформированная в период развития колониализма. Все иностранцы, таким образом, рассматриваются в качестве либо конкурентов, либо стоящих ниже на ступени развития ци-

визилизации. В них они привыкли видеть либо соперников, то есть противников, которых необходимо победить, либо дикарей, которых надлежало усмирить и приобщить к цивилизации, подчинив их британской короне. Однако это не выражается ни в виде агрессивного национализма, ни в виде ярко выраженного патриотизма. В обоих случаях англичане проявляли нежелание знакомиться с языком и образом жизни иностранцев, с которыми они вступали в контакт».

«Сознавая собственное превосходство перед всеми прочими народами мира, англичане убеждены: эти народы тоже втайне понимают, что так оно и есть, и в некоем идеальном будущем постараются как можно больше брать с них пример. Подобным представлениям способствует и география Англии. Когда англичане смотрят в морскую даль – а море окружает их «маленький тесный остров» со всех сторон – никому из них и в голову не придет подвергнуть сомнению такое, например, газетное сообщение: «В связи с сильным туманом над Английским каналом (то есть проливом Ла-Манш) Континент от нас полностью отрезан» [5].

Еще одна особенность английской нации, которая объясняется географическим положением страны, это замкнутость. Островная гордость («insular pride») является идентичной данной характеристике англичан. «Слово «insular», кроме значения «островной», употребляется в значении «замкнутый, сдержанный, ограниченный, полный предрассудков». Тем самым, характеризуя англичан как «insular nation», им приписываются вышеперечисленные негативные черты» [4, 2005]. Островная психология отделяет не только Англию от материковых стран, но и каждого человека друг от друга. Эта нация очень любит уединенность. Англичане очень сложно сходятся с другими людьми, но сохраняют связи с приобретенными друзьями на долгие годы. При встрече со знакомыми мужчины не демонстрируют радость, не обмениваются дежурными улыбками, не обнимаются, а ограничиваются классическим рукопожатием. Женщины не обмениваются реальными поцелуями при встрече, а только имитируют звуки и жесты где-то в районе уха знакомой. Физический контакт при общении со знакомыми считается неприличным и противоестественным. В этом плане англичане живут по принципу «не тронь меня». Контакт с незнакомыми любой человек стремится избегать. Когда таких контактов избежать нельзя, например, в общественном транспорте, они не смотрят друг другу в глаза, стараются избегать зрительного контакта.

Также следует сказать о том, что англичан считали «островной нацией» не только из-за географического положения страны, но и, в первую очередь, из-за политики изоляционизма. Именно благодаря островному положению англичане всегда испытывали чувство безопасности и защищенности. На протяжении более двухсот лет англичане не считали себя по-настоящему европейцами, и отношения Англии с Европой всегда оставались сложными. Их больше интересовала Америка и остальной мир, чем Европа. Как отме-

чает Павловская, «Англия, пожалуй, единственная страна, которая не хочет быть «Европой». Итальянцы и испанцы, тайно комплексуя, мечтают приобщиться к этому славному званию, восточные европейцы хотят того же – шумно и агрессивно, немцы делают вид, что они-то и есть Европа, хотя в глубине души не слишком в этом уверены, скандинавы живут в своем мире, даже и не рассчитывая на эту честь. И только англичане последовательно отказываются от подобной привилегии, всячески отделяя себя от всего мира, не входя ни в одно объединение. Они хотят быть сами по себе. И это им удастся. Они знают, что они и есть – самая великая страна, своего рода «пуп» Вселенной. Ведь даже нулевой меридиан проходит именно по их территории». Крушение империи вынудило англичан пересмотреть свое отношение к миру и Европе, в частности. В настоящее время отстраненность Британии от Европы постепенно исчезает.

Мы перечислили основные черты национального характера англичан, который сформировался под воздействием географического положения страны. Таким образом, мы можем сказать, что море сыграло далеко не последнюю роль в формировании картины мира англичан.

Список литературы:

1. Павловская А. Особенности национального характера, или За что англичане любят очереди // Электронный журнал «Вокруг света». – 2003. – № 6.
2. Шестаков В.П. Английская литература и английский национальный характер. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 312 с.
3. Эмерсон Р.У. Черты английской жизни (English Traits). – 1856.
4. Денисенко А.О. Образ «себя» и «других» в языковом сознании англичан: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 220 с.
5. Langust Agency – Агенство Лагуст: грамматика английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.langust.ru/>.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В МЕДИАТЕКСТЕ «ШОУ “УРАЛЬСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ”»

© Есина Е.А.¹

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

В статье рассматривается иносказание как реализация лингвокреативного потенциала медиатекста «Шоу “Уральские пельмени”». Такие

---

¹ Аспирант.

черты медиатекста как зрелищность, иллюзионистичность, интерактивность, презентационность, манипулятивность и маркетинговая прагматичность, карнавальность, гедонистичность, ориентированность на российскую массовую аудиторию находят отражение в его языковой организации. Бинарная оппозиция «свой-чужой», реализованная в анализируемом медиатексте проявляется в двух вариациях.

Ключевые слова: медиатекст, лингвокреативность, эвфемизм, оппозиция «свой-чужой».

Медиадискурс, или масс-медиаальный дискурс (М.Р. Желтухина), или массово-информационный дискурс (А.В. Оляничу) – «это подготовленное, отредактированное, подлежащее цензуре и режиссуре общение, рассчитанное на зрелищный эффект» [11, с. 124]. В монографии О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова «PR-Дискурс: Теоретико-Методологический Анализ» зрелищность характеризуется как атрибутивная черта шоу-дискурса, который определяется исследователями как «карнавалоподобное гедонистически ориентированное развлечение, массовый зрелищный иллюзион, интерактивная коммуникация, презентационная технология и культивация массового идолопоклонства перед звездами» [12, с. 130]. Ярким примером шоу-дискурса является телевизионная передача «Шоу “Уральские пельмени”», в которой обнаруживаются все черты шоу-дискурса выделенные Русаковыми: зрелищность и иллюзионистичность, интерактивность, презентационность, манипулятивность и маркетинговая прагматичность, карнавальность, гедонистичность (ориентация на получение удовольствия), звездность, кроме того, медиатексты юмористического шоу посвящены разным сторонам жизни русского человека и известны своей лингвокреативностью.

Иносказания за счёт двойственной природы являются возможной реализацией лингвокреативного потенциала и явно обнаруживаются в медиатексте «Съезд монстров русской словесности» (выпуск «Смешняги» №2 (2)).

Так, с одной стороны, в «Новом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой выделяются три значения лексемы **словесность**: 1. *Творчество, выраженное в слове (как устном, так и письменном); словесное творчество. // Совокупность произведений такого творчества какого-л. народа.* 2. устар. *Название филологических наук (лингвистики, стилистики, литературоведения и т.п.). // Название учебного предмета, дававшего систематические знания по литературе (в Российском государстве до 1917 г.).* 3. перен. разг. *Слова, пустые разговоры вместо дела [Ефремова]. Часто наряду с термином словесность употребляют термин литература, однако их значения не тождественны, что довольно подробно показал Ю. Айхенвальд в статье «Литературной энциклопедии» [см. подр.: 1].* Атрибутивный компонент **русская** определяет национально-культурную принадлежность компонента *словесность*. Следовательно, русская словесность – это словесное творчество (произведения) русских писателей. В Словаре русского языка под. ред.

А.П. Евгеньевой (1999 г.) приводятся следующие дефиниции слова **монстр**: 1. *Тот, кто (или то, что) выделяется, поражает своей необычностью, своими особыми свойствами, своим устройством и т.д.* 2. *Человек (или животное) с каким-л. особенным физическим недостатком, уродством; урод* [13]. В Толковом словаре иностранных слов Л.П. Крысина монстр определяется как 1. *Чудовище, урод.* 2. *О ком-чем-н. чрезвычайно значительном, выдающемся* [10]. Таким образом, признаки «значительный», «выдающийся» в семантике слова монстр появившиеся позволяют отнести рассматриваемую лексему к синонимическому ряду *монстр, гигант, титан*. Так, например, *гигантами* русской литературы В. Кулешов во Введении учебного пособия «История русской литературы XIX века» называет Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, а С. Довлатов в лекции «Блеск и нищета русской литературы» отмечает: «На смену этим четырем *титанам* [Пушкину, Толстому, Достоевскому, Тургеневу] пришел Антон Павлович Чехов...» [4]. Итак, логично предположить, что **монстры русской словесности** является не тем иным, как классиками русской литературы.

С другой стороны, выражение «Монстры русской словесности» в контексте номера развлекательной телепередачи «Шоу “Уральские пельмени”» имеет иное значение. В данном случае монстры русской словесности – персонифицированные и реперезентованные на сцене (на телеэкране) эвфемизмы русского языка, т.е. уроды, чудовища, созданные русской словесностью – народным творчеством. При этом, наблюдается как прямая номинация персонажей: *Дед Пихто, Конь в пальто, Ядрёна Вошь, Капец, Кирдык, Хана, Аллес, Медный Таз, Мазафаки, Чмо, Пипец*, так и непрямая, в виде перифраза: *Товарищ из династии Моржовых (он же Товарищ с горы); друг Товарища с горы; Оно на палочке*. Тенденция к широкому употреблению эвфемизмов в масс-медиаальном дискурсе объясняется суггестивным воздействием, которое реализуется, по мнению М.Р. Желтухтной, через такие маркеры, как интенсивность, образность, эмоциональность / эмотивность, экспрессивность, функционально-стилистичность, культурная специфичность, оценочность, институциональность, стереотипность, мифологичность, комичность, фоносемантическая, адгерентность / актуализованность [8, с. 6].

Примечательно, что в медиатексте «Съезд монстров русской словесности» вышеперечисленные персонажи представляют собой разные группировки, составляющие оппозицию **свои – чужие**, которая, как считает Ю.С. Степанов, в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных противопоставлений, существующих в коллективном, массовом, национальном мироощущении [16, с. 472]. В своё время данная оппозиция рассматривалась М.М. Бахтиным, А.П. Бабушкиным, С.Л. Сахно. А.А. Аминова и Р.М. Планкина исследовали оппозицию **свой – чужой** в русской, татарской и английской лингвокультурах и выделили три тематические группы (семья, народ, общество, религия), раскрывающих данную оппозицию. В

медиатексте мы обнаружили несколько вариаций бинарной оппозиции **свои – чужие**.

1) **свои / наши** (*принадлежащие к определенной группе, сообществу*) – **чужие** (*остальные*). **Наши**, т.е. принадлежащие определенной группе, в данном медиатексте реализованы через персонажей **Капец, Кирдык, Пипец, Хана, Капут, Аллес, Медный Таз**, в значении имен которых содержится признак фатальности, ср.: **капец** нескл., м и в зн. сказ. 1. ‘конец, провал’. 2. и в зн. межд. ‘всё, баста, пропали’ [6], **кирдык** от тюрк. или звукоподр. ‘конец, провал, швах’ [6]; **пипец** ‘цензурный аналог известного бранного слова, означает плохое происшествие, кажущаяся безвыходность положения, большие проблемы, неприятности’ [14]; **хана** прост. ‘гибель, конец, смерть’; **аллес**, или **аллес капут** от нем. *alles kaputt* ‘всё кончено»; **медный таз** – компонент фразеологизма **накрыться медным тазом**, т.е. ‘закончиться, провалиться, расстроиться (о деле); потерпеть неудачу, разориться (о человеке)’ [6]. К «не нашим», т.е. не принадлежащим группе по признаку фатальности, относятся остальные персонажи.

2) **свои** (*союзники: мы и друзья*) – **чужие** (*противники*).

К «своим» в данной оппозиции относятся персонажи, входящие в первую вариацию, а также персонажи русских ответных фразеореplik **Дед Пихто** и **Конь в пальто**, активно функционирующие не только в устной, но и письменной речи. Например, название сборника сказок «Дед Пихто» Г. Кияшко, персонаж дед Пихто Твердяич в романе «Катали мы ваше солнце» Е. Лукина. «Русскость» этих персонажей иронически обыгрывается в юмористическом четверостишии А. Соколова:

Хороша страна Россия!
Здесь пасется конь в пальто.
Здесь родился, жил и умер
Знаменитый дед Пихто! [15]

Происхождение русского эвфемизма **Ядрёна вошь** творчески «объясняется» в стихотворении «Звери» А. Кондрашина:

Бродят звери по Руси
Неизведанных кровей
И неистовой чертей.
Ой, ты, Господи, спаси!
<...> Есть ещё «Ядрёна-вошь» –
Крохотулька в брэнном теле,
Днём со свечкой не найдёшь,
Так мала. Ну, а на деле?
Эх, короче говоря,
Весело в России жить:
Напридумали зверья,
Им же стали костерить [9].

В исследованиях, посвященных бинарной оппозиции свои – чужие отмечается, что «чужое», имеющее отношение к «ним», изначально маркировано всегда отрицательно [3, с. 178]. Так, к «чужим» в данной вариации относятся некие *Мазафаки* (мн.ч. от англ. motherfucker (мазафак ← мазафакер ← motherfucker) ‘a detestable person; bastard, shitheel’ [18]), внесценические персонажи, упоминаемые в последних репликах медиатекста:

Капец: «Товарищи, вот вы здесь сидите, а там *американские Мазафаки* какое-то Чмо бьют».

Товарищ с горы: «Что значит «какое-то», товарищи? Мы же патриоты. Это же *наше русское славянское Чмо*. Постоим за русскую словесность!».

Маркеры «русское, славянское» и «американские» подчеркивают контрадикторную природу оппозиции **свой – чужой**, а открытый призыв «Постоим за русскую словесность!» звучит как навязывание «своего» образа мира посредством насилия. Как замечено О.В. Балясниковой, «мы убеждены, что объективно воспринимаем суть окружающих нас реалий, не осознавая, что на самом деле включаем их в схемы и отношения, заданные собственной культурной традицией» [2].

Обратившись к тексту последней реплики, мы обнаружили интересное явление. В работе «К значению и этимологии русского просторечного чмо» (авт. М.Т. Дьячок) приводится дефиниция просторечного разговорного слова чмо приводится 1. ‘грязный, неряшливый, опустившийся человек, не следящий за собой’; 2. ‘асемантическое грубое ругательство’ [5, с. 55]. Здесь же М.Т. Дьячок делает попытку описания этимологии просторечного русского слова *чмо* и обнаруживает его фонематическую близость со словом *schmo* в американском сленге, означающее, например ‘a dull, stupid, or boring person’ [17] или ‘a stupid or annoying person’ [19], предполагая наиболее вероятное происхождение и русского *чмо* и американского *schmo* из индиша [см. подробнее: 5, с. 55-59]. Таким образом, сочетание *наше русское славянское Чмо* приобретает парадоксальные черты: мало того, что *чмо* не славянское, согласно точке зрения М.Т. Дьячка, так ещё оно и не исключительно «наше», «русское», но и «чужое», «американское». Тем самым оппозиция **свои / наши** (наши, русские) – **чужие** (американцы) перестаёт быть таковой в слове из трёх букв.

Список литературы:

1. Айхенвальд Ю. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. [Электронный ресурс] / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5790/Литература_и_словесность.

2. Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур [Электронный ресурс] // Научная библиотека

диссертаций и авторефератов. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/svoi-chuzhoi-v-yazykovom-soznanii-nositelei-russkoi-i-angliiskoi-kultur#ixzz44voYNxnD>.

3. Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 175-187.

4. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк: «Новый американец», 1982. – № 111. – Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/blesk.html>.

5. Дьячок М.Т. К значению и этимологии русского просторечного чмо [Электронный ресурс] // Современное русское языкознание и лингводидактика. – Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. – М., 2007. – С. 55-59. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-07a.htm>.

6. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990) [Электронный ресурс] // Грамота.ру. – 2002. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/>.

7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/s7480.html>.

8. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.; Волгоград, 2003. – 656 с.

9. Кондрашкин А. Звери [Электронный ресурс] // Стихи.ру. – 2006. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2006/11/16-441>.

10. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://megabook.ru/article/Монстр%20-%20Толковый%20словарь%20иностранных%20слов%20Л.П.%20Крысина>.

11. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монограф. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.

12. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-Методологический Анализ. – Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН – Институт международных связей, 2008. – 282 с.

13. Словарь русского языка в 4-х томах [Электронный ресурс]. – М., Русский язык, 1999. – Т. 14 // ЭНИ. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>.

14. Словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://argo.academic.ru/3888/пипец>.

15. Соколов А. Хороша страна Россия! [Электронный ресурс] // Красная бурда. – Режим доступа: www.redburda.ru/я-горжусь-тем-местом-где-родился.

16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – 284 с.
17. Collins English Dictionary. 8th Edition. 2006. – P. 820.
18. The Dictionary of American Slang, Fourth Edition by Barbara Ann Kipfer, PhD. and Robert L. Chapman, Ph.D. Copyright (C) 2007 by HarperCollins Publishers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dictionary.com/browse/motherfucker>.
19. Longman Exams Dictionary. – London, 2006. – P. 1367.

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

© Ефимчик С.М.¹, Крайнова А.С.²

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург

В данной статье обосновывается учет включения в процесс межкультурного образования в военном вузе этнокультурных особенностей учащихся из стран ближнего зарубежья, изучающих русский язык, как способа повышения эффективности педагогического воздействия и достижения учащимися высокого уровня межкультурной компетенции.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, русский язык как иностранный, межкультурное образование, межкультурная компетенция, этнос, этническая культура, этнокультурные особенности, этнопсихологические особенности, национальный характер, культура межнационального общения, ближнее зарубежье.

В настоящее время в методике преподавания иностранных языков актуальным признается подход, в соответствии с которым результатом обучения должно быть формирование у учащегося не столько коммуникативной компетенции, сколько *межкультурной*, под которой понимается «умение общаться с представителями другой культуры, включающее способность к пониманию ограниченности своей собственной культуры и своего собственного языка, и умение переключиться при встрече с другой культурой на другие не только языковые, но и неязыковые нормы поведения» [Методика межкультурного образования, 2011: 4]. А формирование межкультурной компетенции осуществляется в учебном процессе через межкультурное об-

---

¹ Доцент кафедры Русского языка, кандидат культурологии, доцент.

² Доцент кафедры Русского языка, кандидат педагогических наук, доцент.

разование, содержанием которого являются факты культуры своей страны и страны изучаемого языка.

В процессе межкультурного общения каждый коммуникант вносит в ситуацию общения свои особенности: знания о культуре, традициях, обычаях, нормах морали и поведения и т.п., существующих в стране партнера по коммуникации. То есть знания *этнокультурного характера*. С другой стороны, в процесс общения включаются знания, содержащие информацию о собственной культуре, традициях, обычаях и т.п. Таким образом, даже простейший диалог представителей разных культур на иностранном языке обусловлен *этнокультурными особенностями* представителя той или иной страны, является типичной моделью межкультурной коммуникации и, соответственно, элементом межкультурного образования.

Взаимодействие культуры и языка здесь очевидно.

Являясь неотъемлемой частью жизни человека, общение выступает, соответственно, и неотъемлемой частью культуры страны общающегося человека, что, в свою очередь, позволяет рассматривать общение как часть культуры или даже приравнивать данные понятия. Такого подхода, в частности, придерживался Э. Холл, утверждавший, что культура – это коммуникация, а коммуникация – это культура [Холл, 1995].

Безусловно, понятие культуры полисеманлично. Это связано с тем, что оно функционирует в тезаурусах многих наук, причем далеко не всегда гуманитарных, например, в медицине, инженерии, агрономии и др., а количество определений данного понятия постоянно увеличивается. Как правило, содержательное наполнение понятия культуры обусловлено спецификой того или иного подхода, ракурса внимания представителя определенной научной школы или метода к определенным компонентам культуры. Так, основоположник культурологии как науки Л. Уайт включал в понятие культуры «идеи, верования, отношения, чувства, действия, модели поведения, обычаи, законы, институты, произведения и формы искусства, язык, инструменты, орудия труда, механизмы, утварь, орнаменты, фетиши, заговоры и др.» [Культурология, 1998: 272].

Не менее многозначным в современной науке является понятие «тип культуры». Классификация типов культуры осуществляется на основании различных параметров: выделяются социальный, исторический, региональный, семиотический и др. подходы к проблеме типологизации культуры [Культурология, 2007]. В рамках указанных подходов зачастую диадами, реже – триадами представлены традиционная и инновационная, элитарная и массовая, этническая и национальная, западная и восточная культуры.

В контексте заявленной в названии статьи проблемы представляется важным выделение из всего многообразия типов культур двух её разновидностей – *этнической культуры и культуры межнационального общения*.

Этническая культура неотделима от этноса: возникает с его появлением и исторически развивается неразрывно с ним. По мысли М.С. Кагана, «этническая культура несет в себе традиции предков, охватывающие главным образом сферу труда и быта: ее черты проявляются в особенностях пищи и одежды, фольклора, народных промыслов, народной медицины и т.д.» [Культурология, 2007: 297].

Под культурой межнационального общения (межнациональной культурой) в самом общем виде понимается совокупность специальных знаний и умений, адекватных им поступков и действий, проявляющихся в межличностных контактах представителей различных этнических общностей. Высокий уровень культуры межличностного общения способствует быстрому и безболезненному достижению взаимопонимания и согласия ее носителями.

К сожалению, зачастую одной из причин возникновения недопонимания различных этносов в настоящее время является отсутствие культуры межнационального общения у их представителей.

Например, это касается представителей стран ближнего зарубежья, приезжающих на обучение в крупные города Российской Федерации, в частности, в военные вузы Санкт-Петербурга (в данном случае – в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова).

Курсанты, приезжающие из стран ближнего зарубежья для обучения в Военно-медицинскую академию и получающие условный статус «курсанты БЗ», – это, как правило, граждане Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Абхазии и Южной Осетии.

«Специфика образовательного процесса в военной академии принципиально отличается от гражданского вуза, поскольку предполагает наличие трех составляющих: обучение, воспитание и жизнедеятельность. <...> Однако процесс жизнедеятельности иностранного обучающегося в условиях военного вуза – малоисследованная область знаний, особенно при отсутствии сформированной у них культуры межнационального общения» [Гладкова, 2015: 272].

Целью обучения русскому языку как иностранному иностранных военнослужащих (как ближнего, так и дальнего зарубежья) является достижение обучающимися такого уровня коммуникативной, социокультурной и межкультурной компетенций, который позволит им осуществлять адекватное речевое общение в русской коммуникативной среде в военно-профессиональной, личностно-ориентированной и межкультурной речевых ситуациях.

Курсанты стран ближнего зарубежья – это особая категория обучающихся, находящаяся в некоем «подвешенном» состоянии: между русскими и иностранцами. Они не русские по этническому и национальному признакам, но и не иностранцы. Они говорят по-русски, но с ошибками и не всегда – с большим желанием.

В отдельных случаях мы наблюдаем их нетолерантное отношение к учебному процессу, особенно к тому, что не имеет непосредственного отношения к их будущей специальности, т.е. к медицине. Периодически мы сталкиваемся с нарушением дисциплины там, где речь идет о цикле общегуманитарных, социальных и экономических дисциплин, в частности, о русском языке. Иногда в процессе обучения мы объясняем курсантам цели и задачи их обучения в Военно-медицинской академии, а также актуальность и необходимость включения в учебные планы их специальности дисциплины «Русский язык как иностранный».

Представляется, что поведение курсантов БЗ, демонстрирующее активное неприятие того, что им неорганично, может быть обусловлено их этнокультурными и этнопсихологическими особенностями. Это предположение, несомненно, имеет эмпирический характер, поскольку на данный момент основывается на отдельных наблюдениях за обучающимися курсантами из стран БЗ в рамках изучения последними дисциплины «Русский язык как иностранный».

На наш взгляд, среди всего контингента иностранных военнослужащих из стран ближнего зарубежья наиболее выраженной указанная тенденция является в поведении абхазских учащихся. В связи с этим преподавателю русского языка, обучающему представителей Вооруженных Сил Республики Абхазия, необходимо четко представлять, с какими этнокультурными и этнопсихологическими особенностями предстоит столкнуться на практике.

Культура абхазов как титульного этноса республики является этнической. По материалам кавказо- и абхазоведов цементирующим основанием абхазской культуры и ментальности выступает этнокультурный кодекс «Апсуара» (дословно – «абхазство») – «абхазский этос, т.е. обобщенная характеристика абхазской культуры, выраженная в устойчивой системе господствующих духовных ценностей и норм поведения» [Бройдо, 2008: 25].

«Апсуара» определяет наиболее типичные черты национального самосознания и национального характера абхазов – почитание традиций, глубокое уважение предков, старейшин, обеспечивших сохранение культурного своеобразия и выживание немногочисленного народа, гостеприимство, свободолюбие, независимость суждений, философское отношение к смерти, присутствие духа в любых ситуациях, культ геройства, восприятие своего органичного единства с природой и др. Важное место в системе представлений абхазов о мире занимают также традиционные символы абхазской культуры – предметы одежды горцев, музыкальные инструменты, традиционные блюда кухни.

Этнопсихолог В.Г. Крысько с позиции наблюдателя отмечает такие черты представителей Северного Кавказа, как высокоразвитое чувство национальной гордости, самолюбие и самоуважение, приверженность национальным традициям и привычкам, этнородовая сплоченность, эмоциональность, повышенная чувствительность к чужим поступкам и суждениям, самостоя-

тельность, активность и инициативность, упорство и настойчивость в достижении поставленных целей, подчеркнутое внимание и уважение к старшим по возрасту, социальному положению и должности, стремление к лидерству среди представителей других этнических общностей [Крысько, 2002]. В отличие от представителей славянских, прибалтийских и финно-угорских народов в педагогическом взаимодействии с представителями этнических общностей Северного Кавказа следует проявлять гибкость, ни в коем случае не давить и не навязывать свою точку зрения, чтобы не вызвать резкое неприятие и агрессию.

Как видим, выделение типичных этнокультурных особенностей зависит от позиции исследователя, находящегося внутри культуры или абстрагированно от нее.

Таким образом, знание этнокультурных особенностей учащихся из стран ближнего зарубежья и прогнозирование преподавателем возможной специфики их поведения в аудитории, несомненно, будут способствовать эффективности педагогического воздействия в процессе межкультурного образования и достижению необходимого уровня коммуникативной, социокультурной и межкультурной компетенций.

Список литературы:

1. Бройдо А.И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов. – М: Изд-во РГТЭУ, 2008. – 160 с.
2. Гладкова Н.Н. Жизнедеятельность иностранных военнослужащих в условиях военного вуза как фактор формирования культуры межнационального общения // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы XIV Международной научно-практической конференции 22-24 апреля 2015 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – С. 272-276.
3. Ефимчик С.М., Китунина Н.Н., Крайнова А.С., Куликова Н.А., Трофименко С.В. Социально-культурная адаптация иностранных военнослужащих в медицинском вузе: вводный интенсивный курс русской устной речи // Вестник Российской Военно-медицинской академии. – 2015. – № 2 (50). – С. 236-239.
4. Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
5. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 446 с.
6. Культурология: учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2007. – 566 с.
7. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Книга для преподавателя / А.Л. Бердичевский, И.А. Ги-

ниатуллин, И.П. Лысакова, Е.И. Пассов / Под ред. проф. А.Л. Бердичевско-го. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 184 с.

8. Холл Э. Как понять иностранца без слов. – М.: АО «Вече» и др., 1995. – 429 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ БАРАКА ОБАМЫ И СИ ЦЗИНЬПИНА НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

© Исакова А.В.¹

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

В статье рассматривается понятие и структура языковой личности, ее ценностной картины мира. Проанализированы ценностные картины мира языковых личностей Барака Обамы и Си Цзиньпина на когнитивном уровне представления знаний о мире (на примере использования метафор в текстах их выступлений).

Ключевые слова: языковая личность, ценностная картина мира, метафора, когниция, концепт.

Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике обозначает, что большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому он живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, не столько в плане культуры речи, сколько в умении проникнуть в тайны языка [4].

Так, в центре внимания ученых оказался не просто человек, а личность, то есть конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром, личность со своими языковыми, ментальными и поведенческими особенностями, своей картиной мира, содержащей индивидуальный и национальный аспект. Благодаря изучению личности сквозь призму языка, ученые пришли к выводу, что обороты речи, используемые человеком – ценнейший источник сведений о нем самом, о культуре, в которой он родился и вырос, и о его понимании окружающего мира [2].

Языковая личность (далее ЯЛ) – это человек, который в процессе коммуникации отражает не только свой языковой опыт, но и общий опыт всего

---

¹ Студент кафедры Восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока. Научный руководитель: Ковалёва О.Н., доцент кафедры Восточных и романо-германских языков, кандидат филологических наук.

человечества. Поэтому языковая личность как феномен современной науки стала объектом исследований разных дисциплин, изучающих язык, поскольку невозможно изучить язык, не обращаясь к человеческому и культурному фактору, также как и невозможно изучить человека вне его языка. Обращение к феномену языковой личности необходимо для понимания текста и для изучения самой языковой личности, ее картины мира, которая отражена в речи, в том, как при помощи средств языковой системы человек выражает интенции, эмотивное отношение к данному моменту [4].

Караулов Ю.Н. в своей книге «Русский язык и языковая личность» (1987) определяет ЯЛ как «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств»[2].

Другим основополагающим термином для нашего исследования считаем понятие ценностной картины мира, «часть языковой картины мира, которая содержит систему модальных ценностей, этических норм и поведенческих правил и реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами»[1].

Необходимо отметить, что без рассмотрения структуры ЯЛ нельзя понять такой сложный термин, как ЯЛ. Структура языковой личности складывается из трёх уровней – вербально-семантического (или вербально-грамматического), когнитивного (тезаурусного) и мотивационно-прагматического [2]. Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, особыми связями между ними и стереотипами данных уровней. К вербально-грамматическому уровню относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка, – слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т.д. В качестве единиц когнитивного уровня, организующих статичную и относительно стабильную картину мира носителя языка, выступают: денотат, сигнификат, экстенционал и интенционал понятия, фрейм, генерализованное высказывание (т.е. афоризм, сентенция, поговорка и т.п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ (живая, «кинематографическая» картинка), каламбур и др. Известно, что фразеологизмы и метафоры являются ценными источниками информации о культуре и менталитете народа, а значит и о самом человеке. В состав единиц прагматического уровня, отражающего интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и, соответственно, динамику его картины мира, включаются оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программа поведения [2].

Данные уровни взаимно зависимы, и, на наш взгляд, прагматика (выражение отношения и оценки личности тех или иных событий) присутствует и на первых двух уровнях.

В настоящем исследовании проведен сопоставительный анализ ценностных картин мира языковых личностей Барака Обамы и Си Цзиньпина на когнитивном уровне представления их ЯЛ.

Оба политика являются яркими представителями своих наций, прекрасными ораторами и харизматичными личностями.

Барак Обама представляет особый интерес, так как является первым афро-американским президентом США, он являет собой пример личности, которой удалось сломить предрассудки политически консервативного американского народа и быть выбранным на пост президента дважды. Барак Обама характеризуется многими политологами как фигура довольно противоречивая: его активно обсуждают не только политические оппоненты в родной стране, но и многие мировые специалисты политических наук. Но, не смотря на критику, Барак Обама все же имеет достаточно высокий рейтинг доверия в США и множестве других стран мира. Он стал третьим президентом США, который получил Нобелевскую премию мира, пребывая в должности. В связи с последними мировыми событиями, такими как вооруженное вмешательство в Сирию, разоблачение действий Агентства Национальной Безопасности США, проводящей тотальную слежку за гражданами многих государств по всему миру, а также активизация действий армии США в Афганистане, имидж Барака Обамы резко ухудшился, что привело к снижению его популярности. Однако он остается яркой политической фигурой и умелым оратором, что не снижает интереса к нему политологов и лингвистов со всего мира.

Популярность председателя КНР Си Цзиньпина с каждым днем становится все очевиднее. Это, конечно, зависит не только от усиления влияния Китая на мировой политической арене, небывалых скоростей экономического роста, но и от того, как он себя позиционирует на различных публичных мероприятиях. Многими политологами и журналистами неоднократно отмечалось, что Си Цзиньпин является целеустремленной, уравновешенной, дальновидной и прагматичной личностью, однако, наблюдая за председателем КНР, можно заметить, что ему не чужд юмор, он более открыт в выражении своих эмоций по сравнению с бывшими китайскими лидерами. Си Цзиньпин не раз входил в списки самых влиятельных людей мира, составляемые ежегодно известными печатными изданиями. В собственной стране Си Цзиньпин очень уважаем, он зарекомендовал себя как ярый борец с главной китайской проблемой – коррупцией. Благодаря широкой известности его трудного прошлого и тяжелого пути по карьерной лестнице: от сына неугодного политика до современного главы нации, ему не свойственен некий ореол «императора», которым народ Китая так часто окружают своего главу. Это, несомненно, выделяет его на фоне предыдущих председателей КНР.

За исследуемую единицу когнитивного уровня представления ЯЛ выбран метафора, так как именно метафора «помогает сделать яркий акцент

на явлении, которое автор считает решающим или знаковым для понимания всей сути описываемой проблемы, а также является выражением индивидуального авторского видения мира», включая особенности национальной и личной картин мира [6]. Для обоих политиков метафора используется с целью сделать яркий акцент на явлении, которое автор считает решающим или знаковым для понимания всей сути описываемой проблемы.

Далее рассмотрим примеры метафор, объединенных одной темой, однако, имеющие совершенно разную смысловую подоплеку.

Например, метафоры о положении собственных стран:

В своей иннаугурационной речи Барак Обама использует метафору *the anchor of strong alliances*, имея в виду, что Америка – это якорь, который в современном меняющемся мире, полном угроз олицетворяет собой стабильность и лидерство в союзах с другими странами. *America will remain the anchor of strong alliances in every corner of the globe* (здесь и далее перевод автора: Америка останется якорем сильных союзов в каждом уголке мира).

Си Цзиньпин, говоря о своей стране, использует метафору скорого поезда и попутки “*快车*”, “*便车*”, характеризуя успехи Китая в экономике, между тем предлагая всем соседним странам по желанию присоединиться к Китаю и «сесть на эту попутку»: *欢迎周边国家搭乘中国发展“快车”、“便车”，让中国发展成果更多惠及周边* (Китай приветствует, когда соседние страны «сажаются на скорый поезд, попутку» китайского прогресса, что способствует распространению успехов китайского развития на соседние страны).

Обе метафоры выражают мнение политиков о собственной стране. Барак Обама выражает позицию, что Америка – лидер альянсов, лидер государств, транслируя концепт «исключительности Америки». Си Цзиньпин, в свою очередь, демонстрирует миролюбивость Китая, готовность делиться и помогать соседям, тем самым выражается концепт «мирный Китай».

Далее приведем пример метафор, объединенных темой «Историческое развитие страны».

Для Барака Обамы история страны представляется как трудное и долгое путешествие, которое не должно заканчиваться, пока не будут достигнуты поставленные цели: *Tonight, in this election, you, the American people, reminded us that while our road has been hard, while our journey has been long...* (Сегодня, на этих выборах, ты, Американский народ, напомнил нам, что пока наш путь был труден, пока наше путешествие было долгим...).

Си Цзиньпин для описания исторического развития Китая использует традиционное устойчивое словосочетание, аналогичное метафоре – чэньюй. Чэньюй, один из важнейших классов в системе фразеологизмов китайского языка, носит экспрессивный характер и эмоционально-оценочное значение. Необходимо заметить, что чэньюй широко употребляем, является показателем образованности и начитанности. Си Цзиньпин использует чэньюй *风云变幻的时代* (эпохи сменяются так быстро как гонимые ветром

тучи). Для председателя КНР история страны – это эпохи, которые постоянно сменяют друг друга, а не путешествие. Для китайца концепт «стихий», в данном случае ветер, является традиционным и часто употребляемым в речи. Исторически, Китай – это в большей степени аграрная страна, как и многие другие, зависящая от сил природы. Однако стихии в Китае имеют также и сакральное значение, которое транслируется не только в традициях, но и в исповедуемых религиях – даосизме и буддизме.

Также стоит отметить, что Барак Обама, который воспринимает развитие страны как путешествие, которое изначально предполагает конечную цель, что отражает «западное мышление» политика, где у каждого процесса есть начало и обязательно должно быть окончание. Для Си Цзиньпина развитие Китая – это эпохи, которые хоть и оканчиваются, все же постоянно следуют друг за другом. Можно проследить «восточное» отношение к жизни и идее перерождения, которое каждый раз происходит на новом уровне.

Последняя пара метафор используется политиками для описания современного состояния международных отношений и положения страны на мировой арене.

Современную политическую обстановку в мире Барак Обама описывает как систему, которая, по его мнению, сломана и должна быть исправлена (починена): *We've got to fix a broken system* (Мы должны починить эту неисправную систему).

Си Цзиньпин вновь характеризует обстановку в Китае с помощью чэньюя 浴火重生 (преодолеть трудности и начать новую жизнь), который дословно значит искупаться в огне и родиться заново словно птица Феникс. Мы видим еще один отсыл к традиционным для Китая архетипам – птице Феникс, которая после сгорания (смерти) возрождается из пепла. Председатель КНР сравнивает Китай с птицей феникс, который, проходя через трудности, снова возродится.

Так, мы снова наблюдаем разность мышлений представителя Запада и Востока, где Барак Обама, будучи представителем Запада, видит Америку, ее проблемы как систему, состоящую из взаимозависимых элементов, которые необходимо исправлять, когда Си Цзиньпин видит Китай как живой организм, который проживает жизнь, однако вечен, так как может перерождаться.

На основе приведенного анализа ценностных картин мира Барака Обамы и Си Цзиньпина можно определить доминантные для данных языковых личностей явления действительности, особенности их собственного личного опыта, ценности и традиции культуры, образующие их концептуальные системы. Конечно, для обоих политиков характерны универсальные ценности, такие как патриотизм, исключительность и независимость, однако мы видим, что способы подачи информации являются национально-специфичными для языковых личностей Барака Обамы и Си Цзиньпина, например: для председателя КНР характерна миролюбивость, китайская скромность,

отсыл к традиционным для китайской культуры архетипам и понятиям, для Барака Обамы – откровенность, повсеместное декларирование идеи национальной гордости, а также упор на традиционные ценности западного мира.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрап Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 197 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Семенов А.Л. Лексика китайского языка [Текст] / А.Л. Семенов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 310 с.
6. Большой энциклопедический словарь [Текст]: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 685 с.
7. Barack Obama Speeches [Электронный ресурс] // American Rhetoric. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>.
8. 习近平活动报道集 (Архив докладов Си Цзиньпина) [Электронный ресурс] // 新华网. – Режим доступа: www.xinhuanet.com/politics/leaders/xijinping/zyjh.htm.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО ШАХМАТЫ» В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ

© Сегал Н.А.¹, Петрова А.О.²

Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь

Статья посвящена описанию метафорической модели «политика – это шахматы» в текстах русскоязычных политических СМИ. Выявляются особенности реализации ключевых единиц, входящих в анализируемую метафорическую модель, устанавливается изменение семантики слов при их функционировании в политических контекстах.

---

¹ Доцент кафедры Русского, славянского и общего языкознания факультета Славянской филологии и журналистики, кандидат филологических наук.

² Студент 4 курса факультета Славянской филологии и журналистики.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая метафора, метафорическая модель, спортивная метафора.

В последнее десятилетие усилился интерес к политическому дискурсу как особой знаковой системе, предназначенной именно для политической коммуникации с целью выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений. Исследователи отмечают, что суть развитой системы политической коммуникации заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Тем самым роль политика заключается в том, чтобы, скрывая одни мысли и эксплицируя другие, стремиться к принятию таких решений, которые в той или иной мере удовлетворяют всех членов социума. Только это может обеспечить нормальное функционирование законодательной и исполнительной власти.

Современная политическая реальность все чаще описывает мир через конфликты и соперничество, характеризуя его как двупольную действительность, борьбу противников за власть, электорат, политические позиции, территории. Такие характеристики определяют тот факт, что образное представление политического противостояния выражается через метафорические сценарии, опирающиеся на борьбу соперников, обдумывание стратегий и тактик, анализ действий противника. Именно данный факт дает основание для создания в текстах СМИ метафорических образов, которые представляют политических противников как участников игры. В лингвистических исследованиях начала XXI века политическая метафора определяется как речевое воздействие на адресата, целью которого является формирование общественного мнения, выгодного для автора политического текста. Направленность таких текстов регламентирована политическими рамками и характеризуется навязыванием положительного либо отрицательного мнения об определенном политике, партии, государстве, политической ситуации и т.д. (работы А.Н. Баранова, Л.Е. Бессоновой, И.М. Кобозевой, Дж. Лакоффа, Т.Г. Скребцовой, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, Г.М. Яворской и др.). **Целью** данной статьи является описание метафорической модели «политика – это шахматы» в текстах политических СМИ.

Как отмечается в словарях спортивной терминологии, **шахматы** – это древняя индийская игра, получившая широкое распространение в мире. Особенность этой игры заключается в том, что она сочетает в себе элементы науки, искусства и спорта. Соперники в шахматах играют на доске из 64 светлых и темных клеток 16 белыми и 16 черными фигурами по установленным для каждой из них правилам передвижения [7, с. 37]. Необходимость продуманных решений, значимость каждого хода, предопределяющего исход игры, сближает «политические шахматы» с лексикографическим содержанием лексемы «шахматы»: **Публичная политическая шахматная партия в тандеме началась более года тому назад сильным ходом Президента –**

снятием Лужкова, хотя и до того были серьезные, но непубличные ходы партнеров (Агентство политических новостей, 28.09.2011). Метафорический образ базируется на основе семы 'противоборство'. Усилению воздействия метафоры способствует компонент 'публичная'. Во время публичной игры в шахматы соперников окружает много зрителей, что свойственно и для политических действий, которые, как правило, происходят на глазах потенциального электората.

Невнимательное отношение к игре чревато потерей фигур, которая может привести к поражению: *Политические шахматы. Почему Порошенко стал терять сильные фигуры* (Политолог, 29.01.2016). Главы стран продумывают свои действия, чтобы вывести государство на новый уровень жизни. Для этого они используют массу приемов и тактик, что дает нам возможность ассоциировать *игру в шахматы* с политикой: *Политические шахматы: Россия, Крым, Украина, США, ЕС – что впереди?* (polittechnology.org, 24.02.2015); *Украинские шахматы: кто и с кем играет в политику* (meridian.in.ua, 24.02.2015); *Янукович обыграл Европу и Россию в политические шахматы* (obozrevatel.com, 24.02.2015); *Политические шахматы. В чем причина такого пристального внимания силовиков к окружению Василия Попова?* (karelinform.ru, 24.02.2015).

Наряду с другими играми *шахматы* отражают всю палитру политических действий, сближающих политику со спортом: *А в это время веселый и быстрый Александр Турчинов начинает свою игру под названием «Всадник без головы», атакуя вероятные позиции вероятного противника, даже не зная, кого он в результате победит. Всем весело, и политические шахматы уже через два хода превращаются в привычный покер, который плавно переходит в «городки»* (donetskie.com, 24.02.2015). Если *шахматы* и покер требуют сосредоточенности, умения продумывать ход противника, то городки предполагают лишь удачный бросок, который должен разрушить конструкцию. На этом основании мы можем сделать вывод, что современная политика предпочитает стратегиям и тактикам силу, меткость и спонтанность политических ходов.

В политических контекстах *шахматы* противопоставляются американскому футболу: *Сирии нужны политические шахматы, а не американский футбол. Именно поэтому при решении сирийской проблемы следует использовать методы политических шахмат, а не американского футбола* (<http://ru-news.ru>). Данные виды спорта сильно различаются между собой: правила американского футбола позволяют использовать в ходе игры силовые приемы по отношению к любому из игроков на протяжении всего матча, в то время как *шахматы* – интеллектуальная игра, предполагающая ведение стратегий и тактик. Война в Сирии обрела беспорядочный характер, удары по территории государства наносят без предупреждения. В рассмотренном контексте делается упор именно на силовой фактор. Так, се-

мантические компоненты “физическая сила” трансформируются в “политическое давление”. Контекст дает понять, что в сложившейся ситуации нужно действовать, обдумывая каждый последующий ход, что свойственно игре в шахматы. Стратегия и точные ходы позволяют искоренить бесконтрольность, которую воплощает американский политический футбол.

Цель шахматной партии – поставить сопернику шах и мат. Так происходит и в политике: главы стран стараются сделать как можно больше для того, чтобы своими действиями получить власть. Семантические компоненты “победа в шахматной партии” модифицируются в компоненты “усиление политического влияния”: *Россия: Путин ставит ШАХ и МАТ США и Евросоюзу. Окружение, шах и мат американскому доллару со стороны «Евразийского дуэта»* (goldnike-777.blogspot.com, 24.02.2015); *Политические «шах» и «мат» вместо акции протеста* (tv2.tomsk.ru, 24.02.2015).

В лексикографической интерпретации лексема *гроссмейстер* определяется как «высшее спортивное звание в шахматах» [7, с. 88]. В политических контекстах происходит замена семантических компонентов “спортивный лидер” на компоненты “политический лидер”: *Путин – политический гроссмейстер* (<http://inosmi.ru>); *«Политический гроссмейстер» Илюмжинов может вернуться* (<http://asiarussia.ru>); *Сергей Караганов – гроссмейстер внешней и оборонной политики России* (<http://politobzor.net>).

Широкое поле для ассоциаций представляют *шахматные фигуры*, которые противопоставлены по значимости и принадлежности тому или иному игроку. Так, под фигурами подразумеваются главы правительства: ферзь и король. Это самые сильные фигуры в шахматной партии. При этом *пешиками* становится народ, который, по замечанию автора текста, не имеет большого влияния и не может существенно повлиять на исход игры. *Политические шахматы. Есть ферзь, король и мы – пешки. «Оранжевые» воюют методами Муссолини* (news.tut.ua, 24.02.2015).

В политических текстах под шахматной фигурой *ферзь* понимаются высшие органы государства и члены правительства. В силу сложившихся обстоятельств политический *ферзь* становится вынужденной жертвой, которую удаляют с поля политической битвы: *Яценюк жертвует «ферзем», чтобы избежать отставки. Благодаря уходу своего партийного соратника Яценюк надеется сохранить кресло премьера* (<http://nk.org.ua>); *Януковичу желательно пожертвовать ферзем и ладьей – премьером и главой МВД* (<http://interfax.com.ua>).

Значимым фрагментом политической картины мира являются контексты с ключевым словосочетанием *ход слонам*. В словаре спортивной терминологии *шахматный слон* определяется как фигура, которая имеет возможность ходить исключительно по диагонали, что не дает ей большой возможности изменить исход игры. Так, *ход слонам* может лишь повлиять на промежуточный результат партии, тем самым запутав игроков, предоставив

время для размышления над ходом противника. В контекстах с опорой на данную конструкцию мы можем проследить интегральные семы “неизвестный результат”, “неопределенность”, “неожиданность”: *Ход слонем, или Зачем Асад приезжал в Россию. О визите президента Сирии в Москву вот уже три дня говорят в разных уголках планеты* (<http://www.trud.ru>); *Ход слонем. Чего ждать России от пришедших к власти республиканцев. Почему приход к власти Маккейна и его политической силы сулит существенное изменение внешнеполитического вектора США* (<http://www.facenews.ua>).

Пешка – одна из самых противоречивых фигур партии: она наименее ценна, но в определенной позиции может стать любой из фигур, кроме короля. В «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова во втором значении пешка определяется как «перен. О незначительном, невлиятельном человеке, несамостоятельном в действиях (прост.)»[5].

Так, на базе данного ЛСВ можно выделить несколько групп метафорических конструкций, в которых ключевая единица пешка показывает особенности своей реализации.

1. Конструкции, построенные на основе модели «политический субъект – это пешка»: *Савченко – пешка информационной войны* (<http://www.dentv.ru>); *Рахат Алиев – «пешка» в политической игре* (naviny.by); *Сирия – пешка в большой игре за контроль над Европой* (<http://razumnye.org>); *Украина – лишь пешка в политической игре против России* (<http://www.zadira.info>); *Что такое сегодняшняя Болгария? Это жертвенная пешка на шахматной доске. А ее временная роль – быть блокирующей пешкой для всех русских проектов* (Комсомольская правда, 24.05.2013).

2. Конструкции, построенные на основе альтернативной модели «субъект – пешка или ...»: *Алексей Сокин – политическая пешка или человек с большим будущим* (<http://superomsk.ru>); *Геннадий Корбан – политический мученик или взятая пешка Коломойского?* (www.kievpravda.com).

3. Конструкции, построенные на основе модели «использовать как пешку»: *США используют Украину как пешку в политической игре* (www.rg.ru); *Запад использует Украину как пешку в политической игре* (www.vesti.ru).

4. Конструкции, построенные на основе модели «жертвовать пешкой»: *Березовский пожертвовал пешкой БАБ – мастер по части придумывания многоходовых провокаций, которые должны рассорить российскую власть с Западом* (Комсомольская правда, 23.11.2009).

Ферзь и пешка – фигуры, которые часто противопоставляются в метафорических конструкциях, используемых в политических текстах: *Ферзи и пешки украинской политики* (http://www.ng.ru/courier/2014-10-13/11_ukraina.html); *Чтобы одержать политическую победу и избежать военных действий, президенту России пришлось присоединить Крым и отказаться от отношений с целым государством, а так же запустить волну протестов от разных стран. Но, как известно, иногда выгоднее оставить себе пешку, которая в дальнейшем позволит выиграть, выйдя в ферзи.*

Другое сходство современной политики и игры в шахматы заключается в стратегических установках – **«жертва ради победы»**. В языке шахмат такая установка называется **«гамбит»** – начало партий, в которых одна из сторон в целях быстрее развития и для получения атаки жертвует материалом (пешки или фигуру) [7, с. 76].

Контексты, раскрывающие метафорический образ *гамбита*, дают основание утверждать о том, что именно в 2014-2016 годах происходит наиболее активная метафоризация спортивной атрибутики в политических текстах русскоязычных СМИ.

Так, мы можем выделить контексты, в которых идёт речь о гамбите, связанном с военно-политической ситуацией в Сирии. В последние годы действия России в отношении Сирии получили широкий резонанс. Выделяются противоположные по коннотации группы моделей. Метафоризация связана непосредственно с Россией и странами с противоположным мнением относительно сирийской ситуации. Следующие контексты позволяют утверждать о положительном (для России) завершении такого рискованного хода, как политический гамбит: ***Сирийский гамбит обеспечил России место во главе стола*** (inosmi.info); ***Как Путин разыграл сирийский гамбит*** (centerforpoliticsanalysis.ru); ***Политологи разыграли сирийский гамбит. Российские власти делают ставку на геополитические методы – участие в военной операции в Сирии для преодоления внешней изоляции страны*** (news.mail.ru). Другие контексты дают основание ставить под сомнение исход применения политического гамбита. Данный тезис подкрепляется противопоставлением таких языковых единиц, как **«гамбит»** и **«цугцванг»**. Под **цугцвангом** понимается «положение в шахматной партии, при котором соперник вынужден сделать невыгодный ход, что еще более ярко указывает на негативный исход ситуации: ***«Сирийский гамбит» Москвы может превратиться в военно-политический «цугцванг»*** (<http://ruskline.ru>).

Семантические компоненты “спортивная стратегия” в политическом тексте модифицируются в компоненты “политическая стратегия”, которая, как утверждают контексты, не всегда является дальновидной: ***В украинском гамбите Путин взял пешку, но потерял ферзя. Россия снова пошла «против всех» ради того, чтобы получить Крым*** (<https://russian.rt.com>).

Следующая группа контекстов указывает на существование модели **«субъект – производитель гамбита»**, где субъектом является политический субъект, который демонстрирует получение выгоды ценой потери одной из «фигур»: ***Большой гамбит мэра Голкова, или жизнь после драки. Как далеко решил отступить мэр Улан-Удэ Александр Голков, чтобы сохранить за собой пост градоначальника? И какими фигурами он пожертвует в ближайшем будущем?*** (<http://asiarussia.ru>); ***Севастопольский гамбит: ход Лебедевым*** (sevkor.ru). Наравне с семантическим компонентом **“получение выгоды”** реализуются компоненты, не свойственные для гамбита в шахматной

партии – “ход для чьей-либо выгоды” и “манипуляции ходом”: Украинский гамбит: кем пожертвует Порошенко для удовлетворения США? (<http://ru-economics.ru>); Турецкий гамбит в Крыму, или кто дергает за веревочки (voicesevas.ru).

Таким образом, очевиден факт метафоризации моделей с опорой на единицу **гамбит**, которая является частотной для текстов современных политических СМИ, модифицируя уже существующие и создавая новые семы.

Функции и возможности шахматных фигур сопоставляются с действиями политических групп, при этом спортивные семы переходят в политические: “тяжелые шахматные фигуры” – “общественные организации”, “пешка” – “политическая партия”. Несомненным при этом является необходимость смены приоритетов, при которой пешки имеют возможность обрести статус ферзя, которому доступны самые выгодные ходы: *Если провести аналогию с игрой в шахматы, то общественные организации соответствуют тяжелым фигурам на шахматной доске. Они обладают большой свободой маневра – могут ходить вперед и назад, прямо и наискосок... Гораздо суровее правила относятся к политическим партиям, которые подобны шахматным пешкам. Тем можно передвигаться только вперед, да и то лишь на одну клетку... Но есть одно «но». Это «но» заключается в том, что пешка может пройти в ферзи, а тяжелая фигура не может* (<http://www.pzrk.ru>). То же свойство, позволяющее иметь превосходство над вышестоящими фигурами, – переходить в ферзя, – мы обнаруживаем и в следующем контексте: *Более тонкая политическая шахматная комбинация – «пешка, проходящая в ферзи» использовалась уже дважды в варианте «преемник», причем уже вторая попытка была явно неудачной* (<http://cont.ws/post/170499>).

Таким образом, **шахматы** представляют собой широкую базу для ассоциирования, определяемую логичностью и продуманностью действий, наличием главных и второстепенных фигур. Именно данные характеристики определяют значимую роль **шахмат** как фрагмента политической картины мира.

Список литературы:

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н.Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
2. Бессонова Л.Е. Проблема толерантности СМИ в современном политическом дискурсе / Л.Е. Бессонова // Культура народов Причерноморья. № 36. – Симферополь: ТНУ, 2002. – С. 119-121.
3. Кобозева И.М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ / И.М.Кобозева // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001. – С. 136-137.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: «Прогресс», 1990. – 157 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. – М., 1997. – 944 с.

6. Скребцова, Т. Г. Современные исследования политической метафоры: три источника и три составные части // *Respectus philologicus*. Vilniaus universiteto. – 2004. – № 5 (10).

7. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник / А.Н. Блеер, Ф.П. Сулов, Д.А. Тышлер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 464 с.

8. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – 248 с.

9. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ЛЮБВИ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.В. МАЯКОВСКОГО

© Сегал Н.А.¹, Трембач И.В.²

Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь

Данная статья посвящена анализу фрагмента индивидуально-авторской картины мира В.В. Маяковского на материале частной переписки автора с Л.Ю. Брик. В работе анализируется восприятие и отображение в тексте чувства любви, а также смежных с ней эмоций. С помощью контекстного анализа определяются лексические средства и особенности их употребления для передачи мыслей и чувств адресанта, рассматривается семантическое поле лексемы «любовь» и ее семантико-структурные преобразования в эпистолярике В.В. Маяковского.

Ключевые слова: эмотиология, эмотивная лексика, эпистолярика, любовь, В. Маяковский.

Изучение индивидуально-авторского стиля – актуальное направление как в области литературоведения, так и в лингвистике. Однако понятие индивидуально-авторской картины мира все еще пребывает в стадии осмысления. В статье Л.В. Миллер этот феномен определяется как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной

---

¹ Доцент кафедры Русского, славянского и общего языкознания факультета Славянской филологии и журналистики, кандидат филологических наук.

² Магистрант 1 курса кафедры Русского, славянского и общего языкознания факультета Славянской филологии и журналистики.

памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [6, с. 41–42]. Исследователи отмечают, что картина мира конкретного автора существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, ибо она есть «субъективный образ объективного мира». Она представляет собой образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка писателя, результат его духовной активности [5, с. 42–43]. Тарасова И.А. полагает, что в индивидуальной картине мира проявляются основные категории человеческого мировидения, но в их личностной интерпретации, с учетом ценностных установок, целей и мотивов субъекта. При этом художественная картина мира, формируемая автором в том или ином тексте художественного произведения, становится базой восприятия текста для читателя [8].

Одним из важнейших средств отображения индивидуально-авторской картины мира является эмотивная лексика, поскольку ее применение содействует более качественному анализу и восприятию чувств, личностного мировоззрения, нашедших свое выражение в тексте.

Эмотивная лексика и особенности ее реализации в языке представляют собой безусловный интерес для исследователей гуманитарных наук.

В современной психологии, как утверждает А.А. Крылов, под эмоциями принято понимать «субъективные переживания человеком его отношения к предметам, явлениям, событиям, другим людям» [4]. Ильин Е.П. отмечает, что эмоция «обычно понимается как переживание, душевное волнение» [3]. Исследование эмоций в психологическом ракурсе не покрывает все аспекты реализации и формирования эмотивных единиц. Для изучения их вербальной репрезентации и прагматической ценности необходимыми являются другие гуманитарные дисциплины, среди которых ведущую роль, безусловно, играет лингвистика.

В центре внимания исследователей-лингвистов лежит эмотивное значение, которое активно изучается новой отраслью языкознания – эмотиологией (термин – В.И. Шаховский). Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности.

Ученые отмечают, что эмотивность имеет двусторонний характер: в тексте она является отражением различных аспектов человеческой эмоциональности и в то же время выступает в качестве характеристики языковых средств, служащих для кодирования эмотивного содержания.

В эмотиологии выражение эмоций определяется как непосредственное речевое проявление, производимое при помощи специфических единиц – эмотивов. Изучением данного аспекта занимались В.И. Шаховский, Ю.Л. Гончарова, Н.А. Лукьянова, З.Е. Фомина. По мнению В.И. Шаховского, наименования эмоций не относятся к эмотивной лексике, поскольку представляют собой не конкретное чувство, а лишь логическую мысль о нем, являясь его

понятийным обозначением. Следовательно, если слово лишь обозначает эмоцию, то эмотивным при этом оно не является. Кроме того, как утверждает В.И. Шаховский, «эмоции являются центральным, стержневым качеством человека. Его эмоциональный тренд, его эмоциональный индекс управляют выбором языковых и стилистических средств, вербальных или невербальных, в зависимости от ситуации общения» [10].

В эмотиологии языковые единицы, обозначающие и выражающие эмоции, различают посредством их обозначения или называния, различных видов дескрипции, а также за счет их выражения в речи. Языковые обозначения эмоций используются в речи при их осознанном употреблении или описании, то есть при намеренном словесном выражении говорящим своего эмоционального состояния [2]. При этом данные языковые обозначения эмоций варьируются в четырех лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях (работы Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Бабенко, А.А. Зализняк, Е.А. Зуевой и т.д.).

Анализ текстов различных жанров позволяет сделать вывод о том, что наиболее полно эмотивная лексика отражается в эпистолярных текстах, особенно в частной переписке. Материалом нашего исследования послужила переписка Владимира Маяковского с Лилией Брик.

В эпистолярике Владимира Маяковского эмотивная лексика занимает центральную позицию. На материалах частной переписки поэта может быть построена фрагмент его индивидуально-авторской картины мира, установлено, как в зависимости от эмоционального фона В.В. Маяковского варьировались выбираемые им языковые средства. Для Владимира Маяковского эмотивность лексики – неотъемлемая часть творчества. В данной статье описывается индивидуально-авторское мировосприятие поэта за счет определения и дифференциации эмоций, описываемых автором, выделяются вербальные и невербальные средства, за счет которых В.В. Маяковский реализовал свои чувства.

Для максимально достоверной интерпретации эмоций Владимира Маяковского обратимся к воспоминаниям его современников. Как отмечает З.С. Паперный, жизнь поэта естественно связывается с биографией века, языковые средства избираются и употребляются в соответствии с требованиями эпохи того времени. По мнению критика, «...жестокосно просчитается тот, кто начнет раскладывать поэтику Маяковского по самостоятельным рубрикам – неологизмы, архаизмы, сравнения, ритм, рифмы, аллитерации, – не чувствуя грозowego, революционного, «неистового» духа его новаторства» [1]. «Грозовой дух» поэта мы находим не только в его революционных стихотворениях, – он отчетливо прослеживается в текстах писем личностной тематики, что будет выявлено при дальнейшем контекстном анализе.

В жизни и творчестве Владимира Маяковского чувства являлись одной из основных побуждающих сил. В данной статье проводится описание и анализ индивидуально-авторской реализации *любви*.

Известно, что главной музой на протяжении всего творческого пути В.В. Маяковского и до самого конца оставалась Лилия Брик – ей посвящена большая часть лирики поэта, а также материалы эпистолярного творчества, являющие собой важную составляющую культурного наследия Владимира Маяковского. По свидетельствам современников, а также при анализе лирики поэта выясняется, что его взаимоотношения с Лилией Брик были достаточно сложными и даже подчас драматичными. Эта особенность находит свое отражение в восприятии Владимиром Маяковским любви. Его «любовь» далека от общепринятых понятий и часто на ассоциативном уровне граничит с чувством горя, близким к ненависти и душевными страданиями.

Анализируя семантическое поле *любовь* сквозь призму мировосприятия поэта, мы обнаруживаем, что на ближнюю периферию выходят ассоциации, в которых отсутствует позитивная коннотация. Отметим, что такие ассоциации, по результатам, зафиксированным в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю.Н. Караулова, относятся к дальней и крайней перифериям. Владимиру Маяковскому присуще свое, истинно авторское, новаторское изображение понятия *любовь* за счет лексических новообразований, наделяния нейтральной лексики новыми функциональными значениями, а также за счет использования невербальных, художественных средств. Для наглядного раскрытия особенностей реализации эмоций поэта обратимся к анализу контекстов эпистолярики В.В. Маяковского и Лилии Брик (авторская пунктуация соблюдена).

1) Тревога, грусть, абсолютная поглощенность мыслями об объекте послания находит свое отражение в нижеприведенных сроках: *Напиши пожалуйста, я каждый день встаю с тоской: «Что Лиля?» // Не забывай что кроме тебя мне ничего не нужно и не интересно. // Люблю тебя* [11, с. 53].

В данном контексте адресант прямо называет свое чувство, используя определенно-личную глагольную конструкцию *люблю тебя*. Любовь имеет эксплицитное выражение, граничит с чувством грусти, на что нам указывает существительное *тоска*. В лексикографических источниках тоска определяется как «тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога» [7]. Автор испытывает волнение, отрешенность, которая выражается в двойном отрицании «*ничто не*» – *ничто не* нужно, *ничто не* интересно. Таким образом, на основании данного контекста определяем, что любовь – это тревога, забота, беспокойство и всеобщая поглощенность объектом чувств.

2) Сравнение любимого человека и чувств, которые он вызывает, с теплым солнцем, отображены в данном контексте: «*Не болей. Пиши. Люблю тебя солнышко мое милое и теплое*» [11, с. 55].

Эксплицитное выражение любви проявляется за счет конструкции *люблю тебя* – прямой номинации состояния адресанта. Оттенок нежности вносится благодаря использованию существительного *солнце* в уменьшительно-ласкательной форме – *солнышко*, которое автор характеризует как *милое* и

теплое, то есть такое, которое вызывает положительные эмоции – умиляет, согревает душевно. На материалах данного контекста образ любви реализуется в рамках устоявшегося, общепринятого определения любви как чувства нежности, привязанности, того, что вызывает положительные эмоции.

3) Любовь, реализующаяся в обращении к адресату, в конструкциях с прямой номинацией чувств автора, находит свое воплощение в нижеприведенных строках: *«Любимый Лиленок! [...] // Люблю и целую // твой мотающийся как собака Щенок»* [11, с. 56].

В данном контексте реализация любви происходит за счет прилагательного *любимый* и глагола *люблю*. В лексикографических источниках лексема «любимый» определяется как «тот (та), кого любят, возлюбленный, возлюбленная; предпочитаемый всем остальным <...>» [7, т. 2, с. 208]. *Лиленок* – окказиональная производная форма от имени собственного Лилия – за счет суффикса субъективной оценки *-енок* отражает нежное отношение автора к адресату письма. Словосочетание «любимый Лиленок» заключает в себе семантику трепетного, бережного отношения, нежного, теплого чувства к объекту послания. Таким образом, Владимир Маяковский в открытой форме передает свои ощущения, активно задействуя уменьшительно-ласкательные формы лексем и производные от существительного «любовь», а также авторские новообразования имени собственного с заключенным в нем оттенком трепетного, нежного отношения. Образ любви в данном контексте несет в себе положительную оценку и передает бережное, сентиментальное отношение автора к адресату.

4) Отчаянная любовь одного человека, по своей мощи противопоставленная силе миллионов, находит свое выражение в данном контексте: *«Не забывай меня христа ради я тебя люблю в миллион раз больше чем все остальные взятые вместе. [...] Люби меня детанька. [...] // Сегодня получил твоё командировочное письмо сделаю все что может сделать любящий щен»* [11, с. 60-61].

Данный контекст начинается с мольбы, призыва помнить, не забывать – «христа ради», ради всего святого – наивысшая форма просьбы для верующего человека. В.В. Маяковский изображает свою любовь как нечто неисчисляемое, очень больших размеров. Числительное «миллион» используется для демонстрации степени величины чувства автора. Сравнительный оборот «в миллион раз больше чем все остальные взятые вместе» заключает в себе семантику того, как один человек может любить с силой, недоступной прочим людям. Повелительная форма глагола *люби* выражает побуждение, настоятельную просьбу разделить эмоции адресата. Анализируемый нами контекст включает в себя разновидность мольбы и настоятельной просьбы. Индивидуальный авторский образ любви представлен как огромная, неисчисляемая мощная сила – сила одного человека против миллиона остальных.

5) Градация любви, ее сила и степень, а также граничащие с ней эмоции описаны Владимиром Маяковским в нижеприведенном контексте: *«Очень*

по тебе скучаю, очень тебя люблю и очень тебя жду [...] // Я тебя сейчас даже не люблю а обожаю» [11, с. 75].

Автор акцентирует на силе своих ощущений, используя наречие *очень*, которое определяется как «весьма, чрезвычайно, в сильной степени»; тем самым Владимир Маяковский лексически усиливает семантику глаголов *скучаю, люблю и жду*. Таким образом, он не просто любит, а любит с удвоенной силой, которую и определяет наречие «очень». Таким же образом можно охарактеризовать и другие однородные члены-сказуемые, которые употребляются в сочетании с данным лексическим приемом усиления. В лексикографических источниках лексема *скучать* толкуется как «томиться, тосковать без кого-, чего-л» [7, т. 4, с. 126]. Адресант испытывает грусть, он тоскует по объекту своей любви, ждет встречи. При этом поэт отмечает, что он не даже не любит, а обожает. Глагол *обождать* в данном контексте несет в себе семантику более сильного чувства, чем глагол любить. В лексикографических источниках лексема *обождать* толкуется как «питать к кому-, чему-л чувство сильной, доходящей до преклонения любви» [7, т. 2, с. 552]. Таким образом, в авторском обозначении любви Владимира Маяковского появляется оттеночность – от более сильного чувства к его закрепленному, устоявшемуся пониманию.

б) Чувство особой близости, родства, граничащего с кровным, описывает Владимир Маяковский в своем послании: *«Кроме тебя родная нет никого на свете. Люблю тебя во всю душу и во все свое сердце. // Люблю тебя родненькая»* [11, с. 78].

В обращении к адресату автор использует прилагательное «родная», которое толкуется в лексикографических источниках как «1. находящийся в кровном родстве по прямой линии; <...> 4. дорогой, близкий сердцу» [7, т. 3, с. 724]. Таким образом В.В. Маяковский говорит об исключительности Лилии Брик в его жизни – кроме нее ближе людей не существует, «нет никого на свете» – пишет адресат. В данном контексте семантическая цепь особого родства прослеживается также и при употреблении в обращении производной от прилагательного «родной» лексемы *родненькая*. Суффикс субъективной оценки *-еньк* с уменьшительно-ласкательным оттенком передает ту нежность, которую испытывает автор к объекту своего послания.

Конструкция *люблю тебя* встречается дважды, причем в первом случае определяется степень чувства – «во всю душу и во все сердце» в значении «в полную силу, в высшей мере». Таким образом, в данном контексте Владимир Маяковский открыто передает свои эмоции, называет их, задействуя прилагательные с семантикой духовной близости, схожей с кровным родством. На основе проанализированного материала, определяем, что любовь в авторском мировосприятии выступает как самый главный жизненный аспект, эмоции всегда ярко выражены и варьируются между грустью, близкой подчас к отчаянию, и радостью, восторгом, который вызывает у адресанта объект его писем.

Список литературы

1. В. Маяковский в воспоминаниях современников: серия литературных мемуаров [Электронный ресурс] / Под ред. В.В. Григоренко, Н.К. Гудзия, С.А. Макашина, С.И. Машинского, Ю.Г. Оксмана, Б.С. Рюрикова. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0212.shtml (дата обращения: 23.04.2016).
2. Зуева Е.А. Эмоции как объект лингвистического исследования / Е.А. Зуева. – Белгород: Изд-во БУПК «Кооперативное образование», 2006. – С. 148-154.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Изд-во «Питер», 2011. – 784 с.
4. Крылов А.А. Психология / А.А. Крылов. – М.: Проспект, 2005. – 744 с.
5. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
6. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер. – СПб.: Мир русского слова, 2000. – № 4.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 698 с.
8. Тарасова И.А. Введение в когнитивную поэтику / И.А. Тарасова. – Саратов, 2004.
9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
10. Шаховский В.И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвозоология [Электронный ресурс] / В.И. Шаховский. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1298626946&archive=1298627601&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 21.04.2016).
11. Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915-1930 / Б. Янгфельдт. – М.: Книга, 1991. – 287 с.

КОНЦЕПТ *ДОМ* В ЭТНОПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© Табакова З.П.¹, Шипилова Ю.В.²

Северо-Казахстанский государственный университет,
Республика Казахстан, г. Петропавловск

В статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации на примере творчества поэтов Северного Казахстана, где взаимодейст-

---

¹ Профессор кафедры «Русский язык и литература», доктор филологических наук.

² Преподаватель кафедры «Русский язык и литература», магистр педагогических наук.

вуют языки двух основных этносов, казахов и русских. Специфика лингвопоэтического исследования в условиях билингвизма обуславливает необходимость применения этнопоэтического анализа текстов, так как в них интерференция проявляется не только на лексическом уровне, но и на уровне ментального восприятия картины мира.

Ключевые слова: билингвизм, менталитет, лингвокультурема, концепт, этнопоэтика.

В последние годы всё большее развитие получают лингвистические направления, в центре внимания которых находятся исследования ментального аспекта процесса коммуникации. Исследовательский интерес вызывают концепты как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний человека о фактах действительности и национальной культуры. Дефиниция концепта широко применяется сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и в силу этого она несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций. В лингвистике наступил этап необходимости чёткого отграничения исследования концептов в смежных науках. Процесс этот вполне естественен в истории развития лингвистического мышления. Так, доказывая необходимость разграничения языка и речи, Фердинанд де Соссюр писал: «... если изучать явления речи одновременно с нескольких сторон, объект лингвистики выступает перед нами как беспорядочное нагромождение разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Так поступать значит распахивать двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и др., которые мы строго отграничиваем от лингвистики» [1, 34]. Однако и в лингвистической науке толкование термина *концепт* существенно отличается в концепциях разных научных школ и работах отдельных учёных. Любая попытка постичь природу концепта приводит к необходимости разграничения ряда смежных понятий и терминов, в первую очередь – терминов *понятие* и *концепт*. Эти термины семантически связаны, так как концепты репрезентируются словами, однако вся совокупность речевых средств не даёт полной картины концепта. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта. Семантическая структура концепта гораздо шире понятия слова. К концептам не может относиться любая лексическая единица, в частности, конкретная лексика бытового характера, специальная лексика, а также жаргонная и арготическая. Лексическое значение этих номинаций соответствует их понятийному значению, описанному в разных специальных толковых словарях.

Языковая личность в своей речевой деятельности отражает ценности культуры данного времени и данного народа. В связи с этим неоспоримым является суждение В.В. Воробьева: «развитие культуры происходит в недрах нации, народа в условиях безусловного существенного национального единства. Язык представляет собой воплощение неповторимости народа,

своеобразия видения мира, этнической культуры» [2, 98]. Наш мир настолько разнообразен, что невозможно найти в нем две абсолютно одинаковые национальные культуры. Язык – это всегда некое соединение «исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [3, 334]. Подлинно национальное и эстетическое восприятие действительности познаётся через поэтику слова, поэтому для изучения семантики концепта мы избираем поэтический дискурс, так как поэтический текст позволяет выявить не только ментальные составляющие концепта, но и контенты индивидуально-авторского восприятия картины мира.

Для описания концепта *дом* в русской языковой картине мира обратимся к паремиологическому фонду русского языка. Этот жанр фольклора составляет значительную часть культурной жизни и памяти народа. Пословицы и поговорки являются отражением мировосприятия и менталитета народа, в них с присущими народу юмором, образностью и выразительностью отображены различные аспекты народной мудрости. Даль В.И. утверждал, что пословицы – «это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах» [4, 14]. Приведём некоторые пословицы, в которых наиболее ярко выделяются семантические доминанты концепта *дом*:

В гостях хорошо, а дома лучше;
Домашняя копейка лучше заезжего рубля;
Дома всё спору, а вчуже житьё хуже;
Ищи счастье на стороне, а дом люби по старине;
Дом невелик, да лежать не велит;
Мой дом – моя крепость;
Дом согревает не печь, а любовь и согласие;
Не красна изба углами, красна пирогами;
Редкому гостю двери настежь;
Что есть в печи, всё на стол мечи.

В небольшом перечне пословиц находят отражение представления о доме русского человека. В его ментальности дом ассоциируется с местом, где человек чувствует себя в естественной и комфортной обстановке. И хотя человеку свойственно желание отвлечься от домашних забот и беззаботно отдохнуть в гостях и даже побывать в дальних чужих краях, тоска по дому очень быстро позовёт его в отчий дом. Дома и стены помогают, но только тому, кто сам заботится о доме – под лежащий камень вода не течёт. Народная мудрость призывает любить свой дом, обустраивать его. *Дом* – это семья, где царят любовь да согласие, забота о близких и ответственность за всех.

В условиях билингвизма происходит активное взаимодействие культур и языков. Так, Северный Казахстан является лингвистическим регионом, где взаимодействуют языки двух основных этносов, казахов и русских. В течение нескольких лет мы изучаем влияние казахской языковой картины мира на восприятие окружающего мира носителями русского языка. Мате-

риалом для исследования послужили поэтические тексты североказахстанских поэтов. Поэзия избрана для исследования не случайно, так как в поэтическом тексте заимствованные слова используются на эмпирическом, наглядно-образном восприятии. Для изучения данного аспекта мы разрабатываем направление, получившее название – этнопоэтика; для обозначения этнозначимых слов в поэтической речи вводим термин *этнопоэтизм*. Выдвигаемая гипотеза: интерференция на уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира, наиболее наглядно проявляется в поэзии. Ассоциативный анализ поэтического текста позволяет определить культурно-национальную специфику заимствования на уровне наглядно-образного восприятия реальной действительности.

Личность на рубеже двух культур формируется под воздействием культуры родного этноса, но испытывает и определённое влияние культуры другого народа. В условиях тесного взаимодействия перенимаются культура, традиции, особенности ментальности взаимодействующих этносов. В условиях контактного двуязычия творчество поэтов характеризует особая концептосфера, в которой находит отражение национальная ментальность и этническая, заимствованная из взаимодействующего этноса.

Исследуя концепт *дом* в поэтических текстах североказахстанских авторов, мы раскрываем особую картину мира, отражающую взаимодействие русской и казахской лингвокультур. Талантливый поэт В.Г. Шестериков по праву считается певцом Северного Приишмья. В его творчестве концепт *дом* неразрывно связан с категорией *детство* и концептом *память*. Спустя годы воспоминания о родном доме бережат душу поэта. Посетив места, в которых проходило его детство, поэт с радостью описывает знакомые с детства картины:

Всё, как прежде, при встрече:

Вон мой тополь растёт,

Вот разинул скворечник

В удивлении рот.

Только что-то мне словно

Показалось на миг:

Вислоухий подсолнух

Головою поник.

Всё, как прежде, при встрече... [5, 49].

Дважды употреблённое притяжательное местоимение *мой* свидетельствует о глубоко личном отношении автора к этим реалиям: «мой тополь», «дом мой родной». «Разинувший в удивлении рот скворечник», «вислоухий подсолнух» – это образы, рождённые нестандартным видением окружающего мира, свободным от штампов мышлением, фантазией ребёнка. Взрослому вряд ли дано увидеть в круглом отверстии домика для птиц рот, открывшийся в изумлении, или наделить эпитетом «вислоухие» чуть увядшие

на солнце, опустившиеся вниз лепестки подсолнуха. Автору дороги эти места и эти воспоминания, ему приятно вновь погрузиться в состояние абсолютного счастья и свободы: увидеть в кадке с тёмной водой запрокинутое небо и представить возможность зачерпнуть руками облака.

Как давно здесь я не был!

Здравствуй, дом мой родной!

Запрокинуто небо

В кадке с темной водой.

Взглядом пропасть бездонную

Не достать – велика.

Вот возьму и в ладони зачерпну облака.

Мир взрослых разительно отличается от мира детей. Эмоциональная образность этих строк возвращает нас в детство. Воспоминания поэта заставляют почувствовать себя ребёнком и вновь посмотреть на этот мир детскими глазами. Постигание картины мира начинается в родном доме, здесь формируются пространственные, нравственные, смысловые ориентиры. Здесь начинают приобретать значение важные аксиологические понятия, такие как *любовь, добро, семья, родина*. Неудивительно, что в стихотворении «Старый дом» В.Г. Шестериков задаёт риторический вопрос: «Не здесь ли родины исток?» С положительным ответом поэта согласится и вдумчивый читатель.

Давно оставлен отчий дом

И в нем живут чужие люди.

Но с почерневшим потолком,

С поющей старой половицей,

Казался в детстве он дворцом.

Куда уже не возвратиться [6, 16].

Спустя много лет поэт понимает, что дом, казавшийся дворцом, не так уж и безупречен внешне. И его размер, и состояние: «почерневший потолок», «старые половицы» – являют собой полную противоположность дворцу как большому, великолепному, роскошному дому. Однако в детстве все эти недостатки были не видны и не важны, потому что здесь было главное: любовь, семья, добро. Поэтому даже при всех внешних недостатках описанные детали дома наделены положительной коннотацией. Об этом свидетельствует тонко подобранный эпитет «поющая половица», являющийся контекстуальным синонимом лексики «скрипучая». Такое изменение смысла напрямую связано с отношением автора к своему дому, лексема «скрипучая» в значении «издающая неприятные, резкие звуки» и лексема «поющая» в значении «издающая приятные, мелодичные звуки» вне контекста становятся антонимами. Поэта огорчает, что в отчий дом, в котором уже давно живут чужие люди, как и в детство, невозможно возвратиться. В этом контексте семантика слов *дом* и *детство* сближаются в значении *уте-*

рянный мир. Однако воспоминания о родном доме и о беззаботном юношеском времени будут согревать автора на протяжении всей жизни.

Я увидеть снова жажду
Сердцу милые края,
Потому что есть у каждого
Детства станция своя.

Станция Зарослое [5, 56].

Нет места уютнее и роднее, чем дом, в котором родился и вырос. Отчий дом хранит тепло и любовь близких нам людей. Дом – это родовое гнездо, место рождения и взросления в обстановке семейного уюта, место, воспоминания о котором не в силах стереть годы разлук. Подобное восприятие дома детства пронизывает и стихотворение «Дома» Валентины Дмитриченко.

Как приятно возвращаться
На порог родного дома
И без памяти влюбляться
В то, что так тебе знакомо...
В эти синие просторы
С песней жаворонка звонкой,
В дольку радуги над бором,
В нежный бархат жеребёнка.

Дома [7, 27].

Своё детство и юность поэтесса провела в Северо-Казахстанской области, затем переехала из Казахстана в Россию, где живёт уже много лет. В её поэзии сказывается влияние субкультуры Северного Казахстана. Ей, как и любому русскому человеку, хочется заново влюбляться в синие просторы и песню жаворонка, но ещё и в нежный бархат жеребёнка. Любовь к лошадям, поэтизация всего, что связано с жеребёнком, привнесено в её поэзию из казахской культуры, где подобная метафора или сравнение считается высшей оценкой (твои глаза, как у жеребёнка – комплимент девушке).

Бахытжан Канапьянов пишет стихотворения на русском языке, но он воспринимает себя представителем казахского народа:

Я кочевник с авиабилетом,
Визами мой паспорт испещрён...

Используя лингвокультуру казахского народа – *кочевник*, поэт обращается к древности, подчёркивая свои истоки, но поэт осознаёт, что он – «кочевник на новый лад». Он любит свой аул, свою степь казахскую, но для путешествий автопоэту нужны дальние дороги на земле и большие перелёты в небе. Сублимация двух культур – казахской и русской – особый склад мышления поэта. Поэт-кочевник принимает художественный билингвизм как возможность расширения границ и смысла своего кочевья. Ореолом поэтизации национального овеея и лингвокультурема *юрта* – дом для казаха-кочевника.

... Белеет *юрта* ль под луною,
Мой конь спешит на голосок –
К кострам,
к жилию

и к водопою...

Вечер [8, 56].

Стремясь показать лучшие нравственные черты своего народа, Бахытжан Канапьянов местом действия своих героев выбирает юрту. Для Б. Канапьянова юрта – основа жизни и уклада казахского народа, его духовная обитель. Значение юрты в жизни казаха огромно. В своё время Чокан Валиханов писал, что в XII–XIII вв. даже название государств Алтын орда (Золотая орда), Ак орда (Белая орда), Кок орда (Синяя орда) были связаны с юртой. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет номинацию *юрта* как: «передвижное сборное жилище, изготовленное из дерева, кошмы, войлока, тростника, выделанных шкур» [9, 915].

В стихотворении «Родной очаг» поэт просит прощения у родного очага за то, что забывает о корнях. Поэт помнит, что здесь его истоки: его родной аул, здесь могила его отца, его предков, а значит, это – начало, которому нет конца.

... Начало – здесь.

И нет ему конца.

И этот путь продолжен будет мной:

Встречать людей,

Стихи дарить,

И – жить!

Судьбой

Народу своему служить... [8, 110].

В стихотворении вновь лингвокультуреми казахского народа: «степь», «конь», «аул». Но поэту всё чудится, что он забывает о корнях. За его верность, любовь и умение служить своему народу степь прощает своего блудного сына:

...Благословляет степь:

– Иди, сын мой!

Таким образом, несмотря на то, что Бахытжан Канапьянов много путешествует, в душе поэта всегда его Родина. Поэт осознает, что он – часть культуры и истории своего народа, её достойный сын. Творчество Б. Канапьянова крепко связано с родной землёй, с родной степью; она – колыбель поэта, его любовь и боль.

Специфика индивидуально–авторского концепта *дом* Б. Канапьянова не только в уникальных смысловых приращениях, но и в наличии в их смысловой структуре национально–культурных черт.

Дом относится к числу масштабных, универсальных концептов, который издавна функционирует в человеческом сознании. Дом является не толь-

ко своеобразной зоной безопасности, но и пространством, наполненным уютом, теплом. *Дом* в стихотворении И. Плехутина расширяет своё пространственное значение: это уже не просто здание, ограниченное стенами, но бескрайние равнины, сторона степей и озёр. Концепт *дом*, таким образом, сближается по значению с концептом *Родина*.

Мой отчий дом –
В краю степей, в краю озёр.
Где, сколько видит глаз кругом,
Нет ни моря, ни синих гор,
Где воздух чист и даль светла
А зори красками богаты,
Где сплошь, у каждого села
Свои улыбчивые хаты.
Мой отчий дом [10, 98].

Это место окрашено в светлые, радостные тона. Природные реалии, наполняющие пространство *дома-Родины*, получают устойчивый эмоциональный фон. Их описание включает эмотивную лексику мажорной гаммы: «воздух чист», «даль светла», «зори красками богаты». Особое внимание хочется обратить на метафорический эпитет «улыбчивые хаты». Сравнение дома с человеческим лицом топологически связывает гипертекст И. Плехутина с творчеством Н. Заболоцкого, которого волновало философское наполнение категории красоты (в природе, красоты человеческого лица, душевной красоты). Если описание степи достаточно типично для поэтов Северного Казахстана, то появление номинации *хата* в дискурсе местной поэзии необычно. Здесь, вероятно, сказалось влияние классической русской поэзии, например, у Есенина: «Хаты, в ризах облака».

В стихотворении русское поле и казахстанская степь выступают как тождественные понятия:

Я начинаю понимать
Язык *полей* и птичье пенье,
Мне эта *степь* даёт, как мать,
Приют, тепло и вдохновенье.

Поле и степь выступают как бескрайнее пространство, простор, хотя в их семантике, согласно толковым словарям, существуют определенные различия: поле – «обрабатываемая под посев земля, участок земли» [9, 550], степь – «безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» [9, 764]. Однако в данном контексте поле и степь перестают быть просто ландшафтами, на фоне которых развиваются лирические события, они сами становятся их полноправными участниками. Степь поэт сравнивает с матерью, самым близким и дорогим человеком. Такое сравнение и восприятие степного пространства возвращает нас к славянской мифологии, где Мать Сыра Земля почиталась как верховная богиня. Отсюда и

постоянные эпитеты, и устойчивые выражения, так часто используемые в фольклоре: сыра земля, матушка-земля, земля-кормилица. Иван Плетухин неслучайно чувствует связь со степью. Он, как человек тонкой душевной организации, как поэт, черпает вдохновение и тепло из этой связи. Удивительно точно подобрано и слово *приют*, то есть не просто жилище или пристанище, а «место, где можно спастись или отдохнуть» [9, 602]. Поле у поэта также одушевлённая реалья, у него есть свой язык, который нужно услышать и понять. Возможно, этот язык напоминает птичье пенье или звучит как шелест травы на ветру, а может, он воплощён в «песне хлеба».

И я бегу, как ветер, в степь,
Валюсь на землю с солнцем вместе
И слушаю, как спелый хлеб
Поёт всё ту, всё ту же песню.
Та песня манит чуткий слух,
И сердце заставляет биться,
И вместе с нею я, как пух,
Лечу в зенит, прикрыв ресницы.

Такую музыку способен услышать человек с «чутким слухом», влюблённый в свой дом, в свою Родину. Она вдохновляет, наполняет теплом, радостью и лёгкостью, в голосах природы хочется раствориться.

В творчестве многих североказахстанских поэтов концепт *дом* неразрывно связан с концептом *Родина*. Это находит отражение в описании общего ландшафта нашего края, в изображении природы региона, в художественных образах, пронизанных эмоциональным и духовным состоянием авторов. Это не просто воссозданная реальность, это пропущенный сквозь призму мировосприятия новый субъективный поэтический мир.

Взаимодействие культур народов, проживающих на рубеже лингвокультур, естественным образом проявляется в стихах поэтов.

В произведениях русскоязычных авторов о *доме* и *Родине* часто встречаются образы казахской национальной культуры, что отражает особый менталитет местных поэтов.

Солончаки. Солончаки.
В упряжке ветра степь буксует.
Не разжимая губ сухих,
Полынь горячая тоскует.
Здесь был, наверно, край земли...
И, тихо шествуя за нами,
Как аксакалы, ковыли
Качали мудро головами.

В. Шестериков «Степная родина» [11, 42].

Солончаки, степь, полынь, ковыли – природные реалии Северного Казахстана, отражающие особенности субкультуры местных поэтов. В поэти-

ческие строки органично вплетается сравнение ковылей с аксакалами. Лексема *аксакал* является лингвокультуремой в казахском языке и обозначает старейшину рода, почтенного, мудрого человека. Сравнение символизирует историческую память народа. Удивительно, как русский человек увидел в развевающихся на ветру нежно-белёсых волосках ковыля длинные белые бороды аксакалов. Показательно, что в творчестве местных поэтов заимствованные слова используются на эмпирическом, наглядно-образном уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира. Особого внимания требует лексема *полынь*. Она является этносимволичной как для носителя русской, так и для представителей казахской языковой картины мира. Полынь – степная трава, хорошо известная своим ароматом и горечью. Однако поэт в микротексте, изменяя и усиливая признак, заложенный в семантике слова, вместо более ожидаемого и постоянного «горькая» использует эпитет «горючая». Представителям русской языковой картины мира хорошо известно устойчивое выражение «лить горючие слезы», поэтому в индивидуально-авторском мировосприятии эпитет актуализирует уже не вкусовое, а эмоциональное восприятие.

В творчестве североказахстанских поэтов концепт *дом* тесно связан с проявлением гостеприимства. И в русских, и в казахских культурных традициях радушный приём играет важную роль. Концепт *дом* тесно связан с такими лексемами, как *дастархан*, *кумыс*, *юрта*, *чай*. Гостеприимство является одной из характерных особенностей казахского национального характера. Большим бесчестьем могло обернуться посприятие негласных правил гостеприимства. В стихотворении Бахытжана Канапьянова находим следующие строки: «*Степь нам для встреч дана*». В нём и отражение менталитета кочевого народа, и связь времён и поколений, историческая память казахского этноса. Степь – огромное пространство, однако её ландшафт обеспечивал возможность быстрого перемещения, продиктованного образом жизни. Кочевые племена были достаточно изолированы друг от друга, что обуславливает особое трепетное отношение к гостю.

В юрту вхожу –
Пахнет кошмой и чаем.
Чабан добрым взглядом встречает:
«Путник, входи,
У порога не стой,
Открыта тебе моя юрта!
Мяса поешь
И запей-ка сурпой,
Ароматной, с кусочками курта.
Подарок чабана [8, 81].

Репрезентация концепта *дом* в творчестве североказахстанских поэтов обладает рядом специфических черт. Это связано с тем, что авторы роди-

лись или много лет прожили в регионе, находящемся на рубеже лингвокультур. Так, поэт А. Н. Пряников родился и вырос в Ивановской области России. Однако после окончания института решил связать свою жизнь с Северным Казахстаном. И Россию, и Казахстан он считает своей родиной. С местом, где вырос, связаны светлые воспоминания его детства и юности. Но и казахстанская земля, на которой поэт прожил более 30-и лет, сыграла в его судьбе определяющую роль, подарила незабываемые радостные и печальные моменты жизни.

... С тобою связан накрепко, земля,
И с тою, подмосковною, былинною,
Где предков прах,
Где ног моих следы,
И с этой – казахстанскою, целинною,
Где вдоволь было счастья и беды.
За тридцать лет
Здесь прожито и пройдено –
Ни кистью, ни пером не описать.
Как и у многих,
У меня – две родины...
Которую ж единственной назвать?

Две родины [10, 70].

В поэтических произведениях североказахстанские авторы активно используют этнопоэтизмы и этнотропы, что обусловлено взаимодействием культур русского и казахского этносов. В произведениях поэтов Приишимья концепт *дом* вбирает в себя контенты *память, детство, гостеприимство* и обнаруживает тесную связь с концептом *Родина*. *Дом* как пространственная координата может расширять своё значение и осуществлять взаимосвязь между человеком и миром.

Список литературы:

1. Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики. – М.: URSS, 2009. – 272 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. – 112 с.
3. Гумбольдт В. Фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
4. Даль В.И. Напутное. // Пословицы русского народа: Сборник. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957 – 992 с.
5. Шестериков В. Г. Прощёное воскресение. – Петропавловск: «Северный Казахстан», 2009. – 96 с.
6. Шестериков В.Г. Благодарю за всё, что было. Лирика разных лет. – Петропавловск: «Масс-медиа», 2000. – 190 с.

7. Дмитриченко В. Я выбираю любовь. – Невинномысск: «ЗАО Невинномысская городская типография», 2000. – 156 с.
8. Канапьянов Б.М. Плывут облака. – М.: «Русская книга», 2003. – 151 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1989. – 924 с.
10. Табакова З.П., Карабатырова А.К., Медведева О.М. Степные напевы. – Петропавловск: СК ИПК и ППК, 2011. – 122 с.
11. Шестериков В.Г. Острова в степи. – Алма-Ата: Жазушы, 1977. – 56 с.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XXII Международной научно-практической конференции

г. Новосибирск, 31 марта, 26 апреля 2016 г.

Под общей редакцией С.С. Чернова

Подписано в печать 29.04.2016. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л.   Печ. л.   Заказ

Отпечатано в типографии

ООО Издательство «СИБПРИНТ»

630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39